

Юрий Стрелов

А МЫ ИЗ ЧЕРЕМХОВО

Повести

**Иркутск
2013**

УДК 821-161-1
ББК 84(2=Рус7)

С 84 Стрелов Ю. А мы из Черемхово: Повести. – Иркутск, 2013. –
150 с.

© Ю. Стрелов, 2013

* * *

Повесть «Запах гребешков» рассказывает о детстве детей войны – Черемховцев, где вместе росли, познали, что такое нищета, голод и холод, как выживать в тяжелейших условиях, не теряя самообладания и веры в будущее. Порой кажутся невероятными сцены, где описаны ужасные условия жизни, когда живут в избушке – насыпнушке и дети и поросята, но так было...

Было, чтобы как-то выжить во время войны и после неё и кур держали в маленьком домике и поросенка, и даже теленка, чтобы сохранить животных, а значит и себя.

«Запах гребешков» – это военное и послевоенное детство, когда ужасно хотелось, есть, а кушать кроме картошки, крапивы и лебеды порой ничего не было.

И все детские игры, в том числе и в «зоску», в пристенок, в прятки были не от хорошей жизни, детям было просто нечем заняться.

А ещё «Запах гребешков» – это повесть о первой любви, о первом светлом чувстве цыганского мальчика к русской девочке, которое сам автор пронес всю свою жизнь. Думается, что повесть будет полезной и для нынешнего поколения, которое не испытало тягот и лишений во время войны и после неё. Главная мысль повести – не терять самообладания в любых жизненных ситуациях.

Повесть «Один на темном берегу» о сложной судьбе молодого человека. С детства он познал все невзгоды одиночества, какие только выпадают на долю человека. В этой жизни, сложной и запутанной, он ищет выход в нормальную жизнь. Но, как это иногда бывает, выпутаться из сложных моментов весьма сложно. А вот как найти этот, выход зависит только от самого человека.

***Николай Демидов, член союза журналистов России.
Бывший редактор районной газеты «Маяк коммунизма»***

От автора

Мне давно хотелось написать о далеких и тяжелых годах моего детства в городе Черемхове, в котором я родился. И каждый раз всё откладывал на потом. Уже полвека я там не был, и кое-что стал забывать. А тут как-то мой земляк и друг Александр Дмитриевич Кузнецов написал стихотворение «На улице детства». Он посвятил это стихотворение улице Красной. А ведь мы даже жили с ним на одной улице. Это стихотворение я обнаружил в его очередной книжке стихов «Я слову русскому служил». И это стихотворение меня потрясло. Но когда я обнаружил стихотворение «Помню», то я неожиданно многое, что вспомнил из своего Черемховского детства. Я читал и плакал, потому что оно написано будто обо мне. Я решил его включить в свою повесть «Запах гребешков».

*Давние годы, далекие лица...
Помню, как в детстве на рынке бывал.
Как я стаканы холодной водицы
В знойные дни за пятак продавал.
Сколько там было ребят безотцовских,
Будущих граждан великой страны, -
Кто их отцы? От событий бесовских
То враг народа, то жертва войны.
Плод ароматный с прилавка скатился
И закружился волчком на земле;
Парень какой-то на плод соблазнился
И отбежал, чтобы скрыться в толпе.
Но на пути его вырос верзила,
Сильным ударом он с ног его сбил.
Кто же та мать, что верзилу вскормила?
Может быть, яд в молоке её был?
Парень лежал на земле, извиваясь,
Я этот день до сих пор не забыл.
Двое других подошли, ухмыляясь*

*Желтым оскалом лоснящихся рыл.
Как эта тройка над ним свирепела,
Полуубийцы умеют казнить,
Чтобы не сразу, чтоб кровь заалела,
Чтобы калеккой не мог долго жить.
Я подошел к нему, встал на колени,
Чистой водою наполнил стакан,
Рядышком сел, и мы были как тени.
– Как тебя звать-то? – Да Ванька, Иван.
Что-то ещё просиптал он, не знаю...
Солнечный свет его вдаль уносил.
На облака, на их белую стаю
Я, заглядевшись, графин уронил.
Он разлетелся на малые доли,
И заиграли в осколках лучи,
И я заплакал тогда не от боли,
Плакал от жалости, злым вопреки.
Нес я стакан свой уже без графина,
Слушала мама рассказы мои,
Парня того всё жалела, как сына,
И поминала людские грехи.
Память моя словно минное поле,
Часто являются взрывы на нем,
И поневоле, а может по воле
Я вспоминаю о времени том.*

После этих стихов я вспомнил всё из своего Черемховского детства. И вот родилась вот такая моя повесть о времени том.

Написать повесть «Один на темном берегу» я давно задумал. Судьба этого человека не слаще моей судьбы. В первой повести я описал своё детство. Во второй повести мне с родителями повезло. Отец рано умер, как говорится, советской властью загнанный в угол. Мать нас воспитывала одна. Много странствовали, бродяжничали. Потом и сам пошел, как говорится в народе, по наклонной, но выстоял. О своей судьбе я издал роман «Зона». Кроме семейной драмы, когда у Бориса Максимова рано умерла мать, и ему весьма крепко досталось от мачехи, в остальном судьба у нас почти одинакова. Повесть писалась легко, потому

что историю этого человека я хорошо знал. А когда я её закончил писать, и перечитал снова, у меня защемило сердце. Господи, подумал я, сколько же ещё таких судеб в нашей стране! Люди добрые, пожалейте моего героя, потому что в душе он добрый. Ну, что сделаешь, если он не терпит хамства, обмана, предательства, особенно в любви. Оголенное чувство справедливости. И не судите его строго. Есть в повести такие отрицательные и психологические моменты, чтобы читатель оглянулся, осмотрелся, и задумался, а ведь и вокруг него есть такие элементы, какие попадались в жизни моего героя. Согласитесь, есть они. Ну, что теперь сделаешь, пришлось выписать их. Как же без них, родимых. Без них, без этих отрицательных элементов не было бы моей повести, да и как-то скучно бы было без них жить.

Запах гребешков

Повесть

Светочка

Мама отправила меня нарвать крапивы для поросенка. Крапиву запаривали крутым кипятком, потом подмешивали отруби, картофельные очистки. На лавке лежали лаганные-перелатанные разноцветные рукавицы и такой же мешок. Я схватил всё это и тихо выскользнул за дверь. Мне не хотелось, чтобы за мной увязалась сестренка Галка. Она и другая сестра Лиля, два брата, Леня и Вася, ещё спали на печи.

Мне надо было успеть нарвать крапивы и забежать к другу Пахе Вагину, узнать новости. Он жил недалеко от нас. В этом шахтерском городке Черемхове у меня было четыре друга. Павел Вагин – ему уже стукнуло четырнадцать, и он не бегал босиком, как мы, одиннадцатилетние. Он работал коногонов в шахте и получал паек – целых восемьсот грамм хлеба. Рядом с нашим домиком дом Генки Султанова. Семья эта из ссыльных татар. Наши с ним отцы бежали от властей и где-то скрывались. За Генкиным домишком – Волохи Юрьева, далее Грихи Литовкина, последняя была – Пахи Вагина. Далее пустошь, а ещё дальше – шахта 5-бис, где и коногонил Паха.

Я осторожно выскользнул на улицу и вдоль забора побежал к Пахе. Лучше к нему убегу, а потом и крапивы нарву. Поросенок потерпит, а новости нет, подумал я. Калитка закрыта. Во дворе слышны глухие удары – кто-то играл в зоску. Услышал Волохин голос.

– Сто двадцать три, сто двадцать четыре...

Ополз на колени и пополз через специально сделанную дыру в углу калитки. Здесь земля плотная и на ней, и на досках видны черные шерстинки.

– Ну, прямо вылитый пес Музгарка! – хохотнул Волоха. – Сто тридцать, сто тридцать один...

У собачьего лаза развернулся и выглянул на улицу, надо было убедиться, что за мной не увязалась Галка. Улица пуста. Только у дома, напротив, в пыли, возились куры да белый петух-забияка великий драчун Магомет важно ходил вокруг кур. Чего доброго он мог и на меня наброситься.

– Эй, Юрка, напрасно закрылся. Галка уже у Павла. Открой калитку! Я на шухоре стою! Вдруг с гороно появятся...сто тридцать девять, сто сорок...Галка у меня серу выцганила...Оставь калитку открытой, цыган...сто сорок семь, сто сорок восемь...

Поднялся с колен. Разбиралась злость и обида, что Галка умудрилась опередить меня и теперь у Павла, да ещё, наверное, сказала, что я отменный засоня.

Пнул калитку и чуть не вскрикнул от боли – калитка распахнулась. Петух Магомет рванулся было бежать, но, видимо, устыдившись, опомнился. Он громко кокотнул, и, распутив ярко-белое крыло, пошел вокруг кур, этим, конечно, скрывая свою минутную слабость. А я через двор – к крыльцу. Двор большой и посредине лысый, по краям же у дома, у ворот и у забора, земля была будто вспаханная, и рос чахлый подорожник.

К дому притулилась сарайка, и в ней находились свинья Миледи с двумя поросятами, которых мы называли Атос и Портос. Ещё осенью Павел прочитал нам книгу «Три мушкетера».

Поросята появились весной и почему-то плохо росли. Маленькие, пестрые и волосатые, они бегали у нас под ногами, во дворе, и в доме. Ночью спали не в стайке, а забирались под деревянную кровать. В углу двора конура пса Музгарки. Но он здесь бывал редко, всё бегал, пропитание себе добывал.

Там, где калитка в огород – приземистый сарай. За калиткой большая бочка с водой. Рядом с ней тележка на двух высоких колесах. На тележку ставили пяти ведерный бочонок и возили

воду от колонки. Такие тележки были в каждом доме. Павлу мы помогали с водой.

Волоха жевал серу и красиво играл в зоску. В те годы каждый уважающий себя мальчишка имел зоску. Это кусок шкуры, обязательно с волосом, а размером с пятак. И шерсть чем длиннее, тем лучше. Крепилась шкура нитками или дратвой к круглой и плоской пластинке из свинца. В ней пробивали два отверстия для дратвы. Волоха умел играть попеременно обеими ногами.

У меня тоже была зоска, сделанная из козлиной шкуры. Я её выменял у пацанов на базаре на горсть табака, который выпросил у Павла.

Вбежал в дом, а там Гриха Литовкин. На полу ванна. Галка с Ленкой, сестрой Павла стирали тряпки. Ленка бросила стирать и посмотрела на меня глазами-смородинами. Когда вбежал, они с Галкой о чем-то болтали, но тут Ленка замолчала. В её смуглых руках – серая тряпка и с неё на пол тонкой струйкой тянулась вода и разливалась по полу.

– Стирай, ушириха-толстуха! – крикнула Галка, дернув подол Ленкиного платья. Галка ещё ниже уткнулась в стирку, спрятала от меня свои плутоватые глазки, а её волосы, подстриженные под «бокс», словно взъерошились. Ленка была немного полнее Галки.

Трехлетний Витька, младший брат Павла, сидел на «троне». Это стульчик на высоких ножках. Есть столешница, на которую перед Витькой ставили тарелку с едой. По бокам перильца, а сзади мальчишки высокая спинка, крепко скрепленная с перильцами, столешницей и ножками. Здесь Витьку кормили и поили, здесь он мог и уснуть. В сидении отверстие, а между ножек, на полу – горшок.

На столешнице перед Витькой металлическая чашка, и, облокотившись и подперев грязным кулаком большую голову, он смотрел в чашку и будто о чем-то думал.

Вбежал Волоха.

– Вассар, огольцы! Идут!

Павел вынул Витьку из «трона» и опустил в ванну. Галка и Ленка начали тереть мальчишку рогожей, а я схватил чашку со столешницы и заметался по кухне, не зная, куда её засунуть. Во-

лоха отобрал её у меня и сунул в загнеток русской печи и накрыл чашку заслонкой.

Вошла тетка Евлашиха, а с ней незнакомка. Она какая-то прямая и хмурая и это, наверное, оттого, что на её голове черная фуражка, а на ней блестящая и черная куртка, хромовые сапоги. И они издавали сердитый, пугающий звук. Я всегда мечтал о таких хромочах и если на ком видел, то считал того самым счастливым человеком. Удивился, как эта женщина похожа на царевну, нарисованную на картинке, что висела у нас над комодом. Там царевич на сером волке ехал с царевной по дремучему лесу. Женщина, конечно, это знала, вот и выпрямилась, очень хмурая от важности.

Тетка Евлашиха – это комендант на нашей улице Красной. Все почему-то её звали Евлашиха, а вот некоторые взрослые называли её Поликарповна. Она до того высокая и худая, что поговаривали – шила на себя по заказу. На широком, плоском и костистом лице, огромные, какие-то огненные глаза, словно вдавленные внутрь, и желтые круги вокруг глаз. Про такие глаза говорят: «Глаза сороки повиытаскали». Голос у неё, наверное, паровозный гудок заглушал. Совсем недавно узнал, что зовут её Светланой, да ещё Светочкой.

В одном из переулков нашей улицы жила девчонка со светлым именем Светочка. Мать и соседи – все так и звали её, кроме нас, пацанов. Хорошенькая девчонка. Всегда ухоженная, чистенькая. И ужасно красивая. В неё все мальчишки влюбились, кроме меня – не любил задавак. Я всегда думал, что это имя давали очень красивым людям. А тут на один день приезжал военный, брат нашей комендантши, и я слышал, как он назвал её – Светочка!

В тот же день ко мне подошла девочка Светочка, чтобы я и Волоха приняли её играть. Увидел у Светочки прищуренные глаза и нос горбинкой. Вдруг крикнул:

– Иди к себе! Некаво здесь по нашей улице шастать, некаво! Ходить здесь ишо и задаваться! Подумаешь, Светочка! Евлашиха тоже – Светочка! И не выбражай много!

Галка в тот день была со мной. Она громко и радостно крикнула:

– Убирайся с нашей улицы, задавака!

Она подобрала своё длинное, сшитое из разноцветных лоскутков платье, подпрыгнула и лягнула Светочку голой и грязной ногой. Светочка заплакала и ушла, а мои друзья неожиданно притихли. Галка плясала вокруг меня, поднимая пыль, и её волосы, прямые и жесткие, будто звенели.

– А ну, замолчи! – крикнул я, и дал ей оплеуху.

Ушел домой и до вечера по каждому пустяку раздражался... Со стороны барака, который находился недалеко от наших домов, и в котором жили шахтерские семьи, кто-то играл на балалайке и пел частушки, особенно одну из них я запомнил навсегда.

*Когда Ленин умирал,
Сталину наказывал:
Хлеба много не давай,
Мяса не показывай!*

Евлашиха и царевна

Евлашиха ворвалась первой и начала мерить ногами кухню, горницу. Пошагала, пошагала и резко остановилась надо мной. Сердце моё часто-часто заколотилось, и отчего-то зоска в кармане стала тяжелой. Я старался не смотреть на комендантшу и только видел латаные парусиновые башмаки и серые носки, заштопанные черными нитками. А царевна из гороно стояла навытяжку и её красивые, темные и строгие глаза, как у куклы, были неподвижные, словно застывшие. Дышала или не дышала, не видно. Вот она быстро подняла сумочку на уровне глаз, раскрыла её, вынула оттуда платочек и приткнула к глазам и носу. И сразу же разнесся в воздухе приторный запах одеколона. Я не любил эти запахи. Они напоминали кладбище. Такой же был запах, когда хоронили тетю Грушу, мать Павла. Везде прыскали одеколоном. Отец у Павла пропал без вести. Павел надеялся, что отец вернется. Вот уже два месяца, как окончилась война, а Павел всё ждал отца. Павлу было двенадцать лет, когда он пошел работать в шахту коногоном. На конях в шахтах возили уголь.

Подцепят несколько вагонеток с углем, и тянет их конь из лавы в штрек. Шахтерские кони и жили в шахте, и не видели они дневного света. Павел говорил, что если выпустить такую лошадь на-гора, она ослепнет. В темноте они всё видят. У Павла в шахте дела шли хорошо. Его поставили слесарем по оборудованию механизированных лав и назначили восьмой разряд. Наверное, из-за того, что он пошел работать, Павел выглядел старше своих лет: широкоплечий, красивый, смуглый, кудрявый.

Я тихонько взглянул на Евлашиху – она странно водила бровью и морщилась. Отвернулась. А царевна вынула из сумочки тетрадку, какие давали ученикам на контрольные работы, настоящую, в клеточку. А все ученики, в основном, писали на газетах. А ещё делали тетрадки из мешков из-под цемента. Царевна поискала на столе место, куда бы положить тетрадь. Павел подошел к столу, и тряпкой вытер стол.

Галка и Ленка усердно терли Витьку, и он взвыл. Павел подбежал к ванне, на ходу сняв с веревки, протянутой на кухне, белую простынь. Выдернул Витьку из ванны и стал вытирать его. Девчонки начали что-то полоскать в ванне. Ленка иногда взглядывала на меня и её улыбочиво-удивленные глаза насквозь просвечивались лучиками солнечного света.

Комендантша наклонилась и протянула к Витьке руки, хотя могла и не делать этого, и на её лице, под глазами, появилось много морщинок – это она улыбалась. В длинных пальцах комендантши я увидел конфетку – такую роскошь Витька не видывал. Он схватил её и спрятал за спину.

– Ню-ню-ню, – грохотнул голос комендантши, – какие мы слявные, какие мы чистенькие. Ню-ню-ню.

Витька прижался к Павлу и заплакал.

– Нечего парня конфетами кормить, – заворчал Павел. – Вырастет неженкой. А он должен быть мне помощником.

– Это не ваша забота, гражданин...э...Вагин...Павел, – сказала вдруг царевна, заглядывая в тетрадку. Голос у неё нежный, тихий, плавный. Такой голос я слышал по радио, когда передавали сказки. – Не ваша забота, и давайте не будем скандалить. Сейчас мы всё выясним, – она замолчала и посмотрела на Павла. А он умелым движением подхватил Витьку, как это делала моя

мама с младшими братьями, когда завертывала их в одеяльца после мытья, и тоже ловко завернул Витьку в простынь. Легонько похлопал его по попке и подошел к трону. Посадил Витьку, а потом оглядел стол в поисках чашки. И я забыл, куда она девалась. Недавно была и вдруг исчезла. А в чашке варево, составленное по Волохиному рецепту. У Витьки рахит. Многие дети тогда страдали от этой болезни. Мы думали, что она оттого, что ребенок съедает жидкого, или увлекается картофельной кашей. И мы уговорили Павла, чтобы он урезал дневной паек для Витьки. Волоха узнал у сестры, что много лет назад она спасла Волоху от рахита набором трав и овощей. Мать и отец Волохи утонули на Байкале во время шторма. Волоха даже пример привел, что собака, если заболит, то убежит в лес и ест какую-то траву и вылечивается. Мы нарвали травы, какую подсказал Волоха, даже пырея надергали, собрали разных овощей и сделали месиво. Оно дурно пахло, и было горькое на вкус. Витька отказался от такой еды. Волоха, чтобы показать, как надо есть народное средство, выпучив глаза, ползал вокруг мальчишки, ложкой черпал месиво и ел. Иногда приходилось кормить насильно. Потом мы щупали Витькин живот, а он, то увеличивался, то уменьшался. Вот это-то чашку Волоха куда-то засунул. А вдруг найдут – будет шум – скажут, что это бабкино средство. А ещё моя мама говорила Павлу, чтобы он натирал Витьку его же мочой, и каждое утро давал пить. Конечно, на такое Павел не пойдет. А зря. У моего отца были камни в почках, и он их вывел. Он заставлял нас писать в специальную кастрюльку и это выпивал. Все камни вышли. Это тоже народное средство. Отец говорил, что в цыганском таборе от всех болезней мочой лечатся.

– Ну, так вот, – продолжала царевна, – мы решили детей фронтовика Вагина, геройски погибшего...

– Он без вести пропал, он вернется, мы их тут же отдадим, – сказала комендантша и, выставив руки, затрясла ими, будто всех успокаивая.

Царевна хмыкнула:

– Хм. Отдадим. Детей фронтовика Вагина определить в детский дом, имущество описать и выдать при совершеннолетию детей. Сейчас мы составим акт. Светлана Поликарповна, давай-

те говорить, что там ещё? И дом, на какую сумму, давайте уже, чего вы прямо?

– А я их не отдам, – спокойно сказал Павел и засунул руки в карманы, – не отдам. Я работаю, получаю паек. Восемьсот грамм хлеба, а с этого месяца буду получать кило двести. Поросята есть.

Держать руки в карманах в присутствии взрослых мог только Павел. Нам, шпане, такое не разрешалось. В школах, например, зашивали карманы, если обнаруживали в них крошки табака, зоску или ещё какую дрянь. Но главное, чтобы ты держал руки по швам, как солдат перед командиром. Перед учителями и вообще перед всеми взрослыми ты должен стоять прямо и «есть» глазами стоящего перед тобой.

Когда Павел произнес слова, Галка крикнула:

– Атос и Портос!

– Что это ещё за Атос? – спросила царевна. В это время раздалось хрюканье, потом звонкий топот, и в кухню ворвались два поросенка. Комендантша ахнула, подпрыгнула, стукнувшись о потолок, даже известка посыпалась, и одним махом перешагнула ванну. Царевна взвизгнула, выронила сумочку, быстро-быстро затопала ногами и замахала руками, словно обожгла их. Атос и Портос, видимо, спавшие под кроватью, услышав свои клички, вскочили. Галка прыгнула верхом на Атоса. Он лихо хрюкнул и понесся в горницу. Портос преследовал их.

Дав круг по горнице, Атос вынесся в кухню, визжа и топая. Портос, как приклеенный, бежал след в след.

Павел ловко снял наездницу, пнул в бок поросенка и крикнул:

– Пошли вон! Не то будете сидеть голодными! Пошли вон!

Поросята с ревом выбежали в сени, прогрохотали там пустыми ведрами и выскочили во двор. Павел дал шлепка Галке и выдворил в сени. Расставив ноги, комендантша стояла за ванной с кочергой.

Царевна приводила себя в порядок. Подняла сумочку с тетрадкой, вытянутой рукой стряхнула с неё прилипшую грязь. И положила тетрадь на стол.

Вдруг она неожиданно топнула ногой и дребезжащим голо-
сом выдохнула:

– Всё. Пишите. Пусть тетрадь останется у вас, Светлана По-
ликарповна. И больше меня не уговаривайте насчет этой семей-
ки! Свинство развести в доме!

У царевны лицо мгновенно покраснело. Зачем она так? Её
лицо тут же испортилось и постарело. Глаза ещё больше окру-
глились и помутнели, руки побелели, и она их сжала в кулаки.

– Кошмар! Ужас! Вертеп! Ребенок маленький, и вдруг эти
гадости! Это настоящий свинарник! Я не позволю, чтобы дети
жили в свинарнике!

Волоха и Гриха, сложив руки на коленях, сидели на лавке.
Паха вытаскивал белье из ванны, выжимал и вешал на веревку.
Комendantша поставила кочергу к стене, перешагнула ванну, и
похлопала Павла по плечу:

– Ты, Павел, помолчи, помолчи и не лезь, – потом обратилась
к царевне, – вы знаете...Надо бы соседей позвать. Решили бы
сообща...

– Я без ваших соседей вижу, что здесь происходит. Защит-
ники нашлись! – она взглянула на поверженную икону, обвела
взглядом стены, носком сапога толкнула икону под стол и шаг-
нула к печи. Сапожки проскрипели громко и зло. – Икона ви-
сит. А нужных портретов нет...Где наши вожди? Я удивляюсь и
спрашиваю, где они? Почему нет?

– Завтра распоряжусь – будут висеть, где надо, – быстро от-
ветила Евлашиха. А я вставил:

– Они на месте. Много, – ответил я и осекся. Дело в том, что
Паха портреты снял. Их здорово мухи загадили. И мы унесли их
в свинарник. Павел собирался купить новые портреты. Осекся
потому, что на нашей улице одного шахтера ночью увезли на во-
ронке. Кто-то из соседей донес, будто бы портреты наших вож-
дей не только мухи загадили, но их сняли, чтобы на свободное
место грамотный шахтер какие-то картины повесил. Не наши
картины. Будто их прислали из-за границы. Шпион оказался
шахтер. А мы разве шпионы? Просто портреты стали грязные.
Поросята у Сталина ус отгрызли, у Ворошилова голову снесли,
а на голову Ленина кучу навалили. А что с поросят возьмешь?

Они ведь неграмотные. Их на воронке не увезешь, Такой визг ночью поднимут, что всю улицу Красную разбудят. Это я просто пошутил. А Паху могут взять. Да и с нами могут расправиться. Наши семьи зацепят.

– Где они на месте? – вкрадчиво спросила царевна.

– Как где? В мангазине. Их много там, жуть, как много.

– Правильно, – поддакнула комендантша. – Завтра же их возьмем в том магазине. И всех до единого повесим, – сказала так и осеклась. Выпрямилась.

– Развели здесь свинарник, а ребенок голодный, – продолжала говорить царевна и более внимательнее оглядела стены. Её взгляд остановился на печи. Она подошла к ней, и ткнула пальчиком в старый самовар.

– Сейчас посмотрим, чем кормят детей. Вон сколько ртов-то лишних. Всё поедят.

– Паша, пожалуйста, – сказала комендантша и вытянула к нему свои длинные, как городошные палки, руки, – не надо говорить.

И тут я вспомнил! Чашка стояла в печи, накрытая заслонкой. Двинулся, было, к печи, но комендантша цапнула меня словно стальными пальцами за ухо одной рукой, а другой шлепнула под зад.

– Куда прешь, змееныш! А ну марш! Без тебя разберутся!

Волоха соскользнул с лавки и на полусогнутых ногах подкрался к двери. Царевна передвинула пальчик от самовара к чашке. Волоха выскользнул за дверь.

– Надо соседей позвать, – продолжала говорить комендантша и приблизилась к царевне. А та подняла заслонку, заглянула в чашку. В ней зеленела витаминная каша. Царевна отпрянула от печи, и заслонка загрохотала на полу.

– Это что такое? Это что такое опять? Что такое?

– От рахита это, – сказал я, и зоска в кармане стала горячей, – мы это...тово...как ево...лекарство...сделали... я придумал...

Павел мял простынь и его смуглое лицо стало ещё темнее.

– Не могу больше так, – задушено прошептала царевна, – это выше моих сил! Иконы, бабкины снадобья, ворожба! Что ещё? Ещё что? Всё! Хватит! Терпение моё лопнуло! – и она, схватив

сумочку, рванулась к двери. Комендантша шагнула к печи, отбросив мои протянутые к чашке руки, и, вытянув шею, заглянула в чашку.

– От рахита это сделал я. Када мы жили в таборе...то у нас все лечились витаминами, – прошептал я.

В дверях царевна резко оглянулась и так прохрипела, будто у неё перехватило голос из-за ангины.

– Что?! Табор? Вдобавок здесь ещё ошивается...Ну, знаете! Всё!

И она выскочила в сени. А комендантша, не сказав ни слова, потрясла перед моим носом длинным и крючковатым пальцем, а Павел убийственно посмотрел на меня. Комендантша вымахнула за царевной, а Павел за ней. Я крикнул вслед другу:

– Откуда я знаю, как чашка попала туда! Может, сам Витька сунул. Он у нас такой ловкий, что сам подполз и сунул туда чашку! Это он туда сунул! Я видел! Не хотел жрать, вот и сунул!

Я тоже выбежал за ними во двор. А там топтался дядя Федя, сосед Павла. Его огород впритык к Павлову, а дом находился на соседней улице. На груди у дяди Феди красным комочком топорщился орден. Дядя Федя всегда носил его, и когда кричал, орден, будто сильнее краснел, а короткая штанина, оголяя деревяшку, дрожала. Он пытался защитить того грамотного шахтера, которого увезли ночью на воронке. Ходил дядя Федя куда-то, да что толку? Пришел оттуда домой и не выходил из дома несколько дней, а потом запил. Пил он долго и всё плакал. Потом перестал пить и никуда больше не ходил. И вот он опять появился, шумный, нервный, крикливый.

– Я, голубушка, участник трех революций и гражданской войны. В первую мировую меня газом травили. И ты мне не указчица жизни! Я хоть кого жизни научу! Да и чо нас учить-то? Мне человек нужен, душа ево. Хоть он взять, Поликарповна, скажу так, душа у неё есть. А ты мне не тово. Пашка, он не по годам смышленный. Всю войну работал. А скажи-ка мне, расфуфыринка, кто так мог? Он весело жил с ребятами. Да и эти, как их, поросенки есть...

– Атос и Портос! – крикнула за моей спиной Галка.

– Миледи есть, – вставил Волоха. – Мы помогам ему.

– Цыц! – сипло крикнул дядя Федя. – Ну, хоть раз интересовались ейной семьей? Кады он цельный год возился один, да мать цельный год не поднималась, лежала, и он её кормил, ухаживал. А ишо работать надо было.

– Он ухаживал за ней, – вся подалась к царевне комендантша. – Нельзя сейчас отнимать у него детей.

– А я их не отдам. Пусть хоть целый полк теток приходят, не отдам, – сказал Павел, и погладил по голове приткнувшуюся к нему Ленку. Она испуганно смотрела на всех, и в её глазах стекленели невыплаканные слезы.

– На это мы смотреть не будем, – почему-то тихо сказала царевна. В открытую калитку смотрели моя мама и жена дяди Феде, тетя Даша. Дядя Федя закашлялся и полез в карман за кисетом. Он, когда начинал кашлять, то доставал кисет и закуривал. Нам он говорил, что кисет привез с Ерманской войны, когда его травили газом. Дядя Федя, всегда молча, приколачивал чего-нибудь, пилил, строгал. Ворчал на нас. Он любил ворчать, но мы не боялись его. Он давал свой инструмент, и мы как могли, помогали ему.

– На нем всё хозяйство, дорогая, – сказала мама, сложив под фартуком высохшие смуглые руки. Я на всякий случай спрятался за дядю Федю, рядом с Галкой.

– Смирный парень, – говорила тетя Даша, – не то, что вон те оглоеды. Он у нас один на всю улицу Красную такой. Как год ухаживал за матерью, никого не было, как померла, царствие ей небесное, ну и поползли, язвы их, и поползли комиссии, будто у них нет других забот.

– Комиссии эти государственные, – сказала царевна и внимательно посмотрела на дядю Федю.

– Ну и пусть они государством и занимаются, – сказал дядя Федя, – а то занимаются чёрт знает чем, – хотел ещё что-то сказать, но начал кашлять и шарить в кисете. Худенькая спина тряслась, я даже слышал скрип внутри тела. Он нам говорил, что этот кашель он заработал в окопах с Ерманской.

Царевна топталась, и сапожки не скрипели так, как в доме. Она поправила фуражку одной рукой, другой прижала сумочку и почти прошептала:

– Это как понять? Комиссии государственные, утвержденные партией, а вы сравниваете... с этими... Вы что? Против советской власти? Против народа? Причем тут черти? Да ещё и обзываетесь? А я ещё как член... партии большевиков, не позволю! Я на рабочем месте!

– Ну, так надо бы чего решить, – сказала комендантша и заговорила дядю Федю. – Парень хороший. Ребятишки ухожены...

– Тут мне такого наговорили, что вы знаете, чем пахнет?

– Это у дяди Феди такой самосад, – вставил Волоха, – лучший на нашей улице. Это самосад пахнет.

– Брысь, – задушено сказал дядя Федя, – член она... тогда душу должны иметь... А потом, – кашлял он и махал руками. Лицо его покраснело от натуги. Он пытался ещё что-то сказать...

– Ладно, – тихо сказала царевна, поглядывая на дядю Федю.

– Ладно, думаю, что месяц сроку и ни дня больше. Через месяц посмотрим. Как справится, так всё... На этом всё.

– Мы справимся! – неожиданно громко крикнул я и осекся. Мама вытянула шею и заглянула за спину дяди Феди.

– Вот они, голубчики. Я-то думаю, куда это они задевались? Ну, дивяволы, я до вас доберусь! А ты, дорогая, чо как облизьна, то так, то эдак? Чо ты всем мозги заморочачила? Сказала бы, бриллиантовая, чо дети хорошие и отпустила бы их, и не скандалила бы тут. Такая красавица, ну просто яхонтовая, а ругаешься. Зачем так? И зачем говорить нам, чо ты член? Ты ведь не мужик. У тебя чо? Стыда нет? Ты пошто такая?

Царевна ещё больше выпрямилась и изрекла:

– А эта... зачем здесь? Ещё не хватало... и туда же... а этим я и совсем не верю... Всё ясно. А вы, товарищ... ещё и герой Гражданской войны. Бунтовать? Против советской власти? Не позволим! Месяц сроку!

Она ушла. Комендантша выпрямилась, огляделась и сказала:

– Месяц. Вот так. И чтобы у меня ни-ни... А вы, дядя Федя, как мальчишка... Ну, ничего. Я постараюсь это дело замять. Сегодня же. Иначе, сами понимаете... Ах, дядя Федя, дядя Федя... Вы же знаете, кто это был перед вами. Она – большевичка. Комиссар. И этим сказано всё. Как вы могли? Ах, дядя Федя, дядя Федя.

– Вот ей! – прохрипел дядя Федя и показал кукиш.
– Мы все будем помогать, Светлана Поликарповна! – закричал Волоха. Ишь ты, и громкий голос появился, хитрюга. Чашку сунул в печь и смылся, а тут такой голос звонкий приобрел.

Все ушли. Последним уходил дядя Федя. Он потоптался, затянулся дымом, и заковылял к калитке. Остановился, повернулся к нам и в полуобороте тихо и задумано сказал:

– Паха...там потом струмент мой возьмешь...Бабе накажу...
Чтоб отдала...Струмент справный...Будь здоров, Паха...

Паха бросился за дядей Федей, остановил его за руку. Что-то тревожное было в этом разговоре. Мы это почувствовали – молчали. Только теперь я услышал, как трубил Витька. Я подошел к другу и тронул его за плечо.

– Там Витька возгудает.

– А-а...да, да...Пошли, Юрка. Пошли, ребята.

Дядя Федя проскрипел за ворота.

Ребята побежали в дом, а Павел остановился и поманил меня к себе. Тихо сказал:

– Понимаю, понимаю...Дядя Федя хороший человек?

– Хороший, – ответил я.

– Думаешь, почему это я так к тебе? Ты...вроде не такой, как все. И отец твой хороший...У дяди Феди нет ноги...Он немолодой... Нет ничего лучше свободы. Отец твой в этом деле молодец. А вот дядя Федя...Иди в дом. Пошли.

Чего это он про моего отца? Просто мой отец настоящий бродяга. Где-нибудь в таборе. А ведь, когда он сбежал от советской власти, то все мои друзья про это знают. Сбежал. Откуда мне знать, где он?

– И я не знаю, где мой отец, – с печалью в голосе сказал Паха.

– Эх, Юрка, я ничего не имею против твоего отца. А ты верь ему. Всегда верь. Если бы у меня был отец, да я бы...

– А я верю. Найду его.

– Ты всегда верь. Я ведь знаю, как тебя пытали, когда исчез твой отец. И ты ничего не сказал. Об этом никому ни слова. Я один знаю. Я видел под мышкой у тебя шрамы. Терпи. Пошли.

О том случае со мной мне даже не хотелось вспоминать. Даже если бы я знал, где мой отец, никогда, ни перед какими пытками не сказал бы.

Радости и печали

Когда вошли в дом, Павел долго смотрел на нас, но мы не ответили взглядов.

– Ну вот, ребята. Я вас не задерживаю. Вы можете свободно приходите, как всегда... Я за Ленку и Витьку в ответе один. Я бы их всё равно не отдал.

– Ты чо, Паха? – сказал Волоха, – ну ты даешь! А? Ты чо? А?

– Мы ведь согласны быть с тобой. Ты на работу, а мы с ребятами, – поддержал я Волоху.

– Мы сколотим ящик, а внизу колесики приделаем, и будем возить Витьку. И даже к тебе с ним на работу приедем, – предложил Гриха.

Павел ответил:

– Атос и Портос бы подросли, а Миледи бы ещё поросят принесла бы. Надо сходить на свалку, да рогов пособирать. Всё закончилось. Гребешки не с чего делать.

– Мы все пойдем, – предложил я. – Тележку сделаем сегодня же. Завтра Витьку на тележку и айда за рогами.

В это время в открытую дверь дома вбежал Генка Султанов, наш друг. Он всегда опаздывал, хотя дом рядом. Мне кажется, что его мать не пускала.

– За мной гнались трое... базарники, – выпучив глаза, и задыхаясь от бега, говорил Генка. – Ну я двоим хорошо дал. Не хотел с ними связываться. Я такого задал...

– Стрекача от них, чо вмиг здесь оказался, – вставил Волоха и засмеялся.

Генка до того худой и смуглый, будто долго коптили и высушивали. Оттопыренные уши торчали на лысой голове, и он ею постоянно вертел, словно прислушивался. На его лице неестественно торчал длинный и острый нос. Чистый Буратино. Мы и прозвали его Буратино.

Ну, ребята, – сказал Павел, – у каждого из вас есть дома дела. И я не хочу, чтобы вам из-за меня попало. Если хотите помогать, приходите в свободное время. Вы только не обижайтесь, но родителям вашим ваш пыл надоест, и они потом нас не очень поддержат. Старайтесь дома помогать, как лучше. Сегодня мне надо будет организовать стирку...

– Мы с Ленкой будем стирать, – вставила Галка.

– Стиральщицы. Простыню от половика не отличите. Молчала бы уж, – криво улыбнулся Волоха.

– Ладно, хватит вам, вечно ругаетесь! – прикрикнул Павел.

– Волошка-галошка, – прошипела Галка и словно кто с места смахнул, прыгнула к двери. Ну, связался Волоха. Теперь держись. – Светочке записку написал, и она смеялась над тобой. А тебя сестра ремнем бьет!

Галка выбежала во двор. Кричала:

– Жених и невеста, поехали по тесту. Тесто упало – невеста пропала! А Светка пропала! А Светка пропала!

– Связался с кем, – проворчал Павел.

То, что Волоха написал Светочке – новость. Я ведь тоже как-то собирался пригласить её в кино. Волоха опередил. Интересно, что он там написал? Немножко стало тревожно и обидно.

– Там твой мешок, Юрка, – сказал Павел. – У калитки он, там же и рукавицы. Тебе надо идти за крапивой. Матери чего-нибудь помощи.

Только сейчас вспомнил про крапиву. Её нарвал быстро. Она росла вдоль заборов в огородах. Дома меня мама не ругала. Пока она готовила корм животным, я похлебал крапивного супа с лебедой. Галки не было. Накормив свинью, мама пошла на базар. Она там торговала папиросами, разбавленным спиртом, самогоном из-под полы. Ворожила на картах. Иногда и я ей помогал что-нибудь продать.

Выпустил ребятшек во двор, закрыл ворота на засов и через огороды – к Павлу. Мои друзья во дворе сколачивали короб. К нему прикрепили четыре колеса от детских велосипедов. Борта короба высокие, чтобы Витька не вывалился. И такие тележки, наверное, были в каждом дворе. Мы посадили Витьку в тележку, и пошли к террикону. Он недалеко от нас дымился. Это боль-

шая остроконечная гора, похожая на пирамиду. У подножия терриконика мы всегда собирали уголь в специально сделанный короб. Его в окрестности все огольцы знали и не трогали.

Недалеко от терриконика старая отработка, там накопилось много воды, и образовался пруд.

Со стороны пруда доносились голоса, визг. Черемховская шпана резвилась там.

– Как жарко, а? – захопал себя по груди Волоха. – Спасу нет от жары, а? Замучила меня эта жара.

Волоха всегда ахал, когда что-нибудь затевал.

– С ума можно сойти от такой жары, – поддержал я друга. – Ну и жара нынче, так бы и лил воду на себя.

– А я чего-то не заметил жары, – подал голос Генка. – Вроде и ветер северный задул.

– Тебе бы этот ветер мозги прополоскал, бестолочь, – прошептал Волоха, – замолчал бы удав...

– Ты чо толкаешься?! – крикнул Генка. – Чего я сказал такого? Ветер северный. А ты чо, Волоха? Чо вы на меня? Да говори, Волоха... Чо шепчешь? Куда купаться? Волоха, ты чо дерешься?

– Ну вот что, друзья, пошли на вашу лужу, – сообщил Павел, и бросил собирать уголь. – Покатаемся на лодке. Давно не плавал. Айда на лужу!

– Ура! – закричали мы с Волохой, и запрыгали вокруг Павла, сбивая друг друга с ног. А Генка сказал:

– Сначала дерутся, потом лезут играть. Чо с вами?

Мы бросились к пруду. В те далекие времена, если кто помнит, был такой довольно большой пруд. К нему можно было попасть от фабрики имени Лазо, а также от базара.

Павел поговорил с тремя парнями, которые сидели на борту лодки, вытащенной на берег, и они отдали её нам.

– Григорий, сказал Павел, – побудь пока с Витькой. Рано ему ещё. А потом и тебя покатаю. Ты более серьезнее этих...

Гриха молчал и смотрел на лодку, и когда мы сели, откуда-то выскочила Галка и прыгнула в лодку. А вон и Ленка. Павел оттолкнулся веслом и крикнул:

– Лена, я тебя потом покатаю с Грихой!

Мы отплыли, а Ленка бегала по берегу и кричала:

– Ага, Галку так взяли, ага, ей так всё можно, ага, мне так нельзя, да?

Мы плыли и блаженствовали. Плыли на середину пруда. Павел сильно греб, и лодка толчками продвигалась к другому берегу. Лицо у Павла светилось, узкие глаза поблескивали чернотой, сильные мускулы перекатывались и бугрились, и он возвышался над нами на целую голову.

Мама всегда говорила, что похожий на его деда. А он был бурят, сильный и смелый. Он служил на границе и был командиром отряда у самого Блюхера. Потом деда объявили врагом народа. Перед самой войной. Но отец Павла не верил в это. В первый же день войны он ушел добровольцем на фронт.

Вот что сказал мой отец Павлу:

– Не верь, Пашка, что твой дед враг народа. Он отличный человек. Не верь разной сволочи. Я же вот верю. И ты верь. Я твоего деда хорошо знал.

За тот год, что мы жили здесь, я сдружился с Павлом. И мне не хотелось, снова куда-то уезжать. А мой отец, когда покупал нам домишко, сделанный из досок и засыпанный шлаком, не знал, что почти рядом живет семья Вагиных в таком же домишке. У моих друзей все такие дома были. Фамилия у Вагиных была бурятская. Отец Павла на время поменял фамилию на русскую, чтобы его дети не были травмированы. Потом приехали в этот городишко. А когда отец уезжал на фронт, то сказал:

– Мы ещё вернем свою родную фамилию. Где лежат настоящие документы, ты знаешь. Тот человек вам сразу их отдаст. Надежный человек. И если тот человек исчезнет, всякое бывает, ты знаешь, где их взять.

Этим человеком оказался мой отец. Ему не составило труда сделать документы для отца Павла и его детей. Такие заказы он давал своему двоюродному брату, дяде Коле Кунгурову, по кличке Кунгур. Но мой отец где-то хранил настоящие документы Вагиных. Но если бы они потерялись, такие же документы были бы сделаны. Такие мастера были. Надо сказать, что дядя Коля всегда помогал тем людям, кто обращался к нему за помощью. Однажды какие-то бандиты увели корову из стайки овдовевшей матери с шестью детьми. Тогда женщина обратилась к дяде

Коле. И он со своими товарищами нашли тех бандитов. Какая там была разборка – неизвестно. Однажды ночью во дворе этой женщины появилась корова. Правда, другая, но она давала молока ещё больше прежней коровы.

А когда мой отец исчез, то Павел сказал:

– В моем полку прибыло. Ты верь отцу. Скоро, глядишь, даст весточку. И снова вы начнете бродяжничать. Жаль. Но никогда не забывай, что ты родился в городе Черемхове. Здесь твоя настоящая родина. С этих мест пошел ваш род.

Шрамы под мышками остались на моем теле навсегда. Как это было?

Однажды, когда отец был в бегах от советской власти, а его должны были арестовать, к нам пришел какой-то военный дядя. Отец кого-то обозвал отрепьем партии. Участковым был наш родственник. Как-то он узнал, что отца должны арестовать Он и тихонечко сообщил маме, что этой ночью придут за отцом.

Человек осмотрел стены, и сказал:

– Икона есть, а почему нет нужных портретов? Молчать! Знаю. Никого не признаете, но вы живете в стране советов. Всё барышничаешь? Молчать! Народ обманываешь? Почему на работу не идешь? Знаю, этот твой старший огрызок на железной дороге из вагонов уголь ворует. Знаю. Молчать! А ещё он колоски с полей ворует. Я вот полгода в этом городе живу, и всё удивляюсь, как ты без работы можешь столько детей прокормить? Вот и пошел твой огрызок воровать. Молчать! Где твой главный вор и возмутитель?

– Я же вам говорила, дорогой – найдите мне мово мужа. Куды ево дели? Куды?

– Я тебе не дорогой, цыганская твоя рожа! Поговори мне, барыга! Он сам куда-то исчез. От советской власти он не скроется. Молчать! А ты, черномазая, попадешься с товаром. Загремишь, курвяка черномазая! Молчать!

– А ты меня поймай. Я свободная женщина.

– Вы живете в советском государстве и не можете быть свободными. Если каждый человек будет свободным, как ты здесь болтаешь, тут такое тогда начнется! И ты мне, курвяка, брось долдонить о свободе! Молчать!

– Помогите найти мужа, – не унималась мама.

– Он враг народа! А ещё вор! Бандит с большой дороги. Ты это хоть можешь понять? Он сбежал от справедливого суда, от возмездия. Ещё раз поймаю на базаре при спекуляции товаров – загремишь как миленькая на Колыму. Ещё раз увижу цыган в твоём доме – посадим вместе с ними. Мне плевать, что они твои родственники! Плевать! Вы все власть нарушаете, курвяки! А все ваши избенки и шатры сжечь!

Раскрылась дверь, и ещё один возник, на вид ещё молодой и чистенький.

– Мы ждем вас, товарищ Гниломедов. Там ещё двоих доставили. Я бы тут сам разобрался...

– Вот что, товарищ Мартынов, вы мне... не того. Они враги народа. Ладно. Не миндальничай с ней тут. Я пошел.

А новый товарищ, по фамилии Мартынов, оглядел стены, и остановил взгляд на иконе. Потом сказал:

– Работа такая, извините за товарища... Нервы. Он на фронте был комиссаром... Сами понимаете... А ваш муж... понимаете... в бегах.

Мартынов пошел к выходу, остановился и, не смотря на нас, сказал:

– Надо понять. Всё так сложно. Извините...

Но тут ворвался Гниломедов. В его больших глазах злоба.

– Он меня ещё и пнул! Ну, я ему покажу, как себя вести с законной властью!

Я стоял у печки и держал книгу о каком-то смелом парне. В этот день мне дал её почитать Гриха. Он настоял, чтобы я её прочитал. Гниломедов вырвал её из моих рук.

– Ты посмотри, какую он книгу читает?! Ах ты, сучий окурок! Не имеешь право её читать! Нет для тебя такого права! Взять паршивца! Вот он и скажет, где его отец! Взять.

Тут же вбежали два милиционера и схватили меня.

– Ему только двенадцать лет! – заревела мама.

– В самый раз ответ держать!

Мама бросилась на Гниломедова, и он ударил её по лицу. Она упала. А меня вынесли на улицу. Втолкнули в черный «воронок».

Там уже сидело трое мужчин. Один из них был в наручниках, а лицо было в крови.

Кабинет. На столе наган. На всю жизнь запомнил пепельницу, в которой дымился окурок. Гнилomedов хмуρο смотрел на меня.

– Где отец?

– Не знаю.

– Видишь оружие? Одна пуля для тебя. Отвечай, окурок!

Мне связали руки и подвесили к торчащему в потолке крюку. Гнилomedов курил папиросу.

Мартынов сказал:

– Молодой он ещё. Откуда ему знать? Отпусти.

– Пожалел? Они нас не жалеют. Это всё из-за них, врагов народа мы так живем. Все они одинаковы. Надо же! Какую книгу читал! Тебе ли читать её? Говори, змеёныш! Говори, сучонок! Говори!

Мартынов вышел, хлопнув дверью.

Гнилomedов свой окурок сунул мне под мышку. Дикая боль, но я не закричал. Злость и обида затмили боль. Что есть силы, пнул Гнилomedова. Он громко закричал и стал на моем теле тушить папиросы.

Потом меня сняли с крюка и отливали водой.

Утром выпустили.

С тех пор на моем теле остались шрамы от окурков. И когда кто-то тушит папиросу в пепельнице, вспоминаю ту страшную ночь из моей жизни.

...Павел замурлыкал песню о тачанке, подмигнул нам, и мы поддержали его и начали тихо петь.

И тут я увидел, что по берегу шла Светочка, медленно так шла и смотрела в нашу сторону. Я забеспокоился. Мельком взглянул на Волоху. И он уловил мой взгляд. Волоха дрыгнул ногой, опустил руку в воду и заорал песню о тачанке. Сдалась она ему! Он её всегда хорошо пел. Я никогда не мог его перекричать. Он выдернул руку из воды и начал ею махать. А мне стало тоскливо. Светочка шла по берегу и смотрела в нашу сторону. Волоха изнемогал от крика. И Галка стала визжать и махать руками. Генка подвывал. Все против меня настроены – хоть плачь. Волоха

вскочил. Павел от неожиданности выпустил весло, а другим сильно загреб воду, и Волоха полетел за борт. Лодка перевернулась. В один момент я оказался в воде, но тут, же вынырнул. Пронеслась мысль – надо ухватить Галку. А она выплевывала воду и, вытаращив глаза, гребла ко мне.

Поверхность лодки, гладко зашпаклеванная варом, стеклянно блестела под лучами солнца. Мы с Галкой ухватились за холодное и скользкое днище с одной стороны. А с другой показались черные головы Павла и Генки.

– Все на месте? – спросил Павел. Черные волосы не отличались от днища лодки. – Ага, Волоха шпарит к берегу... Там же такая глубина! Ну, чёрт полосатый!

– Это он тебя испугался, – сказал я. – Прыгал, как леший.

– Чо он его испугался? – вытаращил на меня свои большие и немного раскосы глаза Генка. – Волоха орал здорово, и никого он не испугался.

– Он же потопил лодку, вот и испугался! – крикнул я, удивляясь бестолковости друга.

Волоха плыл к берегу, где ждали нас Генка с малышами. А мы, держась за лодку, медленно продвигались к другому берегу. Светочка ждала нас.

Вытащили лодку на берег. Светочка ходила среди нас и восхищалась, ну а Галка вдруг ляпнула:

– Брат у меня чо надо. Спас меня.

Светочка любовно смотрела на меня. Но тут Генка чихнул и изрек:

– Я чо-та не видел, как он тебя спасал...

– Он «видель», – передразнила Галка. – Где тебе видеть, если мы с Юркой тебя спасали!

– Вы меня?! – возмутился Генка. – Я плавать умею! Ты всё врешь, окуниха!

– Это я-то вру? Я никогда не вру! Он плавать умеет! Ты, наглец, тонул, а мы тебя за шиворот тащили! Я вру!? А ну, повтори! Сейчас за это ты у меня моих ногтей попробуешь!

– Хватит! – крикнул Павел. – Сорока чёртова! С вами только свяжись, вечно в какую-нибудь историю вляпаешься! Теперь с вами никуда не поплыву!

Светочка подошла ко мне и пальчиками прикоснулась к плечу. Сняла прилипшую водоросль. Светочка очищала пальчиками соринки, приглаживала рубашку, а я притих. Но чтобы не показать свое состояние, мотал головой в такт песни о тачанке. Вот бы Волоха увидел – от зависти позеленел бы. Пальчики у Светочки длинные, круглые и горячие, чувствовал их, какие они нежные и мягкие. Даже уловил у неё запах пряников и конфет. Почему так бывает хорошо от прикосновений этих пальчиков и развевающихся волос? Ведь и Волохе, видимо, с ней хорошо, когда они ходили в кино. И почему другой раз я ненавижу её, а когда долго нет на улице, хочется увидеть. А увижу, буду избегать?

– Какая противная вода, – спокойно сообщила Светочка, – и поплыли зачем? Волоха всё виноват, прыгал, как угорелый. Противный.

Моя душа пела. Волоха на моих глазах растоптан. Я осмелел, и решил пожалеть друга.

– Мы все виноваты, некаво было прыгать. Волоху жалко. Паха на него злой...

– Хотя Вовка противный, а жалко его. В общем-то, он ничего мальчишка. В зоску лучше вас всех играет. И в кино с ним можно сходиться...

Она замолчала, а я совсем притих, и где-то в глубине, под сердцем, что-то кольнуло, а в голове словно похолодело. Чёрт меня дернул с этим Волохой. Светочка стояла напротив меня, держала меня за пуговицу на рубашке, опустив головку, и её светлые и прозрачные волосы, рассыпанные по плечам, спине, груди, опутывали меня, от них словно становилось совсем тепло. Я не понимал себя. Что со мной? Ничего вокруг не замечал, будто тени мимо меня проплывали. Я неожиданно для себя бухнул:

– Тоже...это самое...пойдем в кино?

Светочка потянула пуговицу сильнее.

– Мама не пустит...У неё сегодня гости. Дядя Витя приезжает, и должна быть дома... Я бы пошла с тобой. Мама боится за меня...Ты-то ничего...Ваши цыгане...Мама говорила ...Они могут меня украсть...

Папа у Светочки погиб на фронте, и они с мамой жили вдвоем.

– Ты выходи. Не бойся, – сказал я, и почувствовал, как лицо стало гореть. – Мы будем бегать, и я буду стараться, чтобы ты не голила. Не бойся. Это неправда, что мы детей воруюм. Неправда. Не верь. Выходи.

Мне не хотелось этого говорить, я даже противился, но не такую ерунду и удержаться не мог. Да и обидно. Кто её воровать собрался? Зачем так люди врут на нас?

– Я пойду, ладно? А то вон Галка смотрит, – сказала Светочка и оторвала пуговицу. Отошла от меня. Шла она по берегу, стройная и самая красивая во всем белом свете.

Подбежала Галка.

– Вот маме скажу, жених и невеста! – звонко крикнула она вслед Светочке. – Жених и невеста! А Светка – невеста! А Светка – невеста!

Вот уже и Светочки не видно, и день неожиданно стал портиться, появилось непонятное раздражение на Павлово спокойствии, на худую Генкину шею, на Галкины выпученные глаза. Она увидела моё лицо, сорвалась с места и побежала навстречу Ленке.

А я вспомнил, что ребяташки сидели во дворе, и надо было накормить свинью. Машку надо кормить чаще. Глядишь, к осени будет много мяса. И зиму проживем безбедно.

Ночью был шум. Кто-то кричал. Я вскочил. Мама стояла у двери и плакала. Дверь была закрыта на засов.

– Ма, а ма? Кто там? Папка приехал?

– Тише. Детей разбудишь... Тетя Паша это...

– А что она это ночью завозгудала? Что плачешь-то? Дядя Федя заболел? Ты полечи его. Дай я отнесу трав...

Мама потихоньку прирабатывала тем, что заготавливала разные травы и делала настои, заговаривала грыжи, лечила от сглаза, от болей в спине, груди, «поправляла» от сотрясения головы. Гадала на картах соседкам, на базаре, вокзале... Вот только от рахита не было средств. Кое-чему и я у неё научился. Пацаны говорили, что будто рядом со мной постоят, и становится лучше.

– Не надо травы. Ложись спать.

Мимо нашего дома проехала машина, свет от её фар проник сквозь ставни в комнату, тихонько и бесшумно скользнул по стенам, потолку, словно что-то выискивая. И уперся в стену. А потом резанул по глазам. Быстро закрыл их, но всё равно свет какими-то огромными, радужными кольцами расширил мои глаза. Любопытство взяло верх. Свет от фар, не найдя ничего, исчез. Мама постояла ещё некоторое время, открыла засов и вышла. Я выскользнул за ней. Огромная луна, будто чего-то, стыдясь, покраснела и стала прятаться за темную тучу, но ещё какое-то время продолжала освещать наш двор нашу крышу и крышу соседнего дома. В раскрытой калитке стояла мама, а далее... да, это была тетя Паша. Она плакала. Никогда не видел её такой.

– Ироды! Сволочи! Ещё и меня спрашивали! Так я их испугалась! Пусть и меня берут! Нашли врага народа! Это Федька-то враг советской власти? Что-то искали. А чо у нас найти? Клавдя? Чо есть-то у нас, Клавдя?

– А у нас чо было? – спросила мама. – Тоже всё перерыли. Антихристы. Ни дна им всем и не покрывки! Юрку допрашивали. Тело жгли. Сволочи! Чо у нас искать? Стены голые, да ребяшня.

Значит, дядю Федю посадили в тюрьму. За что? Все мы его хорошо знали. Он настоящий герой!

– Они настоящие фашисты! Разве так можно, Клавдя? По нашей улице ещё одного забрали...Этот приезжал. Как ево... Он ещё Федьку всяко обозвал. Этот Гниломедов сам настоящий курвяка.

Пошел домой. Луна спряталась, и во дворе стало темно. Бросился на жесткую кровать и долго ворочался. Потом снились кошмары, ну а клопы и вши совсем обнаглели, ползли по телу и кусались...

Когда утром проснулся, то вспомнил вчерашний день. Обидно. Что Светка нашла в Волохе?

Стоял с ведром. В нем картошка. Вывалил её на пол. Подошла шестилетняя сестра Лиля. Она сказала:

– Дай мне лошадку.

– Зачем она тебе? – рывкнул я. Обидно. Зачем только пожалел Волоху? А ночью дядю Федю увезли...

– Вон так картоха похожа на лошадку, – упрямылась Лиля. И тут я увидел, как у неё набухали слезы, и они должны были вот-вот выкатиться.

– Она похожа на лошадку, и я буду её кормить. Она голодная.

– Кого ты собралась кормить?! – продолжал кричать я. – Кого?!

– Лошадку.

– Какую ещё лошадку? Не понимал сестру.

– Вон эту, – показала она на картофелину, – это лошадка, и я её буду кормить. Не надо её резать. Ей больно будет. Отдай.

– Это картошка, а не лошадка! – крикнул я и вырвал у сестры картофелину, грохнул её об пол. Она гулко стукнулась и покати-лась. У Лили выкатились слезы, похожие на мамины бесцветные бусы. Одна упала на пол темным пятчком, и я словно уловил стук бусины.

Лиля засемила в горницу за картофелиной. И тут только заметил, что она похожа на лошадку, и понял состояние сестры. Но жалось к сестре, не приходила, только немного утихла и растворилась злость. Взглянул на темное пятнышко, на след Лилиной слезы, и начал экономкой чистить картошку. Чистил и потихоньку смирялся со своей судьбой. Вот возьму, и не буду ходить на улицу. Забеспокоятся друзья и прибегут. А Светочка? Представил, как будет ходить Светочка и тайно вздыхать и заглядывать на окна нашего дома. Пусть помучается. Пусть вздыхает.

Накормил ребятишек и дал корм свинье, прибрался в доме и даже вымыл пол. Развел известь в ведре и собрался белить печь, как вдруг увидел маму – она стояла у порога и её тонкие руки вдоль тела.

– Ну, молодец, седни. В сенях банку возьми с мукой. Купила у знакомых бурят. Отнеси Павлу.

– Дядю Федю не отпустили?

– Нет. Пока ни одному, ни слова. Мотри. Когда же всё кончится? Антихрист треклятый. Чёрт усатый. Смертушки нет на нево.

– Я мама, пошел. Может, чо ишо сделать? В стайке бы навоз убрать.

– Иди, иди. Ну, прямо золотой седни. Ладно. Убери в стайке. Потом можешь бежать к Павлу.

Пошел в стайку. Пусть Светочка переживает. А Галка куда-то убежала, наверное, к Павлу. Пусть. Мне и дома хорошо.

С навозом долго повозился. Потом в маленькой тачке возил его на огород. Мама ушла на вокзал, к пассажирскому поезду. Там она ворожила на картах и бобах.

Потом, когда всё вывез, то хотел приблизиться к играющим на улице ребятам, но раздумал. Нужны мне больно их разговоры! Мне просто не захотелось играть в прятки, и я побежал домой. Скучно вдруг стало. Когда дошел до калитки, то оглянулся – Волоха ходил петухом вокруг Светочки, что твой петух Магомет. И Волоха что-то ей рассказывал, а она весело смеялась. Другие ребятишки побежали в разные стороны, конечно, прятаться. Остались только Светочка и Волоха. Что такое он мог ей рассказывать? Да и Светочка...покажи палец, и смеяться начнет. Ну, их. Пошел домой.

– Давай мойся, – встретила меня мама, ребятишки уже на печи.

Ванна с теплой водой в сенях. Помывшись, лег на свою кровать. Я отдельно от них спал. Они сползли с печи и ко мне. Мне приходилось каждый вечер рассказывать что-нибудь. Начинал безбожно врать и не замечал, как уходил в мною выдуманный сказочный и светлый мир, как вечный день, где не было голода, где жили сильные и добрые люди, и они жили в красивых домах.

Иногда ночью слышал, как тихо плакала мама. Тогда мне тоже становилось жалко маму и я, вцепившись зубами в подушку, тоже плакал. Знал: мама ждала папу. Но придет ли он? А когда появится, то мы снова начнем странствовать по стране. Мой отец, возможно, вернется – мотается где-то и прячется от властей. А вот отец у Павла не вернется. Вспомнил про гадание. Прошлым летом это было... Когда ещё была жива бабушка, жившая в селе Макарьево на Ангаре, то рассказывала, что в летнюю пору, ночью, можно вызвать чей-нибудь дух на перего-

воры. Мы с Волохой долго уговаривали Павла поехать на одну ночь в Макарьеву, ведь до этого села всего тридцать километров. И туда ходит паровоз с несколькими вагонами. Да, а гадать надо в подполье, и чтобы был в руках черный кот без единого белого пятнышка. Положить кота перед собой и нащупывать у него ребра. Перед собой поставить зеркало, в которое надо смотреть и ждать, когда появится вызванный дух. Рядом с зеркалом поставить стакан с водой, а на дне кольцо.

Павел согласился и мы поехали.

В старом доме

У одной старушки я стянул черного кота. Павел по этому поводу сказал:

– Вот что значит, в тебе есть цыганская кровь.

Да, а недалеко от кладбища, по склону горы, стоял старый, с заколоченными окнами дом моих предков, оседлых цыган. Вот мы и пошли к этому дому. Он стоял на краю села Макарьева, и окнами, будто вглядывался в землю, и к недалеко маявшим крестам. Они, казалось, торчали по небосклону, а некоторые будто и совсем оторвались от земли и плавали в синем небе черные – черные и четкие.

Мы вошли во двор, заросший, огромный и пустой. Вокруг дома – огород, засаженный картошкой, и ботва от неё, наверное, в мой рост. Картошку здесь сажала семья оседлых цыган, моих родственников по бабушке. Родители и ребятишки были до того крикливые и шумные, что их можно было услышать на краю села, когда они начинали кричать. Муж у тети Груни погиб на фронте, и она осталась с множеством ребятишек. Они побирались, а она ходила по селу с картами, бобами и ворожила. Порой, они всей оравой выезжали в Черемхово, иногда забредали к нам, и это был сущий ад! Выезжали они в Усолье-Сибирское, Иркутск, в село Мишелевку, Голуметь, Кутулик, Зиму, Тайшет...И ещё куда дальше. Бывало, и я с ними путешествовал. Орудовали они и по поездкам, вокзалам: пели, плясали, ворожили, побирались. А где что плохо лежало и воровали. Всякое было. А так,

как я лучше всех мальчишек плясал, то мне приходилось отбивать чечетку перед собравшимся народом. Возможно, из-за этого меня и таскали они везде. Но чаще они возвращались домой, ближе к Ангаре.

От дома несло прелостью, пылью и той землей, которую только что копали на огороде. Двери заколочены досками. Такие и на окнах.

Солнце закатилось за лысую гору, и окна домов ярко заголубели, переходя на розовые тона, крыши домов стали светлее и сам воздух над селом заалел, погустел, и с Ангары потянуло запахом прибывной воды и прелых бревен. Сейчас бы посмотреть, как орудуют сплавщики. С пастбища возвращалось стадо коров, отяжелевшее за день, и такая поднялась пыль на дороге, что она достигла нас и медленно оседала вокруг, и эта пыль принесла запахи парного молока и ещё чего-то вкусного.

– Надо было бы хоть вареной картохи взять, – прошептал я.

– Потом сбегам к твоим родным цыганам, и пошамаем там, – ответил Волоха.

– У них у самих ничего нет, – подал голос Павел. – На днях видел тетю Груню в Черемхове на вокзале. Ворожила проезжающим солдатам, что ехали на восток. Пацаны побирались. Юрка, они к вам не забредали?

– Неа, чичас оне по поездам шныряют. По военным. Оне лучше подают.

Другой раз и я ходил к вокзалу. К поясу привязывал котелок. А вдруг чего солдатика подадут? Иногда хорошо везло. В самый раз попадал, когда у них был час обеда. Полный котелок наливали супу с тушенкой, а то и каши давали. Тогда и хлеба перепадало. Всё это добро я осторожно нес своим ребятишкам. Как-то надо было выживать во время войны. Мои друзья, кроме Павла, тоже ходили к вокзалу. Чаще всего Волоха представлял меня, как маленького артиста.

– Товарищи солдаты! – призывал Волоха. – Вам чичас мой друг сбачает цыганочку с выходом.

– Давай, Рома, давай! – отзывались солдаты. И я бил чечетку. А если у кого в вагоне была гармошка или баян, тут уж я устраи-

вал маленький концерт. Как говорится, тогда мы уходили с богатым уловом.

Павел продолжал говорить:

– Васька-то с Гохой за отца остались. Кузнецами работают. Есть, правда, конь. Какой там конь. Кляча. Одни кости. Коня жалко.

– Вон у нашего Юрки не коня. И ничево. Живет, – засмеялся Волоха.

– Хватит об этом, – прервал Павел. – Придет время и будет у Юрки и конь и сбуруя. Война закончилась, жись наладится. Хлеб вон стали продавать без карточек.. Дверь мы сейчас откроем.

Мы ступили на крыльцо. Павел свободно оторвал доски и открыл дверь. Она коротко взвизгнула, кот, сидящий у меня за пазухой, от такого звука немного вцепился в мой тощий живот. Погладил кота, и он убрал когти.

Между кухней и горницей – русская печь, а рядом виднелось кольцо на крышке подполья. В горнице стояла единственная старая кровать с настеленными на ней досками.

– Надо проверить, – сказал Павел. – И мне ваша затея не нравится. Посидим на крыльчке...

Вышли из дома, чтобы дожидаться темноты. У меня было такое ощущение, будто кто-то сквозь доски окна смотрел на нас.

– Чо с тобой, Юрка? Чо ты всё на окна зришь? – спросил Волоха.

– И я заметил за тобой такое вот любопытство, – сказал Павел.

– Вроде там кто-то есть, – ответил я.

– Я как-то вычитал, чо в таких домах духи живут, – сообщил Волоха. – Твои предки, Юрка и могли тебе показаться.

– Ключнул на вашу уду, – ответил Павел. – Навыдумывают разное. Никаво нет. Давайте лучше помолчим. Как хорошо здесь. Воздух-то, какой! Не то, что у нас в Черемхове.

Когда стало совсем темно, мы вошли в дом.

– С нами кот, – прошептал Волоха. – По гаданию надо быть по одному, ну и мы все потихоньку туда заберемся и спрячемся. А один из нас будет вызывать.

Волоха попытался открыть крышку, но не смог. Пробовал и Павел. Мы вышли во двор, и вскоре нашли заржавленный лом. Крышку открыли. По одному спустились в подполье, а там до того затхлый запах, что меня чуть не стошнило. Крышку не стали за собой закрывать. От такого запаха можно задохнуться.

Волоха голос подал:

– Гриха, дай свечу и спички. Я буду первым.

Зажгли свечу, Волоха взял у меня кота, и мы спрятались за лестницу. Чувствовал теплое, крепкое плечо Павла и был спокоен. Слышал, как урчал кот и что-то бубнил Волоха.

И тут произошло непонятное. Что-то прошуршало. Наш кот вырвался из рук Волохи, и наш друг прыгнул к лестнице. Свеча погасла. Я бросился за Волохой и полез по ступенькам. С кем-то застрял на выходе...Показалось, что кто-то бежал за мной и топал сапожищами.

Всё-таки вырвался, и вместо того, чтобы выбежать в дверь, зачем-то сиганул в окно и угодил между досок – стекла не было на окнах. Кто-то схватил меня за штанину, и я даже крикнул. Тут же брыкнул ногой, и, сломав доску, грохнулся на землю.

Слышал грохот, визг, возню, что-то громко стукнуло, а когда упал головой в картофельную ботву, по моей спине пронеслось черное, быстрое, как птица. Бежал по ботве – она звонко хлопала, и звук от неё, казалось, раздавался на всё село. Падал и снова бежал и будто кто-то догонял меня. Опять запнулся – упал и скрылся в ботве. Затих. Вокруг тишина – только было слышно стук собственного сердца и он, как звук колокола, будил село, весь мир...

Так что же произошло? И где мои друзья? Отдышавшись, и утихомирив стук сердца, выглянул из своего укрытия и чуть не вскрикнул...Дом рядом. Он чернел большими окнами, тихий, но грозный. Значит, я бегал вокруг дома, и лежал в ботве...Прижался к теплой земле и стал обдумывать, что же делать дальше? Почти рядом услышал шуршание. И опять тишина. Потом глухо и грозно начало ухать, будто кто под землей стучал, и, казалось, вот сейчас разверзнется земля и появится что-то страшное. Сердце готово выскочить из тела и побежать. Даже представил,

как оно вышло из моего тела и побежало в село по широкой и пыльной дороге...

А может быть, мои друзья, убежали в село? И Павел убежал? Нет, он не мог убежать! Тогда где они? А зачем здесь лежу? Уйти с этого места не могу. Изредка что-то шуршало, а справа видны кресты, и я старался туда не смотреть. А из дома слышались глухие удары. И вот всё стихло. Наступила пугающая тишина. Плотнее прижался к земле и уже больше не поднимал голову. Дрожал от холода и страха, зубы стучали громко и больно, и я не мог удержать этот звук, а вдруг кто услышит? До звона в ушах прислушивался ко всему.

Наступил рассвет. От Ангары потянуло холодом.

– Юрка?! – услышал рядом голос. Волоха! Вытянув шею, и, выпучив глаза, он смотрел на меня.

– А, тты, чо здесь? – прошептал он, клацая зубами.

– Я здесья ттово, – выдавил я. В груди потеплело, – эттово, как ево, ттово, бегал я.

– А я, Юрок, тоже... Кто-то в стакане появился... И кот испугался. Чо-то ттам лохматое появилось. Рога были...

Он два раза чихнул и выдавил:

– Ну, апосья... бегал... Искал ввас.

– Я тоже вас потерял, – начал и я врать. – И спал здесь. А где, однако, Паха? Пойдем искать.

Небо светлело, и воздух становился светло-синим, прохладным, как в погребке. Над селом плыл туман, как дым от самосада, кое-где мычали коровы, звенели дужками ведра, и далеко-далеко затрубил рожок пастуха. Наперебой запели петухи, сонно пролаяла собака, и резче запахло деревенской улицей.

– Юрок, а кот мне на спину прыгнул, сука, и немного спину ободрал. Он на мне и выскочил, да по огороду рванул...

Мы прокрались в дом. Там никого.

– Паха, где ты? – тихо позвал я. – Это мы.

Волоха прошептал:

– А може сбег?

– Да ты чо?! Паха? Говори, да не заговаривайся!

Под кроватью что-то зашевелилось, и мы бежать к двери, но мельком увидел, что из-под кровати торчала детская нога. От-

туда выползал Гриха, весь в пыли, тенетах...Он сел и, разинув рот, смотрел на нас.

– Бросили меня? Убежали? И Паха убежал. А я здесь...спал. У вас там опять чо-та показалось...Ох, болтуны...

– Мы думали, чо ты в село удрал. Искали тебя всю ночь, – не моргнув глазом, ответил Волоха. – Никаво не нашли.

Гриха начал чихать, и в это время загрохотало. Гриха шепотом сообщил:

– Чьи-то голоса шли и внутри дома, а ночью стало тихо. А вот опять загрохотало. Волшебный дом чо ли?

Стучали в том месте, где крышка в подполья. Пыль собиралась посредине и подпрыгивала при каждом ударе.

– Може, это вызванный дух? – прошептал Волоха.

Неожиданно я догадался, что это значило. Схватил лом, брошенный ещё вечером, и стал впихивать в крошечное отверстие между половой доской и крышкой. Волоха бросился мне помогать. Вскоре мы отбросили крышку, и тут из подполья выбрался не дух, а самый настоящий Павел, ужасно хмурый и злой.

– Опять я попал на вашу уду...Захлопнули крышку и удрали. А я поднять её не мог. Неужели не слышали? Чепуха всё это! Зажигал свечку, и хоть бы хны. Враньё.

– Мы думали, чо ты в село удрал. Искали тебя всю ночь, – болтал Волоха. – И мы думали, чо это дух стучит...

– Ты, Волоха, совсем заврался...

– Юрка тоже гадал на картах на твоего отца. Жив. Мать ево гадала на бобах, – продолжал Волоха. Паха прервал:

– Хватит о бобах! Не верю! Обман. Вечно с вами куда-нибудь вяпаешься.

Волоха ковырял в носу и разглядывал потолок. Павел стряхивал с себя пыль. А Волоха неожиданно крикнул:

– Это всё кот виноват! Он это испугался! А я нисколько не испугался! Я хот сейчас залезу в подполье!

– Перестань шуметь. Всё село разбудишь. Пошли на Ангару. Покупаемся в курье. И поедем домой. Всё с вами. Хватит приключений.

Потом мы старались не вспоминать об этом случае, как мы ворожили на отца Павла.

На базаре

Проснулся неожиданно. Галка сидела на мне и теребила за чуб.

– Вставай, сонька! Нам седни надо идтить...

– Куда идтить? Куда это ты собралась? – не понимал я, чего требовала от меня Галка. И тянул на себя одеяло. Но тут вспомнил, что сегодня мы решили идти на свалку у мясокомбината за рогами. Галка быстро сползла с кровати и убежала.

Я встал. Мама ушла на вокзал, а ребятишки ещё спали. На столе, в кастрюле, крапивный суп с лебедой. Его хватит ребятишкам. А я побежал к Павлу.

Во дворе – Волоха, Гриха и Галка. Гриха читал книгу. Сел рядом с ним и заглянул, что он там читал? Первые страницы поразили меня – один ученик пришел к попу и высыпал в тесто махорку. Развеселая, видимо, книга, и я стал тянуть её к себе, а Гриха не отдавал.

– Что там у вас? – спросил Волоха.

– Книжка шибко интересная, а Гриха хочет один читать.

– А-а, книжка. Тоже мне книгочеи. А я-то думал...

Вбежал Генка, и мы прекратили толкаться. Гриха торопливо спрятал книгу под рубашку, за ремень на тощем животе.

– Чур, забито! – крикнул я. – Первый читаю про попа!

– Про попа? – переспросил Волоха. – Юрка сказками увлекается, пиратами, да разбойниками, другой про какого-то попа читает. Ты, Гриха, к базару иди, там рядом церковь, глядишь и в попы примут. А чо? Гриха – поп. Мне сестра читала про... про какого-то попа и балду. Пушкин написал. Умора. Абхачочишься.

– Это книга не про попа! – крикнул Гриха. – Второй раз читаю. Мировая книга! Она про Павла Корчагина. И ты, Волоха, совсем книг не читаешь.

– А ты бы про попа прочитал бы. Он молодой этот поп Корчагин? Чо та, навроде где-то слышал про это, – ответил Волоха.

– «Слышал» – передразнил Гриха. – Павка не поп, а будущий писатель.

– Ну, так надо было сразу и сказать так, а то ты мне тут про какого-то попа загнул...

– Это Юрка загнул! Ему везде кажутся то попы, то пираты!

– А мне можно про попа почитать? Юрка, дай про попа почитать, – влез в разговор Генка.

– Тебя тока здесь не хватало! – крикнул Волоха. – Юрка дай ему почитать про попадью!

– Дам, – ответил я. – Дам про попа Павку Корчагина.

– Ну, вы даете! Возмутился Генка. Потом он вроде осекся, и взглянул на меня, – Слушай, Юрка, так я же тебе давал эту книгу.

– Ты мне давай не заливай! – возмутился я. – Ты мне про попа не давал читать!

– Да не про попа там описано! – крикнул Гриха. – Эта книга называется «Как закалялась сталь». Её написал писатель Николай Островский. Герой там Павка Корчагин. Я же тебе давал. Всё ясно, – он перестал кричать, и махнул рукой. – Ясно. Ты взял и не прочитал её. Ты ещё рассказывал, как у тебя чуть не отобрал этот сердитый милиционер мою книгу.

Тут я и вспомнил, что такую книгу мне Гриха давал. А так, как мне через неё отменно досталось, то я когда пришел домой, то эту книгу отдал Грихе. Да, не читал я её. Но надо было выкручиваться.

– А я не успел прочитать, как мне за неё влетело. Мне неположено такие книги читать.

– Ладно, Гриха, чо обижаться-то?- тронул его за плечо Волоха.

– Пошли на свалку. Ты человек грамотный, про попов читаешь, а я так себе...Пошли. А ты, Галка, здесь хозяйкой остаешься, – и подмигнул мне чернящим глазом. – Будешь дом охранять, Миледи и поросят. Ленку с Витькой накормишь...

– И домой сбегает, тоже ребятишек накормишь, – наказал я. – И никак во двор. Прибежит Музгарка – посади на цепь, тоже пусть стережет. Седни мы тебя оставляем командиром.

Галка подпрыгивала на одной ноге и хлопала в ладоши. Наконец-то она командир.

Мы шли через базар. Наверное, все такие базары, где можно всё купить из старья, а из продуктов – лук, черемшу, семечки, муку из черемухи, серу, изредка молоко и больше ничего. Иногда появлялась ржавая мука с отрубями, похожая на пыль с дороги.

Заезжали на базар деревенские женщины и очень редко мужики. Городская шпана пасла этих «глухих» торговцев. Однажды шпана, я как раз продавал кружками воду, обчистила одного мужика. Он обхлопал себя – денег нет. Зачем-то спросил соседей по торговле – не знали. Долго так стоял, соображая, вперив в Черемховское мутное и безвинное небо ошалевшие глаза. Потом тихо так хлопнул себя по лбу и совсем уж шепотом сказал:

– Караул, милиция...

Да как подпрыгнул, да как завизжал:

– Караул, милиция!

Ну, а где там найдешь?

Нам преградили путь пять щипачей. Иногда думал, не ночевали ли они здесь?

Щипачи остановились напротив нас. Мы знали друг друга. Этой зимой двоих из этой кодлы исключили из школы за воровство. А трое – сами бросили учиться. В школу не в чем было ходить. Волоху исключили за то, что избил отличника. Он был сыном начальника торговой базы, и «подкупил» себе ребят за ватрушки, баранки и конфеты. И учителя ему в рот заглядывали, и оценки завывшали. Хотел он и Волоху сломить, но не удалось. Тогда тот отличник подговорил подкупленных мальчишек, и те решили после уроков избить Волоху. Я к тому времени не учился как третьегодник во втором классе. А Гриха болел. Генка храбро бросился помогать Волохе. Обеим тогда досталось. После драки Волоха подкараулил липового отличника и хорошо избил. Волоху и Генку из школы исключили, как злостных хулиганов. А Генку, как сына врага народа. Какие они хулиганы – если отстаивали свою честь и пытались защитить честь других учеников. Да кто их будет слушать! А Генку даже водили на допрос. Но отступились.

– Тимуровцы шагают! – крикнул щипач по кличке Бомба. – Салют Китаю, Цыгану и Тихоне. А чо это за шваль с вами?

Бомба был высокий, с длинными руками и длинными пальцами. Волоху звали Китаем. У него дед и бабка – китайцы. Ещё в молодости они приехали в нашу страну, да так и остались в Черемхове. Гриху – Тихоней, за спокойствие и молчаливость. Обо мне ясно. Мы не очень-то боялись этих бродяжек.

Один из щипачей тихо Бомбе сказал:

– Цыган-то племяш самому Кунгуру.

– А я может племяш самому Маэстре. Ну и чо? Путь за себя отвечает. Если хочет быть, как Кунгур. До него Цыган никогда не дотянет. Кишка тонка.

Маэстро – знаменитый вор в законе, Его вся Черемховская шпана боялась и уважала, как и моего дядю, Колю Кунгурува.

– Канай, Бомба, – сказал Волоха, – нам вы не нужны, как собаке пятая нога. А чо обзывашься тимуровцами? Оне все отличники, а мы второгодники. А Цыган третьегодник.

– Бедненькие. А чо нос-то задираете? Чо?

– Мы вас не трогаем. У нас своя кодла. И вы нас не тово...

– Вы первые начали, – ответил Бомба, и легонько толкнул плечом Волоху, но тот увернулся и щипач чуть не упал.

– Мы не дрейфим перед всякими дарданеллами и не таких марали. Нам время нет, – ответил Волоха, и, вытянув шею, раздвинул двух пацанов и прошел между ними.

– Кха, кха, – засмеялся Бомба, – мы с вами. Желая, чобы цыганина на картах погадал. Мора, погадай. Вы зашли на нашу территорию. Идите на свою. Пусть там и пляшет цыган свою чечетку. А здесь не надо. Здесь мы хозяева. Пусть там монету зашибает. А этот ваш татарин враг народа.

– У него отец не враг народа, – ответил я. – Они с моим отцом работу ищут.

– Ты своево отца тоже не трогай, – ответил Бомба. – До Кунгура и твоево отца ты не дотянешь. Мы их уважаем. Ты за себя отвечай.

– А отец у Генки воевал, – сказал я, – имеет много наград. Был ранен. А то, чо хотели заарестовать его, так всё зря. Отец у моего друга хороший. И не тебе болтать чо попало!

– Канай отсюда по холодку! – крикнул Волоха. – Не мешай нам идтить по делам.

– Во как! – воскликнул Бомба. – Он меня ишо и гонит! Это наше место! И не мешай нам здесь пагисть.

– Ты место купил? – спросил Волоха.

– Пошли, Волоха, – взял я его за руку, и потянул от назревающей драки. Я понимал, что нам драки со щипачами не миновать,

но не сейчас. Нам нужны рога. Такие драки на Черемховском базаре часто происходили. Нас тоже относили к воришкам. Поэтому мы частенько схватывались за места на базаре. Почти у каждой такой вот кодлы, как наша, были свои законные места. И не стовариваясь, мы свернули к своей территории. Она находилась ближе к извозу. Здесь была стоянка с лошадьми. Продавали сено. Здесь же продавали коров, телят, и другую домашнюю живность. Здесь стояли длинные полки, на которых выставляли свои продукты в виде молока и сметаны колхозники. Здесь слышалась речь русских, бурят, татар и цыган.

Кстати, Павел с нами на базар не ходил. Он говорил нам, чтобы не воровали. Мы обещали не воровать. Но обещания оставались обещаниями. А то, что мы продавали воду, или газеты, он не возражал. А я ещё зарабатывал тем, что отбивал чечетку. Почти каждый день на базаре можно было увидеть безногого дядю Колю. На войне он их потерял. Он приезжал на деревянной коляске. Играл в кости. В руках у него была красивая металлическая коробочка, а в неё он бросал черный кубик. На ней были отмечены цифры от единицы до шести. Он гремел этой коробочкой и кричал:

*Американское лото,
Можно выиграть на пальто!
Ставочка проста,
От рубля до ста!
Больше не стучу!*

И люди подходили играть. Мало кто выигрывал. Под вечер он мог отменно погулять, и угостить таких же фронтовиков-калек, как и он. А ещё рядом с ним стоял красивый баян. Он его с войны привез. Подвыпившие бывшие фронтовики пели разные песни. Дядя Коля меня знал. А когда увидит, то позовет к себе.

– Повесели, паря, душу. Дай цыганочку с выходом, а потом пляши от души, как придется.

И он брал баян, и звуки от него доходили до конца базара. А я плясал. Тут уж копейки падали и в его фуражку, да и меня не

забывали. Бросали денежку передо мной прямо на землю. Павел знал это, но не ругал меня. Как-то он сказал:

– Что с тебя взять? Такой уж ты есть. Но не воруй.

Приходилось и воровать. И уголь мы воровали, и за колосками ходили. А ещё, редко, но такое было, обманным путем уносили кринку молока или ещё чего. Как подфартит. На это дело мы шли втроем. Волоха, Гриха и я. Один из нас, ну например, стащит с прилавка что-нибудь из овощей. Мужик или женщина прыгнет за тем, кто стащил овощ, а другой в это время схватил кринку молока или сливок или сметану и бежать. А убегающий передаст другому, а сам в сторону, делая вид, что у него кринка. Вот и весь фокус.

Правда, в последнее время мы не стали этим заниматься. Павел догадывался, что мы творим на базаре. Он нам поставил условия.

– Вы думаете, если попадетесь, то это мало, что вас покалечат. Вас отправят в детскую колонию. А что будет с вашими матерями? И вот, что ещё. Больше ко мне не ходите. Я вас не знаю, и знать не желаю. Пошли вон!

Мы целую неделю не ходили к Павлу. Потом не выдержали и пришли. Обещали, что воровать не будем, а вот, как торговали, так и будем торговать.

Мы покинули базар, и вышли на пустошь. Несколько мальчишек, немного знакомые нам, гоняли тряпичный мяч.

Бомбисты преградили нам путь. Бомба и Волоха схватили друг друга за воротники. Мой противник скуластый, с большими наглыми глазами, бросился на меня, но я увернулся, и он упал. Меня взяла отчаянность. Я легонько отчебучил чечетку. Гриха подпрыгивал, уходил от ударов и наносил встречные. Так драться его научил старший брат. Он был боксером и ушел на фронт в разведку. А на меня налетел новенький, а Гриха прыгнул к нему и нанес удар. Пацан охнул и согнулся. Генка с пацаном возились в пыли и тузили друг друга. Волоха одолевал Бомбу, и тот отступал. Не зря Гриха обучал нас приемами бокса.

Бомбисты отступили.

– Бомба, нам не нужно ваше место! Успокойтесь! – крикнул Волоха.

Мы собрались и стали обчищаться. Генка пострадал. У него через лицо царапина и хороший синяк под глазом. Зевак-мальчишек собралось много. Вот будут рассказывать, как мы дрались. Знал, что родители этих ребят запрещали с нами водиться. Бедные родители. Чего мы сделаем их неженкам? Лучше и крепче были бы. Но родители разве про это знал, что мы просто отстаивали свою независимость. А если и били кого на улице, так за дело, чтобы носы не задирали, да и с нами считались. И потом, вот уже год мы не воровали. Так что зря бомбисты на нас напали. Нам не нужна никакая территория для воровства. А водой, газетами или теми же гребешками везде можно продавать. Мораль Павла, все-таки, на нас подействовала. Надо признаться, что-то изменилось в нас. А может мы повзрослели? По тринадцатому году, всё-таки, живем мы. Павел для нас был как старший брат.

Пакостники

Напротив нашего дома стоял старенький, наклонившийся на бок, словно под тяжестью, дом нашей комендантши. Её младший брат в начале войны ушел добровольцем. А родители у них давно умерли. В четырнадцать лет она пошла, работать, и воспитывала брата и всегда любила его, как мать единственного сына.

Услышал плач со стороны дома комендантши. Перебежал улицу и приткнулся к забору. В щель увидел маленький заросший подорожником, лебедой, полынью двор. От калитки до крыльца – прямая, узкая тропинка. На ней, лицом вниз лежала комендантша. Её длинные, цепкие пальцы рвали траву. Большая голова с редкими волосами вздрагивала.

– Братик...братик...братик, – повторяла она одно слово, и, подвывая, хрипела. Тут же на подорожнике, словно белый плащечек, валялась бумага, и я сразу понял, что это за бумага.

Вот уже два месяца, как окончилась война, пора и не погибать отцам, братьям, но, видимо, такова эта война, что долго ещё после неё будут приходиться эти страшные бумаги.

Комендантша будто вдруг усохла и вжалась в тропку. У меня есть мама, папа, пусть даже где-то бегают, но он есть. У меня есть – Галка, Лиля, Леня, Вася. У Павла – Ленка и Витька. У всех кто-то да есть, а у комендантши – никого. Вдруг она встала на колени и схватила себя за волосы и начала раскачиваться и подвывать. До этого момента знал другую Евлашиху – комендантшу, строгую, седую крикунью и думал, что она никогда не плакала, а тут увидел её плачущую, жалкую. А если бы она повернулась ко мне и увидела бы меня? Но я почему-то этого не хотел. Мне вдруг стало стыдно за себя, что стал свидетелем такой сцены. Тихо отошел от забора, на носках перебежал улицу. Во дворе комендантши было тихо. Побежал к дому Павла, ребятишки за мной. Сразу у ворот, во дворе, куча песка и ребятишки к ней. Волоха и Гриха тоже бегали домой, и мы почти одновременно вошли в ограду. Решил ничего не говорить о виденном мною во дворе комендантши. Не знал, как поведут себя мои друзья. Просто попытался забыть всё.

Из форточки высунулась Галка.

– Ребята, я тут с Витькой замучилась. Не могу засунуть в трон. Пузо расширилось.

Быстро сообщила и скрылась. Подошли к окну. Оно забито гвоздями и только открыта форточка.

Крикнул:

– Давай ключ! Чо закрылась? Давай ключ!

Галка не показывалась в форточке. Ленка попыталась пробиться к ней, но её не пускала Галка. Потом всё-таки сама высунулась.

– Потерялся ключ. Витька его куда-то задевал!

И тут услышал Ленкин голос:

– Галка ключ потеряла! Бегала домой и потеряла!

Галка отпрыгнула от форточки, и что-то зло сказала Ленке. Волоха и Гриха побежали искать ключ. Пошли и мы с Генкой. Ключ не нашли. Вернулись.

Я просунул голову в форточку.

– Ну, погоди, я с тобой ишо разберусь.

Волоха, Гриха и Генка прижались лицами к стеклам окна. Галка пыталась всунуть Витьку в трон – мешал живот.

– Он седни поправился, вот и не лезет, – сказала Галка, а Ленка направляла Витькины ноги.

– Он, чо много сожрал? – спросил у девчонок.

– До манной каши добрался и всю съел, – ответила Галка.

Я испугался, так как каши было половина кастрюли, и её хватило бы Витьке на два дня. Кстати, эту крупу мы выменяли на гребешки, которые умел делать из рогов Павел.

– Ты, однако, сама съела, – сказал я, и посмотрел на Галкин живот. Но он по-прежнему тощий. Галка быстро ладонью провела по губам и крикнула:

– Нужна мне она! Чо я кашу не ела! Я дома наелась!

– Мы не брали кашу, – ответила Ленка и опустила глаза.

Галка посадила Витьку на пол, а я взглянул на большой и белый живот мальчишки, и мне показалось, что он стал больше. Как это он мог так быстро умудриться поправиться? Говорят, что маленькие быстро растут. У Витьки признавали рахит. И Павел усиленно кормил его зеленью. Но каши давал мало. Стул Павел сделал специально такой, и отверстие, куда засовывал, и мы ей сказали, что надо зажимать живот, чтобы он не рос, врач разнервничалась и стала кричать на нас. Странно. А мы, может, первые придумали такое приспособление. Может, и в больницах начнут такие стулья делать для рахитиков. Ведь когда человек ломает ногу, на неё накладывают гипс. А почему не загипсовать живот? Мы не смогли достать гипс. Мы с Волохой ходили в больницу – объяснили, для чего он нам нужен, но нас выгнали...

– Галка, а ты попробуй, смажь ему пузо растительным маслом, и он пойдет туда, – предложил Волоха. – Всего мажь! Войдет!

Галка пошла к полке и взяла там пол-литровую бутылку с растительным маслом. Как-то мы продали полный короб угля, набранный у терриконика. На вырученные деньги купили на базаре три стакана муки, печатку мыла и вот эту бутылку масла. Я закричал:

– Ты немного масла возьми, а то доберешься!

Галка осторожно налила масла на руки, и стала мазать Витьку, и тот начал смеяться.

– Ты мотри! Он ишо и смеется! Это он, мерзавец, над нами смеется? Смешно ему, – возмутился Волоха. – Нажрался каши и смешно. А теперь попробуй, засунь этова оглоеда!

Галка подхватила Витьку под руки, но он выскользнул. И он продолжал смеяться. Ленка помогала подтащить его к трону. Живот будто расплылся по столешнице и не входил в трон.

– Чо смеешься? – кричала Галка. – Лезь, тебе говорят! Чо упираешься? Лезь, тебе говорят!

Но ведь всегда как-то он влазил. Волоха уткнул кулак в подбородок и не жевал серу. Он думал.

Девчонки сняли Витьку на пол.

– Подожди, Галка, – сказал я. – чичас залезу и помогу.

Ленка сразу подхватилась – и к окну. Быстро взобралась на стол и сцапала мою руку и потянула. Пальцы у неё холодные, жесткие и цепкие. Вырвал руку.

– Полезу, держите за ноги, – сказал и полез головой в форточку. Вот и руками стол достал, живот пролез, а дальше не смог. Девчонки схватили меня за руки и потянули. Больно. Ребята вытащили меня. И тут я увидел, как Галка облизывала от масла руки. Меня осенило.

– Галка, давай масло!

Она подала бутылку. Разделся до трусов. Пацаны вымазали меня всего.

– Как по маслу пролезешь, похлопал меня по плечу Волоха. – Я как-то не мог забить гвоздь. Десять гвоздей не забил. Как помазал маслом, враз забил. И ты войдешь...

И снова живот пролез, а дальше хоть вой. Ну, вот такую малость, ну бы ещё немного. Девчонки пытались тащить меня за руки.

– Не хватайте меня своими вонючими руками! – закричал я. И тут я услышал, как заскрипела калитка. Волоха прошептал:

– Огольцы, атас!

Ребята потянули меня и мигом стянули трусы. Грохнулся на землю и бежать. Перемахнул низкий заплот в пригоне, а там находились поросята и свинья. Они нюхали мои ноги мокрыми пяточками и весело хрюкали.

Во дворе раздался голос комендантши. Вот влип, так влип. К телу прилипла пыль и прочая грязь поросычьего пригона... В углу сарайки валялись портреты. У Сталина был оторван ус. И он подозрительно смотрел на меня и как-то странно улыбался. У Калинина оторвана борода и без неё он стал похожий на дядю Федю. А вот портрет человека в очках с короткими усиками под мясистым носом... Вспомнил. Берия. Взял этот портрет, он более всех сохранился, и накрутил его вместо трусов. Лощеная бумага почему-то отдавала холодом.

– У, проклятые, – пнул первого попавшегося поросенка, и он остро взвизгнул. А я крался к двери, что выходила в сени. Почти во всех домах, из сеней выходила ещё одна дверь, в стайку. Зимой удобно, не надо выходить во двор кормить скотину. У двери хорошо слышно, что делалось во дворе и в доме.

– Значит, опять что-то нагрезили, и чего это один без трусов убежал? – спросила комендантша. – Куда это лезли? Хозяина нет дома, так, значит, всё можно? Чего опять натворили, спрашиваю? Отвечайте?

Внутри дома возня, а потом рев Витьки.

– Чего это он там завывает? Так-так. Кто это там? А-а, ну, мне всё ясно. Опять эта разбойница-Галка. И чего это ты туда забралась? И почему не через дверь? Где ключ? Потеряли?

Голос комендантши раздался громче. Значит, она просунула голову в форточку.

– Витька нажрался и не лезет в трон! – крикнул Волоха.

– Вот оно что! А ну отстаньте от парня. Пусть сам ходит. Он вам не мешает. А то сию минуту всю вашу компанию разгоню! А ты вылазь оттуда. Что я тебе говорю!

– Куда я полезу? Форточку вы заняли...

– Голова застряла... Ты смотри-ка... Ну ни... А ваш друг, значит, маслом вымазался и не смог пролезть? Ловко я тут с вами... Что это прямо... Ещё не хватало тут мне с вами тут торчать! И окно гвоздями забито...

– Забито, Светлана Поликарповна, – ответил Волоха, – а дайте я на вашу голову, на шею масла налью? Немножко...

Светлана Поликарповна, видимо, вынула голову, голос стал глуше. Она кричала, даже свинья Миледи и поросята заматались по стайке.

– Я тебе налью! Сию минуту уберите масло!

Заскрипела калитка.

– Ну, вот и хозяин пришел. Они мне тут чуть голову не оторвали. Практиковались на мне, чтобы смазать меня и засунуть в дом. Ключ потеряли. У них Витька в трон не лезет. Отнесите своему товарищу трусы. Где он там, бедолага?

Павел что-то сказал – не слышно. И опять голос Светланы Поликарповны.

– Ну, ты, вообще, молодец. Поздравляю. Теперь у тебя кило двести хлеба. Хороший паек. Это отлично. А их больно-то не ругай. Они и так напугались. Особенно тот, что убежал... Да, вон там на крыльце я положила нужные портреты. Повесь, пожалуйста. Сам, понимаешь, надо. Ты взрослый уже. Надо...

Опять заскрипела калитка.

– Юрка, – услышал голос Волохи в пригоне. – Иди сюда. Где ты там? Светлана ушла. Знашь, как она на меня кричала? Ну, я ей быстро рот заткнул. Мотри – испужались. Чичас. Я здесь твои трусы оставил. Ну, я пошел. Просто, не знаю, как их и сдернули с тебя... В натуре, не знаю.

Волоха ушел.

В огороде стояла большая бочка с водой для полива. Сбросил «трусы» под ноги и прыгнул в бочку.

Когда вошел в дом, то все посмотрели на меня. Витька сидел в троне и грыз морковку.

Павел взял Витьку под мышки и вынул из трона. И снова опустил в отверстие.

– Вот и всё, – сказал Павел. – Просто Галке не хватило силенок поднять его выше.

– А мы рога принесли, – перебил я, чтобы отвлечь всех от дальнейшего разговора. А то начнут расспрашивать. Галка и Ленка щерились беззубыми ртами.

Павел обстучал пальцем каждый рог, смотрел на свет.

– Ну, а теперь за дело, – сказал он и подмигнул мне. – Надо топить печь и греть воду. Все за дело. И ужин готовить. Всем дела хватит. Вперед!

Вспомнил про «труссы» и тихонько сообщил об этом Павлу.

– А мы их на растопку, – ответил он.

Кто таскал уголь к печи, кто воду в чугунок, нарвали луку, моркови, укропу, крапивы. Павел полный стакан муки всыпал в чугунок, чтобы сварить суп. В топку Павел бросил большой ком лощеной бумаги. Один я знал, что это было. Печь разгорелась, и вскоре по дому разлился укропно-луковый запах. Мы ели из одной большой чашки. И мои ребятишки с нами. Всем хватило.

Запах гребешков

Павел пошел в сени – там верстак, и к столешнице прикреплены тисы. Сунул в них рог, зажал и начал распиливать ножовкой по металлу. Почему-то я всегда ждал этого момента. Тогда по дому разливался вкусный запах, и он напоминал запах, когда мама начинала готовить и разделявать кости и по чашкам раскидывала мясо и заливала его душистым, вызывающим слюнки и урчание в животе бульоном. Мама умела готовить холодец.

Когда Павел начинал работать над рогом, мы собирались у верстака. Галка втягивала воздух и шевелила языком. Ленка приткнула темные кулачки к подбородку, то глядела, как Павел пилил, то на меня, и тихо и печально улыбалась. Лиля, не отрываясь, смотрела на рог, засунув большой палец в рот, и сосала его. Мои маленькие братья Леня и Вася, выставив животы, голые и грязные, притихли. Только один Витька ещё ничего не понимал, сидел рядом с Музгаркой и играл его шерстью. Музгарка кое-что соображал. Он затих, высунул язык, и по нему стекала слюна.

Павел красиво пилил. Он отставил правую ногу и как бы слился с верстаком. Звук мягкий, сочный. На ногах у Павла резиновые чуни. Это головки от резиновых сапог. В те времена давали такие чуни шахтерам. Павел достал брезент, и пришел его к чуням. Набросает соломы вместо стелек, и тепло зимой.

А нам приходилось в войну туго в эту пору. Ребятишки почти безвылазно сидели дома. Павел принес резины от старых камер, и обшил наши с Генкой валенки, которые нельзя было подшить, столько было на них дыр. В школу опять не в чем было ходить.

Павел достал где-то чуни, мои валенки сунул в них, и голенища обшил брезентом. Вечером принес мне. Мама засуетилась и усадила Павла за стол. И мы тоже с ребятишками сели за стол есть картофельную кашу. Мама перед каждым из нас положила по маленькому кусочку хлеба. Павел кашу съел, выпил чай с сахарином, а к хлебу не притронулся. Он встал и пошел к двери, но мама взяла кусочек хлеба, завернула в тряпицу и передала Павлу. Он покраснел и сказал:

– Отнесу Витьке.

В тех чунях я проходил вторую половину зимы.

Павел отпилил верхушку рога, подравнял края, продольно распилил на две половинки и бросил их в чугунок с горячей водой. Не нужно, чтобы вода кипела, но пусть будет горячей. Отмякнет кость, и можно её равнять. Павел распилил все рога и опустил в чугунок. Вот он вытащил одну половинку и бросил на отполированную доску, а сверху такую же доску положил и начал нажимать. Нажал, отпустил, и снова нажал. Кость выпрямилась, тогда Павел положил на доску камень. Пусть остынет кость. Достал другую половинку и тоже самое сделал со второй. Мы вынимали из чугунок пластины и отдавали Павлу. Под досками лежало к делу восемь пластинок. Значит, будет восемь гребешков. Каждая семья в Черемхове имела, наверное, такие гребешки. В семьях были дети, а особенно девчонки. А какая девчонка не мечтала иметь настоящие косы. И для этих кос надо иметь гребешок с редким зубом, чтобы причесываться. И обязательно должен быть частый зуб для вычесывания вшей. Так что в семье, как оружие имелся двухсторонний гребешок, сделанный Павлом.

Вот он сунул пластинку в тисы ребром вверх, зажал и стал нарезать зубы лобзиком. Пробовал и я нарезать, а Волоха сказал, что получил у меня крокодиловый хвост. Павел сделал несколько коротких и легких взмахов над пластинкой, будто гладил, и появились с одной стороны тонюсенькие нарезки. Раз-

жал тисы и перевернул пластинку, снова зажал и начал пилить. Вышли нарезы крупнее тонкого нареза – гребешок готов. Павел долго смотрел на него, потом наждаком и напильником обточил концы двух плоскостей. Павел повертел гребешок, погладил щетинистый гребень тонкого нареза, и раздался звук, напоминающий комариный писк, а потом наждачной бумагой стал шлифовать, потер на куске старого валенка. Через гладкую поверхность пробивался коричневый луч света, таким он казался прозрачным. Вот Павел сделал второй гребешок и для шлифовки отдал Грихе. А потом и нам передал гребешки для окончательной шлифовки. Всем хватило работы. На базаре у деревенских, особенно бурят, мы меняли их на сметану, кусок мяса или на стакан муки.

Вечером пришла мама и увела нас. И была она сегодня какая-то странная, суетливая и вся сияющая.

Мама отправила меня в подполье, чтобы я набрал картошки, спустился по лестнице... и увидел отца...

Противостояние

Бросился к отцу и уткнулся в его худую грудь, пахнущую почему-то дымом и смолой. Рядом с ним сидел мой дядя Коля Кунгуров – знаменитый Кунгур.

– Сынок, – всхлипнул отец и сжал мою голову холодными руками. – Не думай обо мне плохо. Так надо, видимо, сынок...

– Знаю, – плакал я. – Тебя не найдут. Мы тебя в дом деда в Марьяева отправим. Там есть подполье. А может тебе уйти в деревню Стрелова?

– Нельзя мне быть ни там и ни там. Заложат.

– Правильно, – ответил дядя Коля. – Я же тебе говорил? Говорил. Мы отправим тебя в надежное место. Отлежись там, и всё забудется.

– На север мы поедем. Там воля... Был я там на реке Лене... Лишь бы документы достать...

– Это мы смастерим раз плюнуть, – ответил дядя Коля.

– Надо же! И политику мне припаяли! Это мне-то! Я даже не знаю, с чем её едят. Где справедливость?

– А я бы сейчас, Кенка, заимел бы табун коней! Мне награды надо бы давать, што богатеев бомблю, а меня ловят. Так что нет, Кенка, никакой справедливости.

– На Аляску бы нам с тобой рвануть, Кольша. Два наших дядьки ушли на Аляску. Там мы бы волю обрели, – вздохнул отец.

– Пока в табор рвани, там и затеряешься. А там и я подскачу.

Они сидели при свете маленькой лампочки, и дядя Коля тихо играл на гитаре и пел. Как он красиво пел!

– Как жить-то дальше, Кольша? – спрашивал отец, глядя в стакан с водкой. – Как жить? Парня вон жгли папиросами. Он-то причем? Загнали меня, Кольша, в угол.

– Езжай, Кеха. Езжай. Тебе рвать надо. А я пока останусь. Золотишка прихвачу. Надо кое-кого пощипать.

Он отложил гитару, из внутреннего кармана достал пистолет, черный и блестящий.

– Бери, братка, бери. Я себе ещё достану. Любую фигуру и маслят достану. Бери.

– Нет, Кольша, ни фигуры, ни маслят мне не надо. У меня есть кнут.

За голенищем сапога он всегда носил кнут.

Дядя Коля ушел, а я рассказывал о моих друзьях, и как мы живем. Он долго молчал, а потом ответил:

– Сказка. А ты попробуй, сохрани эту сказку в себе. Да где там. Изломают. А надо бы так...Вон дядя Коля, всё в благородного играет. Толку? Разве я чище? Главное, надо сохранить душу. Понимаешь? Во мне всему этому есть противостояние. Я душу сохранил, а толку? Ты, Юрка, береги душу. Пусть она у тебя будет вольной...

Он смотрел в пустой стакан и философствовал:

– Во всем должна быть воля. В работе, в душе, во всей жизни. Тогда человек станет огромным, как мир...Снимая шапку перед другим человеком, он теряет душу...Нельзя снимать шапку. Но у нас заставляют снимать шапку. Ну, живет он хорошо, получает награды, а толку? Так. Оболочка. А душа? Где она? У меня есть она. Во мне. Я не продал её. Во мне она! И ты не отдавай свою душу

никому. Никому! Плохо живи, голодуй, но не снимай шапку и береги душу... Вот моя сказка. И пусть она будет в тебе такой....

Он уснул. Я пошел к ребяташкам. Долго не мог уснуть, слова отца запали в душу. Разве этому нас учили в школе? Разве этому везде учат? Всё другое. Станный у меня отец. Вечно в бегах. Значит, скоро мы отсюда уедем. А жаль будет расставаться с моими друзьями...

Наутро мы собрались у Павла. Он сделал гребешки и передал их Грихе, а сам ушел на работу. Гриха гребешки раздал нам, и мы пошли на базар.

Мы вышли на шумную толчею базара. У входа кучковались бомбисты. Во главе с Бомбой. Сегодня их в два раза больше. Они хмуро смотрели на нас. Мы держались наготове. Нас тоже ждала серьезная работа. И если будет днем жарко, то привезем бочонок с водой и продадим кружку за пятак.

Мы половину гребешков продали, а половину выменяли на муку и кусок сала.

Бомбисты толпились, и теперь не смотрели на нас, значит, готовили «дело».

И вдруг шум, Одного бомбиста поймали, сбили с ног и пинали расвирепевшие бабы и два мужика. Один, в длинной шинели и без ноги, бил парня костылем, другой, шустрый, маленький, звонкоголосый, так и бегал между всеми и подначивал всех. Я таких вертлявых терпеть не мог.

– Так иво, так... Шоб знау, как храбить честной народ! Так иво! Так! А ты, солдатик, пошибче ево костылем пошибче!

Из толпы выскочила взлохмаченная женщина, Она бросилась на избитого и прикрыла его своим телом. Человек в длинной шинели похожий на Дзержинского, всё подпрыгивал вокруг женщины и парня. За его спиной оказался вертлявый мужичок.

– О, ишо одна вражина народа! Оне заодно! Бей её!

– Я кровь проливал! – кричал солдатик. – Наскреб на трудодни в колхозе. А он хотел у меня вытащить... Вон этова и маленького обокрал...

– Да, да, обокрал! – визжал за спиной солдата вертлявый. А я подумал, никто у него не крал.

– Уйди, баба! – кричал солдат. – Убью ево! Штобы небо не коп-
тил! Уйди, прикончу!

– Уйди, прикончу! – визжал вертлявый и плюгавенький. – Я
тоже кровя проливал!

Я не уверен, что он воевал.

– Опомнись, солдат! – кричала женщина, раскинув руки над
парнем. – Может у него отец где-нибудь на фронте голову сложил.
А они с голоду сдыхают. Мать сутками бьется на работе. И догля-
ду нет за этими варнаками! Опомнись, солдат! Мы всем миром
должны встать за них, таких вот варнаков и бродяг. Сколько их
шляется по вокзалам, поездам! Он виноват? Я спрашиваю, кто
виноват?

– Он виноват! – не унимался заспанный плюгавенький му-
жичок – Он виноват! Все они такие! Мы кровя проливали, а оне
тут...

– Цыц, сука! – крикнул кто-то из толпы. – Знаем, как ты кровь
проливал! Слезы из-за тебя проливали! Доносы он строчил на
честных тружеников! Сука!

Заспанный плюгавенький мужичок забегал в поисках крик-
нувшего, да где там найдешь в толпе.

– У меня муж погиб на фронте. Двое детей умерли в Ленин-
граде, а вчера пришло извещение. Старший мой сынок умер в
госпитале. Кто виноват? Её вини, войну проклятую, и тех, кому
она была нужна! Не позволю ещё одну жизнь губить! В милицию
сдать, но бить не позволю! Где милиция? – говорила женщина.

– Ихде милиция? – во всю силу завизжал заспанный плюга-
венький мужичок, и зло смотрел на лежащих. Шум стал стихать.

Сквозь толпу протиснулся милиционер Стрелов. Это он спас
отца от ареста. Прибежал ночью и сообщил отцу, что должны при-
ехать за ним. Этот Стрелов был каким-то нашим родственником.
Все базарники знали его, особенно мы, пацаны. Прямо с фрон-
та его прислали к нам. Был он на войне разведчиком. Был ранен.
Комиссовали, и отправили на родину. Когда праздновали Победу,
то он торжественно и гордо ходил по базару, сверкая орденами
и медалями. И он угощал всех мальчишек конфетами. И мы толпой
в тот день ходили за ним. Он всегда хромал. Все говорили, что он
добрый участковый. Черный и кудрявый чуб ярко торчал из-под

кубанки. Я заметил, что когда он недоволен, то сильнее хромал, и двумя пальцами разгонял морщинки гимнастерки под широким ремнем. У него всегда были до блеска начищены сапоги.

С Павлом он на третий день поздоровался за руку, а нас будто не замечал.

Стрелов разогнал морщинки на гимнастерке, опустил на колено, вынул ярко-белый платочек из нагрудного кармана и обер лицо парня. Ему было лет четырнадцать. И он был до того худой, что я удивился, как это на нем держалась грязные плохо заштопанные штаны. Стрелов поднял его, встряхнул за плечи, и платочек сунул в карман парня. А в это время заспинный плюгавенький мужичок стал что-то шептать Стрелову, изредка поглядывая на молодого мужчину в шахтерской куртке. Стрелов резко повернулся к шептуну.

– А ну пошел отсюда вон! А то самого сдам куда надо! Ну и мразь же ты...

Заспинный плюгавенький мужичок полез в толпу, и какой—то мужик дал ему пинка. Шептун кричал:

– А ишо милиционер! Воевал! Врагов народа защищаешь? Ну, ты у меня походи!

Стрелов в это время говорил:

– Зарывкин, я уже тебе говорил? Говорил. Предупреждал? Предупреждал. А ты опять за свое. Вместе с Бомбой. Бедовая твоя голова. Теперь вот так... Мать твоя с ног сбилась на работе. Да ещё пять ребятишек дома. А ты вон что? А ты, товарищ, – он взглянул на солдата, и ничего не сказал. Солдат опустил голову. А заспинный плюгавенький мужичок совсем исчез.

Женщина отряхнула пыль с парня и подтолкнула его, загораживая спиной от солдата. Люди расступались вяло. У нас не прощают майданщиков, бьют базарной толпой почти насмерть, как и конокрадов.

Стрелов увел бомбиста. Люди разошлись. А солдат остался стоять, широко расставив костыли.

– Вот это да, – прошептал Волоха. – А ведь и нас бы за кринку молока... С меня хватит.

– Да мы уже год никого не трогаем, – тоже прошептал Гриха.

– Видели? – прошептал и я.

– Кого не трогали? Бомбистов? – спросил Генка. – Они навроде на нас и не пошли.

– Не пошли, не пошли, – ответил Волоха. – Пора домой.

Наступила жара, и нам надо торопиться. Мы с Волохой выкатили из стайки тележку с бочкой. Гриха с Генкой ушли по своим домам. Галка и Ленка хотели пойти с нами, но мы обещали принести им сладости, и девчонки остались с Витькой.

Из колонки мы налили воду в бочку, накрыли её толстой тряпкой, чтобы вода не расплескалась, и потянули тележку по пыльной улице. Она словно от жары вымерла, даже собаки попрятались. Окна закрыты ставнями, а тополя будто уменьшились и стали серыми.

Небо в Черемхово в жаркую погоду не голубое и высокое, а низкое и стального цвета, а солнце расплывчатое, будто кусочек топленого масла.

По пути мы зашли на почту и в окошечке увидели тетю Пашу, дяди Феде жену. Мы с тетей Пашей договорились, чтобы она оставляла нам газеты. Почта находилась в полуподвальном помещении, окна торчали почти из земли. На почте тихо, прохладно и скучно, и даже слышно, как монотонно жужжала муха в оконном стекле.

Сегодня мне не хотелось подходить к окошечку. Не хотелось, чтобы тетя Паша знала, что мне известно что-то о дяде Феде.

– Тетя Паша, здравствуйте, – тихо сказал Волоха.

– А я уж решила продать ваши газеты. Што-то вы запоздали.

– Скока мы вам должны? – спросил Волоха.

– Погоди, Вовка, погоди. Пусть, Паха, гребешок сварганит. Родные просили...

Мы обещали принести гребешок, и, взяв газеты, вышли. Обливаясь потом, мы прикатили тележку на базар, и установили среди возов. Я сразу стал колотить двумя алюминиевыми кружками друг о дружку, призывая людей к воде. Волоха бросил газеты на вытянутую руку – пошел по базару. Люди покупали наши газеты на то, чтобы завернуть овощи, а кто для самокруток, а может и почитать. Иногда наш товар шел ходом, особенно когда был большой привоз овощей.

Солнце палило, пыль, кажется, увеличилась, люди разморились, а пяточки за каждую кружку воды приятной тяжестью оттягивал мой карман. Бомбистов не было видно. Здорово их потрясли.

– Вода холодная, Юрий? – услышал за спиной знакомый голос, и внутри у меня похолодело. Передо мной возник сам Стрелов, – черпай, давай, да не жалея. Пятачок, да?

Он пошарил в кошеле пять копеек и протянул мне. Я зачерпнул поглубже, будто там вода холоднее, подал полную кружку и сказал:

– Не надо денег. Угощайтесь.

Стрелов впихнул пятак в мою ладонь, крепко ухватил кружку и стал жадно пить, и вода блестящими струйками текла по его жилистой шее, на высокую грудь. А я думал, откуда он мог знать моё имя? Всё. Сейчас заберет меня вместе с тележкой. Потом мне достанется от Павла за неё. Да и не отдадут тележку. Хорошая тележка. Обидно. Вон и Волоха появился. Хоть бы он скрылся. Как же ему дать сигнал? Я начал отчаянно стучать кружкой по бочке. Стрелов выпил воду и поставил кружку на тележку.

– Хорошая вода, где только вы её берете? Ты бы этой кружкой по своей голове стучал. Громко получится, глядишь, и Волоха услышит. Он скрылся от меня. Сколько бочек-то в день продаёте?

– Одну, всего одну, – быстро ответил я.

– Значит, пятак кружка? – спросил Стрелов, глядя мимо меня, кого-то увидел. – Водой торговать можно. Надо людям помогать. Ну и немного газетами можно. Только смотрите... На первой странице вдруг окажется... чей-нибудь портрет... А вы в него огурцы... Понятно? Только смотрите... Всякие люди здесь бывают. Будьте осторожнее, ребяташки. Ну, а гребешки... Ваши гребешки – это искусство высшего класса. Это чистый труд. Павел ваш вообще талант. Да, на краю базара буряты муку привезли. Отменная мука. Что вы не поделили с Бомбой? Границу?

– Просто так. Мы не виноваты...

– Защитничек. В общем-то, ты прав. У нас не закладывают. Это ты должен помнить и знать.

Он обошел тележку и пошел среди возов.

Прибежал Волоха.

– Слушай, Юрка, я вспомнил. У нас на чердаке нашел какую-то муку. Она была в сундуке. С ведро. Вспомнил это сейчас...

– Сестра твоя знает?

. Тю-ю... Она в командировке. А потом, эта мука давно там лежит. Верка сказала, что она ишо довоенная. Мол, давно пропала. А я горсть сожрал и хоть бы хны. Немного горькая. А мы лепешки из неё с тобой состряпаем. А лучше булочки. Они больше и сытнее будут.

Вскоре мы пустую бочку покатали во двор Павла.

Нам хотелось накормить всех

На другой день мы натаскали угля и растопили печь. Но пришлось переходить на дрова, так как уголь в русской печи погас. Уголь коптил, но не горел. И тут только вспомнил, что загнеток печи растапливают дровами, а не углем. Им топят только обогревательные печи.

Так вот, мы растопили загнеток дровами, а нашу муку превратили в тесто и поставили «подняться». Туда, как положено, намешали отрубей, немного сушеной лебеды – все так делали. Дрожжи тоже бросили в тесто. А оно не набухало.

– Надо ласково мотреть на тесто, – сказал Волоха. – Я слышал, что от взгляда и корова может не дать молока. Давать мотреть. Должно подняться.

Мы долго и ласково смотрели на тесто, а оно не поднималось. Пробовали сверху щипать, чтобы поднялось – ни гу-гу.

– Всё, Юрка, хватит, – не выдержал Волоха. – От ниво уже лошадиными гужами воняет. Давай.

Расстелили на полу клеенку, и вывали на её тесто.

– Оно в печи поднимется, – решил я. – Мамка, када стряпала, то у неё завсегда в печке они делались пышными.

Волоха сопел над тестом – его узкие глаза весело поблескивали. Он тесто резал на кусочки, а я делал колобки. Положили колобки на противень и сунули в печь, закрыли заслонкой.

Запахло хлебом.

– Видел, – прошептал Волоха, – то-то... Ух, как пахнет, так бы и съел. Ну ничо, мы ишо попируем. Ребятишек всех накормим от пуза.

Волоха открыл загнеток, наши булочки подгорели хорошо, но почему-то расплылись. Никакие это не булочки, а подозрительные лепешки, неизвестно из чего сделанные. Молча, сунули в печь и другую партию, и я побежал домой накормить ребятишек. Хотелось узнать, как отец. Галка обошла меня и сказала:

– Чой-то от тебя проквашенным пахнет? Чо это вы тама с Волохой удумали? Чо это вы опять с Волохой вытворяете?

– Не твоево ума дело.

Потом я заглянул в подполье. Отец спал.

У нас и вторая партия не получилась.

– Надо было на сковородке жарить, – предложил Волоха и стал нюхать наше творение. Я тоже понюхал. От лепешек несло кислым и немного хлебом. Мы сели на пол и стали гладить наши лепешки.

Волоха сказал:

– Ничо, а? Мотри, даже навроде нищак, а? Румяные, а?

В сенях раздались шаги, и вошел Павел, а из-за него выглядывала Галка. Павел некоторое время смотрел на лепешки, а потом хмуро взглянул на нас.

– Чего вы опять вытворяете? Тайну устроили от нас? А ишо друзья... Вы хоть подумали о качестве этой муки? Ею вы собирались кормить своих товарищей. Ладно, можете заниматься хоть чем, но только не с нами...

– В натуре, она нищак! – крикнул Волоха, и вскочил. – Я пробовал её! Сам всё сожру!

– Вот и жри. Пойдем, Галя.

– Нам хотелось накормить всех! – закричал я.

Они вышли.

– Ну и ладно. И не будем ходить! – крикнул Волоха. – У нас своя будет кодла! А ты, раслохудра пучеглазая, дуй отседа! Сплетница и ябеда!

Волоха ходил по кухне и кричал:

– Мы ишо покажем всем вам! Вот увидите!

С улицы Галка крикнула:

– А я тебе морду расцарапаю! А чо он дразнитца? А я-то чо? Он дразнитца, а я виновата? Он первый начал.

А ведь мы хотели, как лучше.

– Пропадут лепехи. Давай их раздадим? – предложил я. Взял одну и откусил. Она была кислая, горькая и ещё какая-то тошнотворная. Волоха посмотрел на меня и стал успокаиваться.

– От теста говорят, свиньи хорошо поправляютца, на глазах жиреют, – сказал Волоха и посмотрел в окно.

– Я своей свинье подсуну. Она сожрет. Она до еды жадная, – сказал я.

– Скучота какая-то, – вздохнул Волоха.

– Пойду домой, – поднялся я с пола. Прихватил с собой все лепешки. Дома, чтобы никто не видел, намешал их в крапивную бурду, и свинья с огромным аппетитом их съела...

Ребятишки играли во дворе, а я решил заглянуть к отцу. Он сидел на табуретке и грустно смотрел на меня. Он снова собрался в бега...

– Мать совсем закрутилась...И я тут...нахлебник. Обуза. Вечером уйду. Поеду на север в Якутию. На реку Лену. Там простор. Золотишко помою, А вдруг выпадет фарт. Фартило же раньше. С золотом везде вольняк...

– Может всё обойдетца, – сказал я.

– Про таких, как я, любящих волю, не забывают, найдут.

– Но ты, же не против советской власти, как говорят...

– Я всему противостою.

Ночью он ушел. Он велел не ходить за ним. Вдруг кто-то следил. Но я выпрыгнул в окно и прокрался за отцом. Его бы никто не узнал одетого в лохмотья. Через плечо сумка из холста. Такими ходили у нас нищие. Вскоре он сел в поезд «колхозник». Так называли поезд, идущий из Иркутска до Красноярска и обратно.

С утра мы с Волохой бродили на улице мимо дома Павла и слышали веселые голоса друзей. В этот день у Павла выходной. Мы побежали на свалку, и нашли там четыре рога. Пошли к Павлу. Гриха, Генка, Галка, Оенка и Лиля бегали по двору, по круговой, а впереди Музгарка, Атос и Портос. Витька, Ленька и Васька играли на песке. Павел стоял посредине круга, притопывал и хлопал в ладоши. Он первым увидел нас и махнул рукой, как бы приглашая

нас играть. И мы, не выпуская рогов, побежали следом за ребятишками. Наконец, Павел вышел из круга, и наш бег нарушился. Поросята ринулись в сторону крыльца и, грохоча пустым ведром, скрылись в доме и там притихли.

Павел молча смотрел на нас, и мы не могли понять – сердится он на нас или нет, но вот, он протянул руку и принял рога. Его черные и узкие глаза заблестели – он улыбался. Между нами всё плохое забыто...

– Сейчас пойдет дождик. Все по домам...

Мы с ребятишками побежали по домам. Только успели заскочить, как полил дождь. Больше мы никуда не пошли...

Прощание

Утро. Дождь не переставал идти. Ко мне пришел Волоха, и мы побежали к Павлу. Он читал книгу «Как закалялась сталь». Мы все расселись, кто, куда и слушали. Поросята Атос и Портос лежали у печи, в углу.

Заскрипела калитка, и послышались голоса. Волоха посмотрел в окно.

– Светлана Поликарповна и тетка из гороно. Чичас зайдут.

Первой вошла комендантша, за ней – царевна из гороно.

– Вот видите, делом занимаются, – сказала комендантша, – и не хулиганят. Хорошие мальчики. Я обещала витамин для Витьки. Достала. Три раза в день ему давай.

Павел отложил книгу и взял пакет.

– Спасибо, Светлана Поликарповна. У него всё налаживается.

– Ну и, слава Богу, – ответила она, и подошла к трону, и потрепала Витьку по спине. Царевна смотрел в угол, где спали чистые поросята.

– Я их помыл, пусть немного обсохнут. Осенью в стайку загоню. Немного расти стали. Порода, видно, такая...

– Вообще-то, славные поросятки, – улыбнулась царевна и похорошела, ну прямо сошла с картины. А комендантша добавила:

– Хозяйственный мужик. И ребятишки ухоженные. И эти сорванцы с ним лучше стали.

Царевна оглядела стены и даже вроде выпрямилась. На стенах висели нужные портреты.

– Комсомолец, товарищ Вагин? – спросила царевна.- Какую книгу вы читаете? Если, конечно, не секрет?

– Какой уж тут секрет? Про Павку Корчагина читаю, – не глядя на царевну, ответил Павел.

– Правильная книга. Наша.

– А разве у нас есть не наши книги? Я не встречал таких. Если вы лично читали, то это другое дело. Вам можно.

– У нас нет неправильных книг. Мы не читаем их. И уже вы не должны их читать.

Светлана Поликарповна неожиданно стала суетиться. Она двигалась к двери. Царевна за ней. Вышли. За ними захлопнулась калитка.

Дождь мелкий, почти невидимый, лил и лил. Крыша Генкиного дома почернела и как бы обмякла, труба и конек потеряли очертания и словно соединились с серым, низким небом. Тополя, обычно серые, стали темно-зеленые, и от них резкий тополиный запах, забивший все остальные запахи, даже угольно-туалетные. Тополя как начнут цвести, всё забьют своим пухом. Он лежит грязным налетом на крышах домов, на улицах, в огородах, а как пройдет дождь, он смешивается с угольной пылью и землей, и на дорогах лежит черная и липкая грязь.

Скучно в эту пору нам, пацанам. Ох, скучно! Даже нужные портреты над кухонным столом глядели на нас хмуро и подозрительно. Не знаю отчего, но висящая икона из меди в самом углу кухни светилась, и дед на ней смотрел на нас участливо и не сердито.

– Проверяют, ходят тут, лихоимцы, – проворчал Волоха.

– А нам что, пусть ходят. Им положено ходить, – ответил Павел.

– Гляди, и Светлана Поликарповна за нас, – вставил я и зевнул.

– Она, паря, душевная, – говорил Павел и тоже зевнул и отложил книгу. Я встал. Надо, наверное, просто по лужам побегать. Мы с Волохой пошли на улицу. За нами вышли Гриха и Генка.

Стояли и смотрели на унылое, низкое небо, не обращая внимания на дождь, на почерневшие дома, на тусклые окна.

– Сестра седни приехала... пойти чо ли с ней поругаться? – сказал Волоха, и засунул руки в карманы.

– Про муку ничо не болтай, – напомнил я.

– Ты чо?! Я не вольтанутый!

Волоха побежал по лужам к воротам своего домишки. Греха с Генкой хотели что-то спросить у меня, но я тоже побежал домой.

Дождь шел несколько суток. От скуки я дома ребятишек часто шлепал, даже Лилю два раза дернул за короткие волосы. Вычистил пригон, доски в заборе поправил, на крыше кое-что подремонтировал, побелку организовал. У Павла в доме всё переделали, дрова на лучины натаскали для растопки угля. Привезли его на тележке от терриконика.

– Недельку, однако, постоит вёдро, а там опять дождик заморочачит, – сказал я.

Дождь перестал неожиданно. На крыше Генкиного дома играли солнечные лучи, и крыша вся светилась и блестела. Тополя под окнами ярко зеленели, стали какими-то выпуклыми, притихшими.

Быстро встал – и на улицу. Мама сегодня ушла на вокзал врозить.

Солнце будто во весь мир, и тепло от него такое нежное и мягкое окатило меня своими лучами. Беспричинно я засмеялся и побежал к Павлу. Петух Магомет уже гордо ходил вокруг кур. Он остановился и стал разглядывать меня, наверное, в его петушиной голове роились мысли: броситься на меня или подождать? Такая погода тоже повлияла на него. Он кокотнул, тряхнул блестящим, как огромный бутон мака после дождя, гребнем, и важно выступая, направился вдоль улицы в поисках своего собрата...

Павел на работе, по двору ходил Генка и что-то рассказывал Галке.

– Где наши? – спросил я.

– Волоха у сестры... Она обещала кило макарон достать для нас, – ответил Генка. Потом Галка ощерилась и сообщила:

– Ваша с Волохой Светочка уезжает, мальчишки-женихи, вот так.

– Куда это она уезжает? – неожиданно для себя крикнул я, доставая зоску.

– Светка сказала – едут в Сталинград. Строить там город. Седни уезжает... Опоздали, женишки... хи-хи-хи...

Ну и пусть уезжает, мне-то что? Пусть хоть куда уезжает! Какое отношение имел к ней? Играл в зоску и вдруг... промахнулся. Странно. Никогда не мазал. Поднял её, расправил волос и сунул в карман. Надо бы сходить к Волохе...

Вышел на улицу. Шел к Волохе и не знал – зачем? И вдруг, неожиданно для себя, свернул в переулок и увидел машину полуторку.

Двое мужчин загружали вещи.

Светочка стояла у забора и держала куклу. Светочка, увидев меня, замахала рукой. Я подошел. В глазах её стояли слезы. Они выкатились, и я впервые разглядел её глаза – большие и синие, синие, как сегодняшнее вымытое дождем небо. Почему-то они мне казались маленькими. Зачем она их щурила? Она, видимо, давно плакала, под глазами красные пятнышки, а маленький и нежный носик набух и чуть покраснел. Светочка гладила куклу дрожащими белыми и тонкими пальчиками.

– Не хочу ехать.

Слезы, похожие на стеклянные шарики покатались на красный плащ. Мне казалось, что как тоненько-тоненько они дзинькали.

– Света! – услышал голос её мамы. – Марш в кабину! Со мной поедешь в кабине! Сколько раз я тебе говорила, чтобы ты не разговаривала с этим злостным хулиганом. Я этим людям из табора совсем не верю!

– Он хороший мальчик! – надрывно крикнула Светочка.

– У них нет хороших мальчиков! Все они преступники и воры! Ты знаешь, где его отец? Спроси. Преступник. От справедливого суда сбежал! Спроси!

– Твоя... мама, Света... нехороший человек. Бяка, – тихо Светочке ответил я. А матери крикнул:

– Мымра чумовая!

Светочка рванулась к машине, потом вернулась.

– Я напишу тебе. Я тебя... понимаешь? Очень и очень... Ты хороший мальчик. Я знаю. Я тебя...

Она повернулась, и чуть не упала. Побежала к машине. Мать погрозила мне, подхватила её под руки, подняла и всунула в кабину. В последний раз я увидел её лицо, поднятую руку и красный плащ. И всё... Машина тронулась и покатила по переулку на улицу Красную. Я рванул следом. Бежал, не разбирая дороги. Но машину догнать не смог. Мне так хотелось узнать, что же хотела сказать Светочка. Машина свернула на улицу Плеханова и покатила к вокзалу. Я бежал. Машина миновала вокзал. Значит, они поехали к родственникам на станцию Гришево, а оттуда поедут в Сталинград.

Я остановился. Колочий комок сдавил горло, навернулись слезы. Если бы меня сейчас увидели друзья? Ну и пусть. Что это со мной? Почему так больно в груди? Что же это такое, почему мне так жалко, что больше никогда, никогда не увижу её? Мне не было обидно за её мать. И не такое слышал про нас. Мне было жалко Светочку.

По обеим сторонам улицы, за тополями, увидел темные и мрачные дома, холодное, низкое темно-синее небо и тусклые окна, и беспросветную грязь на улице. Побрел по ней и долго так шел, меня толкали, отталкивали прохожие взрослые люди, два пацана хотели меня стукнуть, но, увидев моё лицо, отступили. Сколько я шел и сколько ходил по улицам, без мыслей, безразличный и замерзший. Мне так было холодно внутри, и тело было холодное и влажно-липкое. Я, будто и не я.

Дома мама глянула на меня как-то странно долгим взглядом. А Галка шмыгнула в открытую дверь.

– Давай, иди, мойся. Лепешек настряпала, отнеси Павлу. Он дома. Приходили из гороно и ребятишек переписали на Павла. Выдержал экзамен. И вы вон возле него стали какими... Повзрослели... Ты у меня совсем взрослым стал... Иди, мойся...

Пошел на огород, разделся и нырнул в бочку. Вода оказалось теплой и мягкой. Стал кувыркаться.

– Юрик, я сухую одежду тебе принесла, – услышал Галкин голос.
– Я побежала к Пахе...

Выскочил из бочки и теплые лучи солнца, словно все они ринулись на меня и согрели моментально. Вокруг будто всё звенело от яркого солнца и дышало зеленью огорода и тополей. В мою душу неожиданно вместе с этим звоном ворвалась бурная радость. Перевернулся через голову. Быстро оделся – и к Павлу. Там все мои друзья собрались.

Галка принесла лепешки. Ленка во все глаза смотрела на меня и помогала Галке раскладывать лепешки. Здесь же были Лиля, Леня и Вася.

– Ура! – крикнул я. – айда, мы!

Павел в чистой косоворотке, в блестящих ичигах и брюках на-выпуск. Совсем, как взрослый.

– Премию получил, – сообщил Павел, и достал из сумки буханку хлеба. Такой хлеб заманчивый, темный и шершавый, с подгоревшей корочкой. И, конечно, он вкусный. Павел развернул бумагу, а там настоящее сливочное масло.

Сварили суп, и у нас получился богатый ужин. Кажется, такого хлеба, как в этот день, я никогда не ел. И был этот хлеб оттого вкусный, что и мы, все, его заработали.

Поставил точку. Повесть завершил. Перечитал. И тут вспомнил стихотворение моего друга «На улице детства». Как точно Александр Кузнецов описал домик, где я провел детство. Вспомнил, что в палисаднике росло три тополя и одна березка. Я не мог, не имел права не включить это стихотворение в конце моей повести. Ведь эта повесть не только посвящена детям войны, к сожалению, о которых так мало написано, их дружбе и взаимной помощи в самых тяжелых и ответственных моментах окаянного времени, но и обращение к нынешнему поколению. Нельзя забывать, что каждый из вас вышел из детства. И хоть маленькая частица того времени должна храниться в вас, в вашей душе, до седых волос. И если вдруг вам будет тяжело, ведь жизнь ваша, не только зеркальная гладь реки, но будут и коварные пороги, шторма и бури. Мой наказ современному поколению такой: важно не терять самообладания в любых жизненных испытаниях. И ещё. Просто вспомните своё детство, и его лучшие моменты, и всё будет хорошо.

С согласия автора А. Д. Кузнецова я взял его два стихотворения.

На улице детства

На улице Красной, что значит – красивой,
Иду мимо старых домов.
Но, где тот барак, где друзья мои жили,
Где был их отеческий кров.
От крыши и стен не осталось и следа:
Лишь ветер травую шальнул,
И с места, где лавка была для беседы,
Воробышек малый вспорхнул.
Волнуется память, как зрелая нива,
В душе и на сердце теплынь,
И кажется доброю злая крапива,
И кажется сладкой полынь.
Вот дом мой родной, и в нем окна большие,
Но в них бесполезно стучать.
Когда в них появятся лица чужие,
Мне нечего будет сказать.
У дома три тополя – братья родные,
А рядом березка – сестра.
Здесь детские годы мои озорные
Зеленая скрыла листва.
Нельзя мне забыть Черемховское племя,
Отчаянность тех пацанов,
Которым в то послевоенное время,
Мужать довелось без отцов.
Добра вам, живущим на улице Красной,
Вы мне, земляки, как родня.
И вам улыбнутся улыбкою ясной
Мой стих и моя седина.

Один на темном берегу

Повесть

От автора

В предисловии моей книги двух повестей я немного рассказал о вот этой повести. Просто мне вдруг захотелось поведать вам, дорогой читатель, кто же такие есть Черемховские люди? В общем-то, они разные. Это и прекрасно, что разные. Мне, кажется, а я наблюдал за многими Черемховцами, основной их лозунг – не терять самообладание в любых жизненных ситуациях. Меня всегда волновали трудные судьбы людей. Возможно, из-за того, что я сам прошел все мыслимые и немыслимые жизненные ситуации. И не дай Бог, кому-то пережить, то, что досталось на мою долю. Но я выстоял. Мой главный лозунг остался со мной. Важно не терять самообладание в любых жизненных ситуациях. У моего героя, которого я встретил в городе Железногорске судьба схожая со мной. Оказывается, он тоже родился и вырос в Черемхове. Его судьбу я описал в этой повести. Не совсем он обозлился на весь мир. Внутри он другой. И вы это поймете. Странность ещё заключается в том, что почти все Черемховские в народе шумливые, горластые, идущие порой на необдуманные действия, а в душе они совсем, совсем другие, общительные, стремящиеся помочь ближнему или совсем чужому человеку. Загадка природы. Я много наблюдал за этими людьми, и пришел к такому выводу – глубокое сострадание к себе подобному. И пусть меня извинят другие люди из других городов и селений, но это так. А если уж кому не прощают, то уж не прощают. И я

с ними согласен. В этой повести я написал об этом. Некоторые читатели скажут, мол, так делать нельзя. А если у этого человека накопело! Что делать? Конечно, всех плохих людей не воспитаешь. И это тоже факт. Но, что сделаешь? Так уж случилось. Не надо жалеть наказуемых грешников, а лучше моего героя пожалейте. И я думаю, что читатель поймет меня и согласится с моей правдой. Такие уж мы Черемховские.

* * *

Мелкий дождь бил по черной поверхности реки Витим. Дождь шумел, и словно веселился. От этого, а ещё от верховика, Витим взъерошился, и накатывался короткими волнами на каменистый берег. Строптивный и быстрый сын великой Сибирской реки Лены был недоволен. Скоро грянут ранние морозы, и он покроется льдом. А ему так хотелось продлить теплые, солнечные дни, чтобы по его гладкой поверхности купались солнечные зайчики. На его поверхности отображались бы деревья, в его воде плескались бы прибрежные кусты тальника, кусты спелой смородины. Ему нравились даже яркие отображения гольцов, на голых вершинах которых до половины лета лежал снег. Ещё нигде не залежался снег, который выпал в начале сентября, а на гольцах он уже лежал, и днем, при яркой погоде, весело поблескивал. И он отображался на гладкой поверхности Витима. И вот пошел осенний дождь, который, наверное, будет идти до снега и сильных заморозков. Конечно, опечалился Витим, даже был недоволен раннему приходу холодов и вот этого нудного дождя, и ветра дующего с низовьев, от самой Якутии. Крутые горы будто зажали строптивного и быстрого Витима, рвущегося к своей великой матери. Его частые и короткие волны бились о берег, словно пытаясь разрушить и расширить берега. Он понимал, что его усилия бесполезны. Порой ему даже было интересно и любопытно вести эту вековую борьбу с окружающими его горами. Порой даже переходило это в игру, и тогда он затихал. Вот уже, какой день он не успокаивался, но появилось любопытство. Его заинтересовал человек, сидящий на берегу. На сотни километров нет жилья. Ещё вчера прошел последний теплоход из Бодайбо до порта Осетрово. Дождь тоже сыпал на его согнутую спину, а он никакого внимания. А вот, кажется, и упали на воду, на землю, на спину человека первые снежинки. За темными

тучами не видно солнца, но оно, видимо, опускалось за одну из гор. Темнело. У воды, вечерний сумрак приходит раньше всего. Берега сливались с водой. И, кажется, будто вода покрыла берега. А человек сидел один на темном берегу. Он словно слился с темнотой, и с водой. Странно. Кто же этот человек? Мелкий дождь бил по черной поверхности реки Витим. Дождь шумел и словно веселился. И ему было не до человека, сидящего на темном берегу.

Замкнутый круг

Борис Максимов, кажется, уезжал из этого города навсегда. Делать ему здесь нечего. Да и никому он не нужен. Жена выставляла его вещи за дверь. Вот только не родную дочь жалко. Пошла в третий класс. Он привязался к ней, как к родной дочери. Он читал ей сказки, а то и сам придумывал их на ходу. А, в общем-то, Нинка правильно выгнала его. Он не обижался на жену. Таким, как он надо жить одному. Да и не жена она ему. Есть такое противное слово – сожительница. Конечно, он хотел, как лучше, а получилось скверно.

Нинка в след ему кричала:

– Бандюга! Вор! Всю мою молодую жизнь изломал!

Странно. Почему все женщины кричат одни и те же слова, что муж им жизнь испортил? Но ведь мужики так не кричат. Если разобраться, то Борька вовсе и не виноват. Жизнь он ей не изломал. Все деньги он приносил домой. Хорошо прирабатывал тем, что многим шоферам ремонтировал моторы, и другую технику. Ему предлагали пойти в автомастерскую, но он хотел быть свободным человеком. На этом он хорошо зарабатывал. Деньги отдавал Нинке. Высокое районное начальство, которым он иногда ремонтировал машины, выделили им трехкомнатную квартиру. А ещё он построил дачу. Под домом он выкопал погреб под овощи. Подумывал приобрести машину. Что ещё ей надо было? А то, что она назвала его вором, так это правда. Но он за это срок отбывал на зоне. После освобождения хотел начать новую жизнь.

Теперь он не знал куда ехать. В какую сторону пойдет поезд, туда и поедет. С вещевым мешком он вышел из подъезда. Как всегда, на лавочке сидело пять бабулей. Они осуждающе посмотрели на него. Господи, подумал он, никуда от них не скрыться. Порой ему казалось, что сидят они здесь сутками, и всю сознательную жизнь провели на этой лавочке. Мимо этих бабулей никто просто так не пройдет. Закоренелые сплетницы осудят человека вплоть до их далеких предков. Есть детали, которые давно забыл Борис, а они всё помнят, всё знают. А то, что произошло в его семье, эти сплетницы виноваты. Я жил недалеко от дома, в котором жил Борис. И этих пенсионерок давно знал. И тоже их боялся. Оказывается, они знали обо мне такое, что я не только не знал, но и не догадывался. Хотя я жил в двухкомнатной квартире в семнадцатом доме третьего квартала, и дом этот разрушили, одна бабуля Лукерья, первоклассная сплетница городского масштаба мне сказала:

– Ты жил там, в однокомнатной квартире. И не спорь со мной.

Оказывается, она лучше меня знает, как я жил, и в какой квартире. А потом добавила: – Не надо со мной спорить. Все бабули над тобой смеются.

Борька Максимов родился в шахтерском городе Черемхово. Десяти лет ушел из дома. Мать умерла. После неё осталось трое детей, Борька старший. Отец недолго горевал. Привел в дом новую жену с дочерью подростком. Они сразу стали наводить порядок. Отец не вмешивался в семейные дела. Двух сестер они постоянно били и унижали. Борька не сдавался. Он умел постоять за себя. Но и ему попадало ремнем. Ещё в детстве он понял, если после матери отец привел новую жену, которую называли страшным словом – мачеха, то ничего хорошего не жди. Это только в кино и в книжках показывают, какие они хорошие. На это и есть кино и литература. Вроде того, чтобы эти мачехи одумались, и не творили пакостей с чужими детьми. Поверьте, этот народ не одумается. В жизни всё другое. Жизнь – штука реальная и правдивая. Да и в сказочки о мачехах я, как и мой друг, Борис, тоже не верю. Навидался на несчастных детей. Друг у меня был Геннадий Кочев. Как-то он пришел ко мне с бутыл-

кой коньяка. Пришли с ним двое, Николай и его новая жена Гутя Семихватова. В общем, она увела Николая из родной семьи. Есть такие подлые дамочки, и мягкотелые отцы и мужья, на которых можно свободно одевать сарафан. И вот они прожили вместе целых десять дней. Сидели мы за столиком и выпивали. И вот в мою квартиру вошла дочь Николая.

– Папа, ты совсем забыл о нас. Сегодня у меня день рождения.

Семихватова встрепенулась, положила свою горячую ручку на колено новоиспеченного мужа.

– Ты, Колечка забыл, что у нас с тобой теперь две дочки. Им скоро в школу. Туфельки им нужны.

Колечка потупился, и скромно молчал под строгим взглядом Семихватовой. Я незаметно вышел в коридор, вынул из своего кармана десять рублей, и отдал девочке, чтобы Гутя не заметила. В Советские времена десять рублей были довольно большие деньги. Я кивнул Кочеву. Он тоже сунул девочке шесть рублей. Последние деньги отдал. Через два месяца Колечка превратился в Николая, и сбежал от Семихватовой. Родная семья не приняла его. С бутылкой они с Кочевым пришли ко мне. Немного выпил Николай и пустил слезу.

– Она всю мою жизнь изломала. Юрка, не женись на одиноких женщинах. Они коварные и подлые. Они никогда не полюбят твоих детей. Одно слово – мачеха.

Он уехал из города, и умер в одиночестве.

С двенадцати лет Борька стал бродяжничать, спал, где придется. Научился «чистить» карманы у богатых товарищей. Конечно, он из разных приютов и детдомов сбежал. И всегда возвращался в родной Черемхово. Добытое добро и деньги он делил среди таких же бродяг, как и он обездоленных. К шестнадцати годам он стал настоящим вором. А ещё у него проявился талант вскрывать разные сейфы. Побывал во многих городах страны. С ним ездили два друга, Генка Татарин и Мишка Чуваш. Тоже из Черемхова. Такие у них были клички по национальностям. У Борьки тоже была кличка – Робин Гуд. Это был его любимый герой. С местными ворами он не конфликтовал. Да и многие вору вначале его не понимали. А вот за вскрытые сейфы благодари-

ли. Взятое добро и деньги у богатых он раздавал бедным. Но не это главное. А когда узнавали, как это воровство происходило, то многие смеялись до слез, приговаривая: « Ай да, Робин Гуд! Молодец! До чего додумался! Братва, но, в этом что-то есть!» Борьку понимали друзья. У них судьба была похожа на Борькину. Для всех он был странным и загадочным вором. В основном, он в любом городе узнавал развоенную семью из богатых. Что это за семья такая? У богатого умирает жена, и отец приводит в дом молодую даму. Как и должно быть, начинаются издевательства над дитем отца. А отцу некогда. Он весь в делах. Описывать нет смысла эти издевательства. Всё это мерзко и противно. Вот тут-то и появляется Борька Максимов. Не буду описывать, как он пробивается в дом, пред очи молодой мачехи. Он затыкает ей рот, связывает, снимает с неё драгоценности, обшаривает все её золотые заначки. Если есть сейф, вскрывает его, и оставляет его чистым. Всякие там бумаги он не трогал. А деньги считал наворованные. Прежде чем залезть в этот дом, он всё узнавал о хозяине. Хозяин этот обманщик и плут. У народа, у государства наворовал. С хозяином пусть кто хочет, разбирается. Борьку это не волновало. Ему надо наказать молодую мачеху. Задирает ей подол и бьет по мягкому месту тальниковым прутом. При этом он ей читает нравоучительную лекцию о мерзком поведении её в этом доме. И ещё. Он будет, мол, следить за ней. И, чтобы больше не обижала маленьких детей. Нехорошо обижать несчастных ребятишек. Потом просит у неё прощения за оказанную процедуру воспитания. А взятое добро он берет, мол, не для себя, а для бедных детей. Ещё он добавляет, что лекторам платят хорошие деньги. А лекция Максимова стоит дорого. С друзьями он покидает квартиру или дворец, и исчезает. Когда я узнал, чем занимался Борис, я ему рассказал, что я тоже так же действовал. Одно я пожалел, что не воспользовался тальниковыми прутьями. До сих пор жалею. Они лучше бы прилипали к нужному месту. А я бил кнутом по спине, на которой была рубашка. Жалко. Так получилось, что кличка Робин Гуд отпала, а намертво прилипла необычная кличка Лектор. Их взяли, когда им исполнилось по восемнадцати лет. Борис не ожидал, что угодит в лагерь. Ему хотелось ездить по стране, и читать лекции. В свободное

время он тренировался говорить. Борька так наловчился болтать, что даже сам удивлялся своему красноречию. Все лекции моральные и жалостливые. Однажды при чтении такой лекции присутствовала кухарка в этом дворце, Когда Борька наказывал прутом довольно известную певицу, кухарка даже рыдала. Она сказала, что парень открыл ей глаза на мерзости певицы, и обещала уйти. Он всегда добавлял порцию тальника, тем женщинам, которые говорили ему, что они, всё-таки женщины. Читая лекцию, он культурно отвечал:

– Вы не женщина, а непонятно что! Вы есть помесь женщины и ведьмы от самого Сатаны! Вот это вернее. Расслабьтесь, так легче вам будет. Когда меня такая же вот ведьма била ремнем, то я научился расслаблять тело. Хотя ваш зловерный ротик и закрыт, вы кричите, и не стесняйтесь меня. Не скромничайте. Вас никто не услышит, а я вас понимаю, и сочувствую вашу боль. А теперь представьте, как бывает больно и обидно ребенку, которого вы истязаете, посланник всех ведм и Сатаны.

Борька не любил материться. Он культурно выражался, а когда уходил, то обязательно извинялся за то, что посмел видеть оголенное тело женщины. Когда на зоне воры узнавали, что к ним прислали необычного вора, то просили рассказать, как он это делал. Некоторые от смеха катались по шконкам. Борьке не нравилось рассказывать про свои приключения. Но против смотрящего вора нельзя перечить.

В таком случае Борька даже возмущался:

– Что тут такого? Тело у всех одинаково. Я себе ничего пакудного не позволял. Даже в мыслях ничего такого не было. Просто мне надо было наказать мерзкую тварь!

– Но, ты хапал, чо попадет под руку.

– У них не убудет. Они крали у народа, а мы народу возвращали. И себя не обижали. Работенка тяжелая, вредная...

Парень много читал, мечтал стать культурным, интеллигентным человеком. Тех, которых он наказывал были культурными. А почему ему нельзя сделаться культурным? Но, настоящим культурным. В грамматике русского языка ему попало странное и красивое слово опция. И вот, когда какая-нибудь дама

кричала, что она, всё-таки, женщина, и он должен ей нанести десять ударов прута, он говорил:

– Извините, мадам, я не просто должен, а обязан приложить к вашей заднице, ещё пять опций. Я всем вам говорю, но не проносите эти мерзкие слова, я, всё-таки, женщина. Вот и заработали добавку из пяти опций. Я ведь не кричу, что я, всё-таки, мужчина! Ну, почему вы все кричите эти мерзкие слова? Этим вы унижаете наше мужское достоинство! Вы унизили и оскорбили меня, как мужчину!

Когда их арестовали, и начали судить, некоторым было весело. По пяти лет каждому определили. Правда, один из народных заседателей тихо сказал:

– Иногда приходит мысль, больше бы таких товарищей для таких злодеек.

На него судья-женщина шумнула:

– Поговори мне, защитничек. Она не злодейка, а женщина, всё-таки.

– У вас тоже вроде...

– Молчать. Защитили мерзавцев.

По зачетам, и по отменному поведению Борьку освободили досрочно. Куда податься? Домой он не поедет. Да и нет у него дома. Отец просто забыл о нем. Двух сестер отправили в какой-то детский дом. Правда, один раз отец пришел к нему на свидание. Это когда его осудили в Новосибирске. Принес что-то в пакете, но Борька не взял подачку. Сказал:

– От змеиного яда можно отравиться.

Отец ответил:

– Ты не понял её.

– Я понял подлую душу, и её черную пятку, под которой ты сидишь. Уходи, а то рассержусь.

Больше он отца не видел.

Сидел он на скамеечке в железнодорожном вокзале. Скучно. Решил посмотреть на древний Иркутск. Город понравился.

Два милиционера проверили документы. Один из них сказал:

– Мотал бы ты, парень, из нашего города в свой бандитский Черемхово. Без тебя здесь заезжих, как в бочке сельдей.

В торговый магазин вошла нарядная дама. Муж остался на улице. Дама, видимо, решила, принарядиться. Сейчас ты у меня нарядишься, подумал Борька. Привычным движением своих натренированных длинных пальчиков, он выудил солидный кошель, похожий на карася. И этот карась был весь в блесках.

Ого, подумал он, когда за углом торгового центра на улице Урицкого развернул кошелек.

– Приятный лапотник, – сказал он. – Вот это улов. Какая мерзость, двести тысяч рубликов с собой таскает! Веселись, баба! Мужика жалко. Хотя чего его жалеть? Ярый подкаблучник. Это тебе, труховник, наказание. Мужиком надо быть.

В другом магазине ещё одну разнаряженную даму обчистил. Теперь у него в кармане шестьсот тысяч деревянных. Можно и отдохнуть. Рестораны он не любил. Он любил обыкновенные шашлычные. И пил там с обыкновенными мужиками. Деньги раздавал нищенкам, порой отдавал бумажные в детские дома.

Купил билет на поезд Иркутск-Усть-Илимск. На этот раз он решил деньгами не сорить. Перед его глазами постоянно маячила бабка на иркутском рынке.

Только что он несколько сотенных отдал двум чумазым мальчишкам. И тут его позвала бабка. Древняя, сторбленная бабка опиралась на кривую палку.

– Подойди-ка ко мне сынок. Ты на кой ляд деньгами чо зря разбрасываешься? Видно сразу, не заработал ты их.

Он никогда не обижал старых людей.

– А может, заработал посильным трудом, вдыхая зловоние. За вредность получал денежку.

– Злоба в тебе сидит, сынок, злоба. Зависть и злоба, родные сестры. На весь мир обижен. Вижу, сынок, душа у тебя светлая. Тебя зазря наказывали. Теперь ты наказываешь непристойным методом. Грех великий. Душа у тебя сынок другая. Ишо много бед тебе предстоит пережить. Одиночества бойся. Загибнешь ты в одиночестве. Светлая любовь тебя ждет. Но и она тебя обманет эта любовь.

– Не верю я в любовь женскую, бабуля. Хочешь, я тебе деньги подкину? Давай я тебе трость добрую куплю?

– Ничего мне от тебя не нужно. Брось воровать. Грех великий. Палочка моя дороже всяких твоих денег. Езжай, сынок на север. Сойдешь ты на одной станции. Душа тебя туда призывает. Нужен ты там будешь. Потом поймешь. Ждет тебя, сынок, великая и чистая любовь. Она очистит тебя от скверны. Но, бойся одиночества. Великое испытание тебя ждет. Но помощь придет от друга, от земляка твоего Черемховского.

– Э, бабуля, что ты говоришь! Я с детства живу в постоянном испытании. Закалился. Не прошибить. А в любовь я не верю. Поэты и писатели всё это придумали.

Он говорил, а сам стал смотреть на одну разодетую особу. Сумочка у неё красивая и заманчивая. Он продолжал говорить:

– Разве вот эта крыса любит своего мужа? Уверен, что она такая же злыдня, как моя мачеха. Ладно, об этом. Так как насчет трости, бабуля?

Он оглянулся. А бабули-то и нет. Исчезла бабуля.

– Вот те раз! – воскликнул Борька. – Чо это было? Вроде была бабка, а вроде её и вовсе не было. Чудеса!

А разнаряженную дамочку он обчистил. В её солидной сумочке оказалось триста рублей. Вот это улов, подумал он. Надо остановиться. В этом деле нужна передышка. Можно и запалиться. Странное чувство появилось в нем. Надо бы совсем остановиться. Бабкины слова так и лезли в голову. Какое-то наваждение. Может, пройдет? Там будет видно.

Поезд двигался на север. В этих краях он не бывал. Но слышал, что много разного народу здесь полегло, когда строили эту дорогу.

Поезд остановился на какой-то станции поздно вечером. Он вышел подышать свежим весенним воздухом. Станция называлась Коршуниха-Ангарская. Странно. Ангара далеко, а станцию так называли. Из вагона следом за Борькой вышел старичок. Борька помог ему снять тяжелую сумку.

– Дедушка, а чо это так станцию-то назвали? – спросил Борька.

– А тут речка есть Коршуниха, а рядом со стройкой была деревня геологов. Вот и назвали так, – ответил дед. Он тоже вдыхал

хал свежий воздух. – Я этот город начинал строить с палаток. А дома начинали строить заключенные.

– Но, они строили дорогу.

– И город начинали строить.

Наш брат, подумал Борька, везде наш брат начинал всё строить. Интересно бы посмотреть на этот город. Он спросил:

– В отпуске были? Хотя чо я болтаю. Вы на пенсии. Домой приехали?

– Пять лет, как я уехал отсюда. Бабку здесь похоронил. Продавал квартиру и уехал к дочери. Возвращаюсь вот.

Он замолчал. Достал сигареты. Глубоко затянулся и закашлялся.

– Чёртов кашель. Бронхи барахлят. С дочкой не сжился. Да и сюда потянуло, хоть вой. Так, где же сын-то? Встретить должен. Прохладно. Давно бросил курить, а тут вот так... Придется идти на вокзал.

– Я вам помогу донести сумку-то, – сказал Борька. Они вошли в вокзал. Просторный, чистенький, теплый вокзал в два этажа. Старичок сел на жесткую скамейку.

К старичку подошел мужик лет сорока. Как понял Борька, конечно, это был сын. Они обнялись.

– Вот приехал, – тихо сказал старичок.

– Обчистила тебя родная дочь, а теперь не нужен стал. Все деньги выгребла?

– Да ладно. Она ведь дочь моя. Надеюсь, меня вы не выгоните со своей женой?

– Ну что ты отец! Как можно? Там что-нибудь придумаем.

Они вышли из зала. А Борька подумал, достанется старичку от невестки. Крепко достанется. Наверное, здесь есть дом для престарелых одиноких и покинутых деточками. Вот и вся жизнь.

Потом он иногда думал, почему он остался здесь, а не поехал дальше? Ответа не находил. Но он остался.

Ночью его разбудил дежурный милиционер.

– Документы, гражданин.

Борька показал документы.

– Воровская статья. Отлично. Слушай, парень, езжай-ка куда дальше. Здесь без тебя давно всё украдено. Нечего воровать.

– А может, для меня крохи остались? Подчистить можно было бы.

Милиционер улыбнулся.

– Значит, ещё и юморист. Отлично.

– Без юмора как-то скучно жить. А без лекций ещё скучнее.

– Это как это без лекций? Сейчас лекции не читают. На днях я прочитал книгу местного писаки Стрелова. Там до того лекции читали о коммунизме, что даже некоторые слушатели в обморок падали, а некоторые с ума сходили. Я читал и смеялся. Отец тоже прочитал. Всё, говорит, там правда. Он рассказывал, что на их участке один лектор читал лекцию о каких-то сияющих вершинах и ещё о чем-то. Муть одна. И деньги за вранье получали. А отец говорит, что Стрелов правду написал, а на него говорят, что он всё врет. А говорят те, кто читал эти лекции, да в газетах и в местном радио болтали о сияющих вершинах.

– Лекция лекции рознь. Иная лекция кое-кому полезна. Например, лекция о добре.

– Скажешь тоже! О каком добре может такая лекция, что люди в обморок падали. Отец рассказывал, что из той лекции ничего не понял. Всё куда-то призывали. В голове у отца что-то помутилось. Даже испугался.

– Испугаешься тут, – ответил Борька. – Рядом с нашим лагерем, стоял дом для психов. Там один старичок по аллейке ходил. Так вот он всем пытался таким же больным лекции читать о социализме с человеческим лицом. Жалко было этого старичка. Мы узнали, что он был лучшим лектором в области в советские времена. А ещё мы узнали, если кто и остался ещё живой, то они все шизофреники. Их лечить надо, а они продолжают мозги пудрить людям.

– Ты прав, парень. Так в городе останешься?

– Наверно, останусь. Некуда мне ехать.

– Ты в милицию сразу сходи. Паспорт тебе надо получить. Смотрю, ты парень вроде ничего. По фене не ботаешь. Философ. Правда, сейчас трудно устроиться. Даже не верится, что отбыл срок за воровство.

– И там разные люди бывают.

Он ночевал на вокзале. Утром пошел в милицию. Отметился.

Теперь надо найти жильё. Кстати, Генка и Мишка каждый уехал на свою родину. А у него родина вся Россия. Побывал в трех организациях. Не приняли. В одном месте получилось, как и положено получиться.

– Так. Этого. Того. Понимаешь. Нам нужны опытные рабочие со стажем.

– А куда девать молодых, да ещё без профессий? Им ведь тоже, где-то надо работать.

– Ничего не знаю. Везде принимают только специалистов. Социализм ваш закончился. Нет его. Мы живем в капиталистическом мире. И в нем свои законы. А таким, как ты нет места в нашем мире. Мне некогда.

У рабочих Борька узнал об этом новом капиталисте. Когда-то он был передовым коммунистом в районе. Был членом бюро райкома партии. Читал лекции о построении социализма в нашей стране. В 1991 году он сжег партийный билет, как это сделал известный режиссер Марк Захаров на виду у всей страны. Этот Захаров хамелеон наивысшей категории.

Дальше получилось ещё интереснее.

– Воровская статья? Иди отсюда. Сейчас вызову охрану.

В третьей организации его отправили пинками.

Ещё в обед он познакомился с одним мужичком. Профессиональный бомж. Жил в старом цоколе деревянного дома. В остальных комнатах уже никто не жил. Окна заколочены. Отопление отключено. Его комната была рядом с тепловым узлом. Как-то так получилось, что его комнату не отключили. Бывает такое. А может ещё оттого, что сюда иногда забегали сантехники побаловаться водочкой, или опохмелиться. Здесь можно погреться, отдохнуть, а то и немного поспать после усиленного употребления спиртного. Заходили на огонек и разношерстные бомжи и бомжихи. Многие здесь бывали. Мужичок по кличке Серый быстро заметил Борьку. Надо заметить, что у всех бомжей глаз наметанный. Парень бездомный и при деньгах. Заученный подход, и заученные фразы. Это конек всех бомжей. С года-

ми из них выветривается стыд, совесть, и прочие ненужные им атрибуты человеческой морали.

Мужичок подошел к Борьке почти вплотную, и заулыбался во всё лицо, даже за ушами хрястнуло.

– Кого я вижу! Мы трудились с тобой в поте лица в карьере. Помнишь, как на буровых работали? Да, помнишь, конечно, помнишь.

Главное, надо ошарашить парня, удивить его, сбить с толку, даже можно похлопать по плечу.

– Да ты чо?! Не узнаешь меня? Ну, ты даешь! Зарплату ещё не получал. Потом отдам, будь-спок! Дай пятьдесят рублей.

Борька вынул сто рублей. Бомж удивился? Конечно, нет. А возможно, и удивился, только не надо подавать вид удивления. Профессиональные пьянчужки ничему не удивляются. Это чувство у них давно притупилось. Оно исчезло, как дым от сигареты. У закоренелых пьяниц многие человеческие чувства исчезают напрочь. Борька таких людей навидался. А то, что он дал Серому сторублевку, он уже знал, что тот всё для него сделает. За бутылку не то что родину продаст, он родную маму избьет, но на бутылку отберет последнюю десятку.

– Молодец, Кольша, молодец! Уважаю.

– Я не Кольша, я Борька.

– Тю, извини, забыл. Ну, конечно же, ты Борька! Как я мог забыть! Ну, я пойду.

Он засеменял в сторону магазина, и неожиданно остановился. Видимо, что-то в его неопохмельной голове шевельнулось. Что вы? Конечно, не стыд в нем неожиданно возник. Взять бутылку и не вернуться? Другое чувство в нем шевельнулось. Серый видел и другие деньги в руке парня. Он вернулся к Борьке.

– Слушай, Борька, а может, вместе тюкнем по маленькой?

– Потом. Всё потом. Я вот приехал сюда два дня назад. Негде жить. Подскажи, где можно найти ночлег?

Серый заюлил, немного ссутулился и засеменял к магазину. Потом остановился. Немного потоптался, и снова вернулся к Борьке.

– Так этого, того, понимаешь. Может, у меня остановишься. Ты вроде, парень ничего. Так этого, того, понимаешь...

– Понимаю, – ответил Борька. – За меня не беспокойся. Я при деньгах. За жильё заплачу.

– Да ты чего, парень, я ничего. Я просто так сказал. Давай ко мне. Закусон бы вот взять...

– Какой разговор! – воскликнул Борька. – Пойдем вместе, и всё что нужно для встречи – возьмем. Как звать-то тебя?

– Серый.

– Ну, слушай. Серый, это кликуха. Имя твоё Сергей? Так?

– Точняк. Серега. А как ты узнал?

– Это и так ясно. Серый, значит, Сергей. Идем.

Они вошли в двух комнатную квартиру. Как-то неудобно её так назвать. Замусорено. Вместо кроватей нары, на них рваные матрасы, непонятного цвета одеяла и подушки. Стены небеленые со времен постройки дома. Тараканы не боялись людей. Будто они здесь хозяева. На стенах кровоподтеки от раздавленных клопов. Одно окно забито досками, в нем нет стекол. С потолка свисала лампочка, густо загаженная мухами. Их было много. И они хозяйничали на столе, где кроме крошек от хлеба, и разлитой желтой жидкости, ничего не было. Раковина забита немой посудой. Из раковины выскочили две мыши. Электрическая печь «Лысьва» почернела от времени и грязи. Не смотря, что ещё не выбитые окна раскрыты, в подвале стоял густой неприятный запах водочного перегара, помоев, табака, кошками, собаками и ещё непонятно чем. В окно выпрыгнула собака. Потом из-под нар вылезли две кошки.

От всего виденного Борьке стало тоскливо. До завтра он потерпит, а потом он пойдет искать жильё.

– Вот здесь я и живу. Всё нет времени порядок навести. Моя квартира. Моя собственность.

– Да, собственность, конечно нужна, – ответил Борька. – Если всё привести в порядок, то жить здесь можно.

– А я чо говорю! – крикнул Серый. Надо заметить, как правило, все вот такие алкоголики, горластые, шумливые, машут руками, брызжут слюной, перебивают друг друга, клянутся в вечной дружбе, а через час всё могут забыть. Все они патологические вруны и обманщики. – Никто у меня не отнимет мою

квартиру! Я её заработал честным трудом! Вот наведу порядок, и всё будет будь-спок!

– Жена-то есть? Вот и пусть порядок наводит, – ответил Борька, примериваясь, куда бы сесть.

– Жена? Какое там. Нет её у меня. Была. Я ушел от неё.

– Чо, Серый, врешь? Она тебя выгнала, – раздался скрипучий женский голос. Из-под тряпок и одеял показалась голова женщины. – О каком порядке лопочите? Когда он здесь был? Серый, ты решил навести порядок. Не ври и не смейся. А это что за гусь лапчатый. Тоже про порядок заговорил? Серый, ты принес на опохмелку? В голове шум и гам. Слушай, Серый, а что мы вчера отмечали?

– Машка окотилась, а котят ты утопила, – залился смехом Серый и начал надсадно кашлять.

– И ничего нет смешного. Надо же захлестнуло. Ирка ушла от очередного мужика. Вот и отмечали.

– Первый весенний гром отмечали, – продолжал кашлять и махать руками Серый.

– Если он твой новый товарищ, вот пусть и угостит нас, – резко ответила женщина.

– Слушай, Маня, это человек с большой буквы. Мы с ним вместе работали.

– Серый, я тебе не Маня, а Мария Николаевна. Я всё-таки на мясокомбинате работала мастером. Меня все уважали.

– За воровство и прогнали, – ответил Серый. – Хватит базарить. Пойду бутылёк возьму, да закуски надо бы. Вот, мой друг Борис денюжат подбросил.

Борька ещё две сотни отдал Серому.

– Возьми, что надо.

Серый словно растворился в проеме раскрытой двери, а Мария Николаевна неожиданно вылезла из-под одеял, и засеменила на кухню. Она говорила:

– Ты, видимо, хороший человек. Нас зауважал. Молодец. И мы тебя будем уважать.

Это одна из любимых фраз алкоголиков. Даже самый последний пьянчужка требует к себе уважения.

– Да я воровала. Угождала начальству. А куда денешься? По благу выделяла лучшие куски мяса райкомовским работникам и вообще нужным людям.

Женщина на кухне грохотала посудой и кричала. Это она так говорила.

– Райкомовские товарищи хорошо жили в те времена. Всё было для них. Ты ещё молодой, а мне уже шестой десяток пошел. У меня ведь высшее образование.

– А как же вы вот так? – спросил Борька. Грохот посуды прекратился. Женщина вышла из кухни. Она вытирала руки о замусоленные штаны. Села на табурет.

– Вот так? – переспросила она. – Ты сядь. Понимаю. Брезгуешь. И правильно делаешь.

Худенькая, быстрая, она неожиданно успокоилась. Седые волосы сосульками свисали на лоб. Она то и дело отбрасывала их.

Борька смахнул двух таракан с табуретки и сел.

– Вот так. А что это ты вдруг раскошелился? Ведь всё это подозрительно. Журналист? Толку? Сейчас в нашем районе выпускают три газеты. Ничего интересного нет. О нас совсем забыли. Кто ты? Просто так столько бумажек отвалить нашему брату? Что тебе надо?

Она резко взглянула на Борьку. В больших темно-синих глазах любопытство и подозрительность.

– Повторяю. Что тебе надо?

– Ничего мне не надо. Я похлеще вас буду. Бродяга я. Откинулся я. Жить негде. А тут Серега встретился. Вот я и тут обзавался.

Он коротко рассказал о себе. Женщина то смеялась, то кашляла от дыма сигареты.

– Ну, парень, насмешил ты тут. А если разобраться, то всё было по справедливости. Есть такие стервы. Знаю.

Пришел Серый. Мария Николаевна как могла, прибралась на кухне. Пока она там прибиралась, Серый прошептал:

– Иногда я боюсь её. Точняк, боюсь. Другой раз улыбается, и может тебя ударить. Она у меня два дня живет. Одного ударила бутылкой по голове, и он спятил. Два года лагерей ей давали.

Она нахально ко мне пришла. Да и не нужна она мне. Не верь ей. Может чем-нибудь ударить. Не знаю, как и выжить её.

– Выгони, да и всё. Ты ведь мужик.

Серый только безнадежно махнул рукой.

– Куда кривая вылезет. Чёрт с ней. Чо будет, то и будет.

Борька выпил водки немного, остальное допили бомжи.

Неожиданно Мария Николаевна заплакала. Такие женщины, как эта пьяница, бывают непредсказуемые. Она может горько плакать, а потом сразу начнет смеяться. Требуется к себе уважения, а то начнет и скандалить. Конечно, есть исключения. Этикие тихие алкоголички. Напьется и ложится спать там, где придется. Может уснуть на травке, в подъезде. Тихо улыбается, тихо говорит, и может тихо угодить в психушку. Конечно, в основном туда попадают буйные дамы. Но и тихо улыбающиеся туда попадают. Она может тихо и скромно улыбаться, и свободно угораздит вас бутылкой по голове. Опасные дамы. Чтобы не искушать свою судьбу, он решил выбрать момент, чтобы исчезнуть. Мария Николаевна плакала.

– Горькая моя судьба. Погубила меня Горбачевская перестройка и Гайдаровская реформа. Мясокомбинат закрыли. И все остались без работы.

– А те, которых вы снабжали мясом, могли бы помочь, – сказал Борька.

– Пробовала, а они делают вид, будто и не знают меня. Родная дочь выгнала меня. Муж уехал к сыну. Внукам тоже не нужна я. Никто не понимает мою страдавшуюся душу. Никто меня не уважает. Вот и вы упыри меня не уважаете.

– Что ты, Мария Николаевна, я тебя уважаю, – ответил Серый.

– И я вас уважаю, – сообщил Борька. Господи, подумал он, надо как-то выбираться отсюда, и как ему надоели одни и те же слова об уважении. За что этих пьяньчужек уважать? Неужели они не понимают?

– Тогда что ты ко всему приножишься? Не уважаешь. Давай, Серый выпьем за уважение. Я же всё-таки, женщина.

За такие слова о женщине, дать бы ей тальникового прута.

Бомжи допили остальную водку, и тут же за столом уснули. Борька вышел на улицу, вдохнул свежий воздух. Что делать дальше он не знал. Пусть Серый сам разбирается с этой грамотной пьянчужкой.

Пошел по главной улице в центр. Если нормально жить, то Борьке денег хватит на месяц. А что дальше? Воровать? Этому искушению внутри его что-то сопротивлялось. Да и за тальник не хотелось браться. Хотя и в этом городе есть такие мачехи, которые достойные такого наказания. Они везде есть. Тальника на всех хватит. Отцы пусть сами с ними разбираются, хотя быть подкаблучником, видимо, им выгоднее. А может, и здесь взяться за своё ремесло? Опять воровать? Получается замкнутый круг. От чего ушел, к тому он снова вернется. Надо подумать. Деньги ещё есть.

Он постоял у памятника академику Янгелю. Маленький городок, а есть пять памятников.

Здесь была приятная аллея. Борька сел на скамейку. Надо подумать, что делать дальше. На соседней скамейке сидели три молодые женщины, и пили пиво из бутылок и курили. Громко смеялись и матерились. Тут же бегали их дети лет по пяти. Женщины допили пиво и бросили мимо урны. Окурки тоже полетели туда же. Бедные дети, подумал Борька, что они видят? Борька встал. Ещё не сознавая, что он делает, Борька подошел к женщинам. Зачем он подошел к ним, он ещё не понимал. Просто подошел и всё.

– У вас же дети. Они слышат вас, и всё видят.

Женщины замолчали и насторожились. Одну он сразу приметил. Огромные глаза под цвет спелых вишен. В такую даму чего доброго можно и влюбиться. Если бы Борька был художником, он бы написал портрет, а можно и всю фигуру.

– Слушай ты, погань стервозная, ты кого собрался учить уму разуму? – переходя на визг, крикнула рыженькая, маленькая дама. – Идешь мимо, ну и канай мимо! Некаво умных людей смущать. Сперва займем таких вот короедов, а потом уж поучай других. Канай, говорю!

Вишнеглазая молчала. Третья дама высокая и костистая шагнула навстречу Борьке.

– Я тебя сучонок по асфальту размажу! Иди туда, куда шел!

Борька ответил:

– Извините мадамы, извините, тальники вам я думаю, не нужны. Возможно, ещё для этого дела не успели. А вот, красавица черноокая, настоящая мама. Таких бы больше надо бы. Окружение вредит.

Что он тут сморозил, подумал он, зачем он это сказал? Какой в этом смысл?

Маленькая и высокая посмотрели на свою подругу, а потом снова на него.

– Ты чо здесь молотишь? – крикнула маленькая. – Оскорблять? Мы всё-таки, женщины! И не позволим какому-то шарамыге издеваться над нами!

Он давно понял, что вот эти слова, я всё-таки, женщина, говорят одинокие и капризные дамы. Он ответил:

– Я понял. Вы одинокие мамы. От вас убежали мужья. От таких жен можно бежать. И я бы убежал. Бегу, бегу.

Он понял, что ему надо быстрее уходить, что он и сделал. За спиной он слышал крики двух дам, и сплошные маты.

На краю аллеи Борис подсел к старичку. Он опирался на трость и дремал. Лучи весеннего солнца пригрели старого. Тут он поднял голову и сказал:

– Досталось, парень? Досталось. Не надо бы с ними связываться. Себе же во вред. Горе с ними. Куда мы катимся, и не пойму. В наше время такого безобразия не было.

– И воздух и реки были чище, – улыбнулся Борис.

– Смеешься? Смейся. Но, то, что сейчас творится, такого не было, – пристукнул тростью старичок. – Ладно, молодые сплошняком пьют и курят, так пожилые женщины курят и пьют пиво из горла.

Всё это видел Борька. Ему казалось, что все люди курят и пьют пиво из бутылок прямо на улице. Вокруг замусорено. Уже и дети стали в открытую курить и пить пиво. Кстати, Борис не курил, и пиво не пил на улице. Для этого есть рестораны, хотя и там начинают запрещать курить. С этим Борис согласен. В этом вопросе он сам себе удивлялся. Ведь он был профессиональный

бродяга и бомж, а также первоклассный карманник-щипач. В общем, вор. Да и пил он в меру. Одевался просто, не шиковал.

– В общем-то, я с вами согласен, – ответил Борис.

– А я, что говорю? Всё есть, правда, – ещё раз пристукнул тростью старичок.

– Вы не знаете, у кого можно снять квартиру на время? – спросил Борис.

– Объявления надо читать. Там всякую ерунду печатают. Приезжий, однако? Оно и видно.

– Приезжий. У меня справка из освобождения, – признался Борька. Он снова поймал себя на том, что он опять не то сморозил.

– Ну и что? Какая разница? Я тоже там бывал. Ну и что? Теперь скрывать?

– И за что вы срок мотали? – быстро спросил Борис. – Например, у меня воровская статья. Не бойтесь, вас я не обворую.

– Знаю. У тебя язык нормальный. По фене не ботаешь. Какую-нибудь бабку обворовал. Пенсию отобрал?

– Обижает, дедуля, меня. Я по-честному брал. Долго рассказывать.

– А куда нам, однако, торопиться? Рассказывай.

– Неинтересно рассказывать. Всё прошло, как дым от сигареты.

– Ну и не рассказывай. В общем-то, все воры отменные врали. Такое, однако, нагородят, хоть святых выноси. Трешку у бабки выхватят, а говорят на зоне, что кассу взяли. Я может, тебя к себе определю. У меня одна комната. Живу один. Бабку вот пять лет тому назад похоронил, вот и живу один. А ты мне байки будешь рассказывать. Но ври мне красиво и убедительно.

– За приглашение к вам поселиться спасибо. Но я буду искать другое жильё. Я вам, дедуля, не сказочник. Врать мне нет смысла. А за то, что я срок мотал, это моё дело.

– Гордыня, однако, заела? Уважаю. Значит, за дело сидел.

– Не за дело. Не меня надо было судить, а тех, у кого я брал.

– Опа! Это что-то новое. Это как понять? Статья воровская, а ты говоришь, что брал? Как это понять? А если я что-то не понимаю, меня это настораживает. Интересно. Ты вот что, парень,

давай, однако, ко мне иди. Чувствую, что меня уже ты заинтересовал шибко. Не дури, парень, и не кочевряжься. Пойдем. Хватит бузить. Пошли.

Он пристукнул тростью и встал.

– Отныне зови меня Александр Дмитриевич. А то и просто дед. Как тебе удобнее, так и называй.

Наверное, начальником работал, подумал Борька. А за что он сидел? Хотя можно и догадаться. По-молодости, наверное, сидел. Тогда время было суровое. А вот дед взял и выжил.

Александр Дмитриевич шел впереди, чуть прихрамывая на левую ногу, Борька шел за ним. Интересно, думал Борька, что же будет дальше? Может, Борьке повезет? Жильё будет, а завтра он пойдет искать работу. Попробовать на время остановиться в этом маленьком городишке, который имеет довольно грозное название Железногорск-Илимский.

Дед жил в многоэтажном доме. Квартира в одну комнату, но чистенькая. Два дивана, шкаф, стол, телевизор. Ничего лишнего. Нет ковров и дорожек. Голые стены. На кухонном столе старый самовар. Скромно жил дед.

– У порога разувайся, снимай одежду. Проходи. Спать будешь у окна. Не продует. Да и я простуду не боюсь. Теперь тебя надо накормить. Не возражай. Но чай обязателен. Я чистый сибиряк. Как ты?

– Сибиряк. В Черемхово родился.

– Ясно. Когда-то этот шахтерский городок славился тем, что там много жулья было.

– Я давно там не был. Говорят, что не узнать этот город. Там сейчас нормальный мэр. Всё для города делает.

Александр Дмитриевич сварил пельмени, заварил чай.

После ужина они сели смотреть новости. Дед прихлопнул крепкими ладонями по коленям и сказал:

– Надо бы послушать, кто ты и что ты. Если не хочешь, то и не рассказывай. Но про воровство интересно. Это что-то новое. Говоришь, брал? Как это? Это ведь весьма интересно.

И Борька всё о себе рассказал. Странно, но дед не смеялся, когда он добрался до тальниковых прутьев. Борька даже пове-

дал о том, как он познакомился с бомжами Сергеем и Марией Николаевной.

Долго молчал дед. Молчал и Борька. Потом дед встал и пошел на кухню. Через некоторое время он принес две кружки с чаем.

– Чай с медом и с травами, – сказал дед. – Полезный. Тебе сейчас надо оттаять душой. Не всё так скверно в этой жизни. Живи у меня сколько надо. Всё веселее. Досталось тебе в жизни. Помяла она тебя. Но, как я посмотрю, не обозлила она тебя. Это уже хорошо. А Сергею и Марию Николаевну я знаю. Ведь умная баба была. Даже членом в бюро райкома партии была. Вот так. Когда-то педагогический институт закончила. Что-то у неё с директором не срослось. За язык вытеснили. У нас правду не любят. Попала на мясокомбинат. Там только поняла, что надо быть другой. Как говорится, не подмажешь, не поедешь. Мясокомбинат прикрыли, а работы другой не нашлось. В школу не взяли. Все отвернулись. Тебя вот жизнь не обозлила, а Мария Николаевна на всё обозлилась. По пьянее мужика и утробила. Срок. Совсем спилась. А таких людей в нашей стране миллионы. Они у нас всегда были. А после всяких реформ ещё прибавилось. Полная безработица.

Александр Дмитриевичу восемьдесят семь лет. Немного пришлось воевать с Японией. Сразу после войны окончил геологический техникум. Не пришлось поработать. Арестовали по доносу. Он дружил с девушкой, а она понравилась местному партийному секретарю. В книгах, что стояли на полочке, при обыске нашли антипартийные и против советской власти какие-то корявые стихи. Александр вообще не сочинял стихов. Он не понял, откуда они там оказались. На десять лет осудили. Освободили в 1956 году. Устроился работать взрывником на шахту в Черемхове. А когда в газетах прочитал, что строится в тайге новый город, поехал на стройку. Работал в бригаде плотников. Пришлось работать на разных работах. А вот любовь к чтению книг, у него осталась навсегда.

Спал Борька крепко, и без всяких сновидений.

Утром он вышел из дома и встретился с молодой женщиной с вишневыми глазами.

Она не обратила на него внимания. Борька остановился.

– Здравствуйте. Не узнали меня? Я вам вчера немного нервы помогал.

Она неожиданно улыбнулась, и остановилась напротив Борьки.

– Вы правы. Это мои знакомые такие. Они шумные.

– Так я прав?

– Конечно, правы, чо не правы-то.

– Как ваша дочка?

– Нормально. Дома сидит. Я ведь здесь живу, в этом подъезде.

Такая красивая, видная женщина, а разговор такой, будто она всю жизнь дворником работала.

– Мне сообщили бабки, чо к себе дед какова-то парня привел. Так это вы? Совсем к нам?

– На время заселился. На днях приехал. Пошел искать работу.

– Трудно найти работу.

– И дворником нельзя устроиться?

Она даже выпрямилась.

– А чо? Дворник тоже профессия. Всё забито.

– Нинка! – позвали её. – Выходи на работу. Скоро мусоровозка придет!

– Чичас образуюсь! – отозвалась Нинка. – Слушай, парень, слесаря на комбинат требуются.

– Мне бы сторожем устроиться.

– А чо вдруг так? – удивилась она.

– Отдохнуть хочется. Помечтать о жизни.

– А чо о ней мечтать? Я вот мечтаю о том, када денъжат поболе подбросят. Вот это мечты. Ладно, я пошла.

Она вошла в подъезд. Недалеко от дома сидели бабки. Наверное, у каждого большого дома есть вот такие бабки. Им до всего есть дела, они всё знают. Они знают все глобальные новости своего дома. Никого не пропустят, всех осудят. В будущем они устроят ему «веселую» жизнь.

Борька отошел от дома, и встал под тень тополя. Он решил устроиться сторожем-дворником. Почему? Ответа не находил. Он всегда считал, что сторожами работают мечтатели. Ты один.

Вокруг тишина, и ты один в тишине. А Борьке так хотелось помечтать в одиночестве. Конечно, он мог бы пойти слесарем по моторам. На зоне у него новый талант открылся. На слух мог определить работу мотора. Он говорил:

– Как хороший доктор может определить, как работает сердце и что ему в этот момент нужно, так и я с моторами. Это тоже сердце. У любого сейфа тоже есть сердце. Надо только иметь нужный для этого инструмент и слышать, биение сердца сейфа, когда я начинаю с ним трудиться. И ещё вот что, мотор и сейф любят ласку, нежность. С ними надо вести разговор.

Из подъезда вышла Нина. В рабочей спецовке она всё равно выглядела красивой и приятной женщиной.

Она помахала ему ручкой и пошла на работу. Бабули проводили её презрительными взглядами. Она остановилась, и громко сказала:

– Чо, старые кошелки, всё сплетничаете?

И пошла своей дорогой. Когда Нина скрылась за углом дома, одна из них сказала:

– Чистая ведьма. Правильно сделал мужик. Убежал от неё.

– Она выгнала его. И не спорь со мной, – ответила другая бабуля.

– За дочкой совсем не смотрит. Штанишки не глаженные, – ответила третья женщина. – И дочка пойдет в неё. Пример разительный.

– И не говори, – вздохнула четвертая дама. – Пьет и курит.

– А ещё и мужики на неё заглядываются, – ответила пятая сплетница. – Что в ней нашли? Тьфу, на неё!

Борьке стало обидно за Нину. Он подошел к бабкам. Зря он это сделал.

– И не стыдно вам, бабулям, так говорить о нормальной женщине. Постыдились бы.

– Ты кого это назвал бабулями?! – возмутилась одна. – Не успел приехать в наш город, и уже командовать? Какие мы тебе бабули? Мы – женщины. И не спорь со мной. Над ней все смеются. И некаво защищать эту подстилку!

– Уже и глаз положил на эту потаскуху? – дробно захихикала другая бабуля.

– С вами спорить, только зря ветер гонять, – ответил Борька, и пошел от них. А надо сказать, что он не любил спорить с женщинами. Только себе во вред. Просто ему захотелось защитить Нину. Из этого ничего хорошего не вышло.

Начало новой жизни

Кто-то Борьке позвонил. Странно. Кто бы это? А может, Александр Дмитриевич позвонил? В этом городе только ему он дал номер своего телефона.

Звонил дед.

– Борька! Я нашел тебе работу. Иди в гараж. Там твой опыт нужен.

Борька пришел к гаражному кооперативу. К нему почти подкатился небольшого роста, толстенький мужичок.

– Ты Борька?

– Ну, я. Что надо?

Говорил он торопливо, но чувствовался тон начальника. Наверное, какой-нибудь бизнесмен.

– Слушай, парень, у меня что-то с мотором. Барахлит что-то. Наслышан от дяди Саши о тебе. Звонил он мне. Не обижу. В гараже красть у меня нечего...

Борька прервал говорливого господина.

– Слушай ты, говорун огуречно-моченый, если я отсюда, так на твою кошелку глаз наздрючил? Прощевай, дядя.

Борька развернулся и пошел вдоль гаражей. Толстенький догнал его.

– Слушай, парень, извиняй меня. Ведь ещё дядя Саша сказал, что ты в этом деле гордый. Я просто проверить тебя решил. Можно и понять меня. Извиняй.

Борька остановился.

– Слушай, господин хороший, меня уже проверяли. И я проверял многих, и за проверку, да и за вредность получал то, что положено.

– Понял. Договорились. Хорошо уплачу.

– Я не об этом. У тебя родная жена, и дети от неё есть?

Толстячок вроде даже напрягся.

– А семья моя, с какого боку? Они мне родные.

– Не обижайся. У меня такой закон. Я всегда задаю этот вопрос первый. А потом уж дела.

– Почему первый вопрос?

– Когда-нибудь узнаешь.

– Нет, ты мне скажи, почему задал этот вопрос? – громко спросил мужичок. Борька улыбнулся и ответил:

– Лучше ты об этом спроси у дяди Саши. Ничего плохого с твоей семьей не случится. Я даже таких людей уважаю. Где твой мотор?

Борька заставил мужичка завести мотор, а сам смотрел на небо. По нему быстро катились рваные облака со стороны севера. Он сказал:

– Быть дождю.

– Что ты там сказал, я не расслышал? – спросил мужичок.

– Я говорю, что к вечеру будет дождь.

Мужичок заглушил мотор, и вылез наружу.

– При чем тут дождь? Ты мотор мне давай делать. При чем тут какой-то дождь. Издеваешься?

– Не скажи. А первый гром? Разве это плохо? Разряд молнии. В воздухе в этот момент возникает такая невидимая глазу структура, и она очень полезная для организма человека.

Мужичок стал нервничать, сжимать белые кулачки.

– Мотор, как мотор? Брось ты мне тут мозги пудрить про какой-то гром. А мне ещё дядя Саша хвалил тебя. Даже про сейфы говорил. Болтовня. Всё враньё и болтовня.

– Болтовня, говоришь? Это хорошо. Но и первый дождь тоже хорошо. Первый гром и первый дождь хорошо. Где ваши ключи? Давай все, какие есть.

– У меня даже три набора разных ключей.

– Можешь идти отдыхать. У тебя, я гляжу, в гараже есть диван. Немного поковыряюсь, да и отдохну. Могу сказать сразу. У вас машина отменная. Но запущена. Сделаю. Год будешь кататься, а то и два. Отдыхай. А дождь с грозой будут. Первые в этом году. Природу надо любить, потому что мы сами есть природа.

– Философ? Странно.

– А ты думаешь, если я оттуда, значит, полный отстой? Ты ещё не знаешь, какие там есть философы.

Мужичок ушел, а Борька стал возиться с мотором.

Потом он лег на диван и уснул. Разбудил его мужичок. Он принес разной еды. Он раскладывал на столе богатую еду. И всё бросал на Борьку любопытные взгляды и улыбался. Среди еды появилось две бутылки.

– Коньяк или водочку? – спросил мужичок.

– Если разобраться, то я не любитель пить. Но лучше водочку.

Выпили, закусили. После второй доброй рюмки, мужичок неожиданно засмеялся.

– Ловко ты с этими бабами расправлялся. Дядя Саша рассказал. Теперь понял, о чем ты меня спросил насчет семьи. Гараж у меня просторный. Живи здесь сколько надо.

– За приглашение спасибо. Не хотелось бы дядю Сашу стеснять.

– Да я ему уже сообщил об этом. Зови меня дядя Коля. Ты мне в сыновья годишься.

– Ладно, дядя Коля, сойдет. Найду работу, дадут общежитие.

– Да ты чего? Твоя работа здесь. Я тебе права устрою. Порой будешь на моей машине ездить. Вторая машина в другом гараже. Тоже посмотришь. Приведешь её в порядок, и будешь ездить на ней. У тебя будет такая вот работа. Люди к тебе будут приезжать. И сам будешь ездить по вызовам. При хороших деньгах будешь. И квартира тебе будет.

Так у Бориса началась новая жизнь. Через год ему выделили трехкомнатную квартиру. Даже дачу построил с погребом.

Кстати, через два месяца пребывания в этом городе, он предложил Нине стать его женой. Она сразу согласилась. Так что в новую квартиру она вошла полной хозяйкой. В этом же доме жил Александр Дмитриевич. Иногда они философствовали на разные темы.

Бабки продолжали судачить. Они обсуждали то Нину, то Бориса. Возможно, от настроения, какое бывает особенно у одиноких женщин.

– Пригрел стерву. У него, что ума нет? – говорила одна.

– Откуда у него ум? Его ещё на зоне вышибли, – говорила вторая. – И не спорьте со мной. Вышибли. В детдоме рос. Чо с него взять? Нет ума. Мы бы посоветовали. Глядишь, и ум бы появился.

– Она правильно сделала. Обдурит мужика. Нормальная баба, – сообщила третья.

– Так ему и надо, – заявила четвертая.

– Ходит он, и нос задрал. А мы ему, бабоньки устроим жизнь, – прошептала пятая. – У меня с этими мужиками есть опыт. Я четырех мужиков похоронила. Да и вы в этом вопросе тоже кое-что соображаете. Тоже по три мужа отправили на тот свет. А ты чо, Матрена молчишь?

– Ну я чо? Куда я до вас? Я только двоих похоронила.

– Ладно, с мужиками. Мы этому Борьке устроим жизнь, – сказала первая бабка. – У меня был последний муж Колян. Я однажды такую истерику ему закатила, что он неделю заикался. Ничего, бабы, мы ему устроим веселую жизнь!

Александр Дмитриевич как-то сказал Борису:

– Ну, никого мимо не пропустят. Вроде всем ласково улыбаются, а камень держат за пазухой. Ты хоть порой улыбнись им. Они тебя такой грязью замажут, что век не отмоешься. Чего тебе стоит улыбнуться, поговорить с ними. Не убудет от тебя. За последний год они уже две семьи развели. Святых из себя корчат. Если бы ты знал, какими они были, и какие они сейчас. Не изменились.

Борис промолчал. Что эти бабки ему сделают? Говорить с ними он не собирался. Он даже Александру Дмитриевичу не ответил.

Борис был примерным мужем. Он с детства не курил. Пил в меру. Нину не обижал. Иногда он вспоминал бабку, что нарекла ему большую любовь. Но он не чувствовал особенного чувства к сожительнице Нине. Разве такая бывает любовь? В этом вопросе бабка не правду сказала. Он не верил в любовь. Просто обыкновенная привязанность друг к другу. Да и Нина повидавшая многое в своей жизни, тоже не очень-то стремилась к Борису. Бывали моменты, когда Нина приходила домой пьяненькая. Морали ей читать бесполезно. Или промолчит, или начнет

материть его. Может неожиданно заплакать. В такие моменты он уходил в дяди Колин гараж. Туда к нему кто-нибудь загонял машину для ремонта. Нинина дочка шла с ним. Играла в гараже. Здесь у неё был кукольный городок.

Порой Нина кричала:

– Я была до тебя вольной птицей! Ты мне всю жизнь испортил! Ты меня не уважаешь и не любишь. Всё ждешь принцессу? А их нет в этом мире! Они бывают только в сказках!

Когда он проходил мимо бабок, они ехидно улыбались. Однажды он услышал за спиной.

– Запнешь тут, если он не уважает её.

Он не стал спорить. Просто быстрее ушел от них. А, в общем-то, она и до него иногда напивалась с подругами. И сейчас она с подругами постоянно встречалась. Александр Дмитриевич сразу предупреждал его:

– Не связывайся с ней. Её не исправить. Музейная редкость, когда женщина бросает пить. Эта болезнь женщину пронизывает насквозь.

– Попробую воспитать, – отвечал Борька.

После очередного запоя, Александр Дмитриевич говорил:

– Зря ты с ней связался. Погубит она тебе. Беги пока не поздно. До греха недалеко. Лучше одному жить, чем вот с такой бабой жить. А ещё эти проклятущие сплетницы подначивают её. Подруги не отстают. Не пойму, что им всем надо?

– В общем, устал я, дядя Саша, устал, – как-то признался Борис.

Около месяца назад произошло чудо. После трехдневного запоя, явилась Нина, и сразу взялась за уборку. Это было что-то новое. Борис не узнавал её. Может, влюбилась в какого-нибудь пьяньчужку? Ну и пусть. Ревность к Нине он не испытывал. Пусть, что будет. С раннего утра до позднего вечера он трудился с машинами в гараже. Заезжал на дачу. Урожай у него на всё был отменный. Порой он даже сам себе удивлялся. Бывший вор и вдруг стал таким хозяйственником.

Нина после работы стала постоянно заниматься с дочерью, читала ей книжки.

На второй месяц Нина заявила:

- Всё, Боря, развожусь я с тобой.
- Борис удивился. Хотя от Нины всего можно было ожидать.
- Что это ты вдруг?
- Дочь моя. Она совсем от моих рук отбилась. Я все-таки, ей мать, а ты чужой дядя.
- Какой же я чужой?! – ещё больше удивился Борис.
- И тут её прорвало.
- Ты мне всю жизнь испортил! Я свободной была. А ты забалил меня. Хочешь, чтобы я в четырех стенах жила? А я желаю быть свободной!
- Ты и так свободная. По трое и четверо суток дома не бываешь. О каких стенах ты говоришь? Не стыдно?
- Это мне стыдно?! Тебе должно быть стыдно! Ты не любишь меня, не уважаешь! Я из-за этого и домой не хочу идти. Из-за тебя всё постыло!
- Ты и до меня гуляла. Ребенка бросала на соседей.
- Соседей не трогай. Ты всё слушаешь своего дядю Сашу. Все соседские бабушки над тобой смеются. Корчишь из себя, чёрт знает кого. Всем говоришь, что всё будет хорошо. Вот над тобой и смеются умные люди.
- Это вон те сплетницы умные, говоришь? – засмеялся Борис.
- Да, умные. Мне нужна дочь воспитывать. Она что, должна с твоими моторами возиться? Она к музыке склонна. Буду сама её воспитывать. Когда разойдемся, то мне с ней жить негде. Я знаю тебя. Ты меня с дочерью на улицу выгонишь.
- Кстати, у Нины квартиры не было. Она жила у подруги.
- Борис не раздумывал с ответом.
- А кто тебя выгоняет? Живи, сколько хочешь. Я тебя с дочкой прописал. Вот и живи.
- Решение пришло неожиданно.
- Это хорошо, что мы с тобой не расписались. Волокиты меньше. Одно тебе условие. Я ухожу. Мне сподручнее у дяди Коли в гараже жить. Теперь ты хозяйка, и будь добра платить за квартиру. Я умываю руки.
- Нам с Галочкой хотелось бы и на даче отдохнуть, – уже спокойнее сказала Нина.

– Если честно, я от всего устал. И от дачи, и от тебя. Надоело. Вот и забирай всё. Ничего мне не надо.

Нина совсем притихла. Села в кресло, и молча, следила, как Борис собирал свои вещи в рюкзак. Дочка прижалась к матери. Всё-таки, мать родная. Свои ключи от квартиры и дачи, он положил на стол. Кажется, всё. Он нисколько не сожалел от своего благородного поступка. Возможно, ещё одумается, но пока он был доволен. Он даже понравился самому себе в таком благородном поступке. В прошлом, когда он раздавал добытое добро людям и в детские дома, он всегда был доволен собой. И вот это чувство вдруг заиграло в нем. Он вспомнил самого себя несколько лет тому назад. Ничего ему не жалко.

И когда он уже подошел к двери, Нина спросила:

– А как же с оплатой квартиры? Мне ведь не хватит денег.

– Ловко! – ответил он. – Ловко. Я всё тебе отдал, так тебе ещё мало? Теперь уж сама управляйся. И ты будешь довольна, твои подружки довольны, и особенно сплетницы будут довольны. Вот теперь пусть все смеются надо мной. Да и я тоже посмеюсь, как ты со всем этим будешь управляться. Всего доброго.

И он вышел из квартиры. На площадке стоял Александр Дмитриевич.

– Слышал её крики. Потом наступила тишина. Что решил?

– Свобода. Ничего мне не надо. Свобода. Даже на душе легко стало.

– Ну и дурак, что всё отдал, – сказал дядя Саша.

– Что я должен был делать? – спросил Борис. – Не мог же я её на улицу выгнать с дочкой. Не по мне это. Не по мне.

Он вышел из дома. Бабки продолжали сидеть на скамейке. Они молчали. Странно. На этот раз они не улыбались и не смеялись. Он помахал им рукой и скрылся за домом. Всё. Пусть, что будет. Теперь он свободный человек от всех семейных обстоятельств. Он шел в гараж.

На другой день в гараж пришел дядя Коля.

– Опять мотор? – спросил Борис.

– Да вот, однако, того, этого, шел мимо, думаю, дай зайду к тебе. Как ты устроился на новом месте?

– Уже доложили? – спросил Борис. – Наш городок словно деревня.

– Ты прав. Доложили. Эти сплетницы сыграли, однако, свою роль. Нет на них мора. Ты, этого, того, крепись. А что ты всё отдал этой профуре? Зря.

– Если честно, как на духу, я доволен. И вообще я зря с ней сходил. Мне нравится полная свобода.

Они не заметили, как вошел Александр Дмитриевич. Он сказал:

– Мне кажется, что будущие поколения будут жить свободно.

– Как это понять? – спросил дядя Коля.

– Борька поймет. Тебе Кольша не понять, а он поймет.

– Как его, этого, не пойму, – ответил дядя Коля.

– Семья будет возникать на время, чтобы произвести ребенка, – сказал дядя Саша.

– Как это? Что-то я не понял? Но, это, же будет полный разврат.

– Видите ли, дядя Коля, такое общество будет в будущем. Все мы вот такие динозавры вымерем. На смену нам придет другое поколение, – ответил Борис.

– Что это за такое поколение, скажи на милость? – спросил дядя Коля. Он сел на табуретку. – Что-то даже ноги чуть не подкосились от твоих слов.

Дядя Саша тоже прошел к столу и сел на лавку. Заложив руки за спину, Борис ходил вокруг стола. Он был в ударе. Ему нравилось вот такое его состояние. В этот момент мгновенно рождались мысли и рвались наружу. Ведь ему нравилось наказывать мачех, когда он читал им мораль. Как-то на зоне, один из заключенных, когда услышал, как он что-то доказывал двум гражданам простые истины, и те не понимали, о чем он с ними говорил, сказал ему, что из него мог бы получиться журналист или писатель. У Борьки родилась такая мысль, написать о своей жизни. На эту тему ни с кем не разговаривал. Засмеют. А тот человек оказался журналистом. Случайно, мол, утюгом убил жену. На зоне все так говорят. Случайно, по ошибке или просто не за что посадили. Никто вам не скажет, что его посадили за дело.

А надо сказать, что у Борьки была феноменальная память. Вот он и решил пересказать слова того журналиста. Борис ходил вокруг стола и говорил:

– Будешь писать о каком-то случае, то обволоки его мишурой. Создай вокруг этого случая этакий художественный образ. Чем лучше и правдивее соврешь в этой художественной мишуре, тем у тебя лучше получится. Писателем может стать только тот, кто красиво и правдиво соврет. Без художественного вранья из тебя ничего не получится. Это пусть корреспонденты районного масштаба пишут заметки, корреспонденции. У тебя другое предназначение. Вот у нас был один корреспондент, кроме заметок в районную газету «К сияющим вершинам» ничего не написал. Да интервью ещё выдавал. Вопрос, ответ, вопрос, ответ, а ведь ему выдали удостоверение члена союза журналистов России. Кстати, это высокое звание. Он ведь такого звания не заслужил. А если разобраться, то ему выдали удостоверение за его удобную для районных властей болтовню. Кстати, ты уже знаешь закон зоны. Не верь. Не бойся. Не проси. И на воле держись за эти правила. Хвалебным одам не верь. Палка о двух концах. Опасно. Это первое правило. Когда начнешь писать, ничего не бойся. Если начнешь бояться, как бы ни то написал, да как бы тебе за это не попало, это конец. Правда, какая бы горькой не была, она найдет свою дорогу. Это второе правило. Ничего ни у кого не проси, особенно у начальства. Именно в этот момент ты попадаешь под каблук благодетеля. Всего добивайся сам. Пойдет или не пойдет твоя рукопись, но не унижайся. Правда твоей рукописи найдет честную дорогу. Вот это третье правило. Вот видишь, даже на воле все эти три правила подходят по всем статьям.

Борька остановился и сказал:

– Я хоть с вами могу о чем-то поговорить. Не с кем даже, словом переброситься.

Они ещё поговорили о жизни, друг другу пожаловались на несправедливость со стороны высокого начальства и разошлись.

Борис не воспринимал современное время в своей стране. Он назвал это время окаянным.

Как-то он признался своим новым друзьям:

– Поймите, друзья мои, в нашей стране устоялся дикий капитализм. Надо понимать, что капитализм не вершина общества. Капитализм развращает человека. Общество дико меняется и одна горстка людей быстро обогащается только на обмане людей. Другая прослойка быстро беднеет. Она бесправна. Третья прослойка становится ко всему безразличной. Равнодушие губит душу человека. На общество наступает трагедия. Идет душевный апокалипсис. Что дала революция в семнадцатом году? Свободу личности? Нет. Душевный покой? Нет. Люди погибли за революцию. Ради чего? Как-то я пришел в небольшой парк, где стоит памятник Илимским партизанам. Перед ним стояли два пожилых человека. Они просто стояли, склонив головы, и молчали. Возможно, молились. Я тоже подошел, и встал рядом с ними. Мы познакомились. Одного звали Александр Веревкин, а другого Юрий Стрелов. До пенсии Веревкин трудился в управлении Коршуновстроя главным инженером. Стрелов сменил множество профессий, как и я, где только не был. Даже корреспондентом поработал в районной газете с обещающим названием «Маяк коммунизма». Оба издали по несколько книг на разные темы. Старожилы Коршунихи. Так вот, Стрелов тяжело вздохнул и сказал: «Лежите вот здесь. Ради чего вы воевали? Ради чего всё это было? Ради чего? Всё вернулось на место, только ещё в большем искаженном виде. Куда мы катимся?». Они часто сюда приходят, чтобы поклониться этим могилам. Как всё понять? Ради чего всё происходит? Может, сделать новую революцию? Она уже была в девяносто первом году. И что? А ничего. К власти пришли другие товарищи. У них богатый опыт по болтовне. Они все-таки были коммунистами. Научились врать народу, и брать для себя. Но только намного больше, чем прежде. Порой мне, как и Веревкину и Стрелову, становится страшно от капиталистического беспредела. И действительно, куда мы катимся? Не знаю.

Борис продолжал работать. Жил в гараже.

Однажды к нему в гараж зашел мужичок. Борис его немного знал. Он жил в соседнем доме. Работал слесарем. Прирабатывал на такси.

– Шел мимо. Зайду, думаю узнать, как живется.

– Потихоньку живем, – ответил Борис. – С машиной что-нибудь?

– Нет. Просто так.

– Если выпить? Не пью. А поговорить, пожалуйста.

– Если честно, я не понял тебя, когда ты ушел от Нинки. Не понял. Моя жена даже назвала тебя дураком. Мол, так и надо тебе.

– Возможно, дурак. Она права.

– Да нет. Всё не так, – вздохнул мужичок. – Всё не так. Ушел я от жены.

– Но ты, же вроде смеялся надо мной, а что теперь?

– Потому что я сам был полным дураком. Бабу послушал. Оставил я ей квартиру. Двое детей, всё-таки. Она сама дура набитая. Послушала этих бабок. Насплетничали на меня. Будто у меня есть баба на стороне. Когда? Сутками кручусь. Просто позавидовали мне. Мы ведь с ней мирно жили. А тут стала она иногда сидеть с ними на лавочке. Вот и результат. Головой не подумала. Как теперь без меня? Я ведь хорошие деньги приносил домой.

– Так тебе жить негде?

– Написал заявление в общежитие. Если одумается, сама придет.

– Ты вот что, пока будешь ждать место в общежитии, и время, когда она придет за тобой, у меня здесь есть место для тебя. Всё веселее будет вместе-то. Живи. Мне не жалко. Дядя Коля, я думаю, не будет возражать. Вон в углу ещё есть три раскладушки. Звать-то как?

– Иван. Я недолго задержусь у тебя. Мне адрес дал Александр Дмитриевич. Ты меня извини. Пока петух не клюнет в нужное место, человек не понимает. Вот я этот удар получил. А этим сплетницам ни дна, ни покрывки. Мора на них нет. У меня такое ощущение, будто они этим и живут. И Нинку твою сбили с толку. Слышал, что она сожалеет. Оказывается, она и не знала тебя по-настоящему.

– Пусть сожалеет. Меня она не интересует. Мне одному лучше, – ответил Борис.

– А я к семье привык. Человек я семейный. Не могу без семьи. У меня ведь мои родные дети. Головы у неё нет. Чужими мозгами живет.

– Такие вот они бабы. Сплетниц слушают, – сказал Борис.

– Сейчас я всё думаю. Ради чего они живут? Если глубоко задуматься, то кто они, эти сплетницы?

– Это тени на теле человека, – ответил Борис. – Это такая зараза, и она неизлечимая. Она всегда была во все века. Слова Пушкина: «Злые языки страшнее пистолета». Метко сказано. Но ведь это сказано о сплетниках. Страшно. Я их боюсь. Если я буду писать, то напишу о сплетниках. Этот пласт мы как-то упустили.

Иван остался жить у Бориса.

Вишенка

Борис ковырялся в очередном моторе. Иван только что пришел с работы. Лег на раскладушку.

– Сегодня отдыхаешь? – спросил Борис.

– Понимаешь, я бросил колымить? Мне и без такси теперь денег хватит. Я ведь для семьи старался. Одному мне немного надо.

– Долго так у тебя свободное время будет? – спросил Борис.

– Долго. Посмотрим, как она крутиться будет. А эти мерзкие сплетницы довольные. Мора на них нет.

– Это, правда. Как правило, их любят слушать женщины, – вздохнул Борис.

Подошла машина. Приехал дядя Коля.

– Иван? Отдыхаешь? Слышал, слышал. Ушел от жены.

– Дядя Коля, ты возражать не будешь, если Иван поживет со мной в гараже? Место дадут в общежитии, уйдет, – сказал Борис.

– Пусть живет. Всё тебе веселее будет, – ответил дядя Коля.

– Мне тут уже сообщили, что Иван у тебя поселился. Но дальнейшее слушать не стал.

– У моего дома? – спросил Борис.

– Да. Я там, в мастерскую заходил. А как ты узнал?
– Догадался. Ну, что за народ?
– Я их стараюсь не слушать, – ответил дядя Коля. Он посто-
ял, и пошел к машине, потом вернулся.
– Забыл совсем. На выходные собираемся с другом на рыбал-
ку. Проверишь машину? – спросил дядя Коля.
– А как же? Конечно, проверю. И далеко едите?
– На Байкал. Свежего омуля захотелось. Привезу и вам.
Уехал.

– Хороший мужик, – сказал Иван. – Не прогнал меня. Как-то
я у него работал ещё в Братске. Его потом сюда перевели. А я там
не сработался, и вот я здесь.

– Нормальный мужик, – ответил Борис. – К сожалению, сей-
час таких мужиков становится всё меньше и меньше. Понимаю-
щий мужик.

Помолчали. Нравилось Борису вот в этом гараже работать.
Полная свобода. Нет уюта? А когда этот уют был в его жизни?
Что ему надо? В гараже три дивана, на любой ложись и отды-
хай, сколько тебе надо. Работа любимая. Вечерами выйдет он из
гаража, сядет на сделанную им лавочку, и блаженствует. Рядом
лес, маленькая, веселая речка. Ему нравилось, как она журчит
на камнях, будто разговаривает с ним. Смотрел на далекие и
мерцающие звезды, и думал, возможно, на одной из них сидит
вот такой, как он, одинокий человек и тоже смотрит на звезды.
И тогда ему становилось не по себе. А вдруг их взгляды в этот
момент встретятся? Кто он? Какой он? Хоть на миг увидеть это-
го человека. Иногда ему приходили такие странные мысли. С
кем-то поделиться он боялся. Засмеют. А то и дурачком назовут.
Порой его сожительница Нинка называла его мечтателем или
дураком. Она кричала:

– Люди, как люди, а ты не как все. Чудной какой-то! Будь как
все! Хватит мечтать и думать чёрт знает об чем! Над тобой все
смеются!

А надо заметить, что вот такую фразу произносят или алко-
голики, или люди, у которых непорядок с извилинами в голове.

Иван сел рядом. Борька смотрел на небо.

– Дождя не будет, – сказал Иван.

– А ведь где-то там есть жизнь, – ответил Борька.

– Где есть жизнь? – спросил Иван.

– Там, – показал на небо Борька.

– Какая там жизнь, не смеши, – ответил Иван. – Там сильно холодно. А звезды горячие.

– Горячие, Иван, горячие, – сказал Борька, и подумал, а зря он начал этот разговор.

– Врут всё ученые, а ты и поверил. Врут. Мозги нам пудрят, – твердо заявил Иван.

– Пудрят, – ответил Борька.

– А ты голову шибко не забивай, – сказал Иван. – Завтра я хочу поехать на рыбалку. Поедим. Выше фабрики Коршуниха чистая. Там есть хариус. Мою машину подхимичь, и завтра мы с тобой на зорьке и поедем порыбачить. А про то, что там где-то брось об этом думать. На это у нас есть ученые. Вот пусть и думают.

– Пусть думают, – ответил Борька, и опять пожалел, что заговорил о звездах. Ведь зарекался не болтать на такую тему. На рыбалку надо бы съездить. Надо только позвонить дяде Коле.

Дядя Коля не возражал. Он сказал:

– Если хочешь, то возьми мою машину.

– Если наловлю хариуса, привезу угостить.

– Да ты что, Борис. Хоть бы ты для себя наловил.

А дядя Коля вовсе не дядя Коля. Имя у него было Карим. А почему-то все звали его Коля. Дед его отбывал срок по политической. Строил эту дорогу. А когда освободили, то не поехал в Казань, а пошел работать в геологическую партию. А потом пошел работать плотником на стройку. Дома его уже никто не ждал. Женился на своей землячке. Она по комсомольской путевке приехала из Татарии. Трех детей нажили. Умер в восьмидесятые годы. Старший сын Карим, а по-простому все его звали Колей, работал плотником, и учился заочно в политехническом институте. Он женился на малярше. Родились у них два сына. Старший сын учился в педагогическом институте. После девяти лет сын подался в бизнес в Иркутске. А младший сын уехал в Казань. И остался там навсегда. Дядя Коля теперь работал мастером по машинам. Немного он работал в Братске, но

там ему не понравилось. Отказался повышать цены в мастерской. Поругался с начальством.

Рано утром Иван пошел за своей машиной, но потом вернулся. Он принес две удочки.

– Давай поедем на твоей. Опять что-то с мотором.

– Странно. Я вчера всё отладил. Странно.

Иван суетился, и махал руками.

– А я чо? Я ни чо? Откуда мне знать? Ух, ты, я и продуктов-то забыл взять. Заедем в магазин, и возьмем, чо надо.

Подъехали к магазину, а у Ивана и денег не оказалось.

– Как же ты собрался рыбачить? – спросил Борис.

– Катька только и бросила мне удочки, а ишо обматерила меня. У меня ведь для рыбалки всё есть.

Борис в магазине набрал продуктов, а ещё купил бутылку красного вина.

И вот они на месте. Место красивое, ещё не изгаженное людьми. Речка Коршуниха в этом месте чистая, светлая, какие обычно бывают горные речки. Весело шумела на перекатах.

Развели костер. Развернули рыболовные снасти. Но рыба пока ещё не ловилась.

Подошел автобус. Из него выскочили ребятишки. Они разбежались по поляне.

– Эти школьники нам дадут порыбачить, – проворчал Иван.

– Нигде от этих ребятишек отдыха нет. Думал, чо здесь отдохну. Так нет же, и сюда приперлись. Как я не терплю эту шумную ребятню.

– Как же так, Иван? У тебя самого двое детей. Детей любить надо. Я вот до сих пор скучаю по Галинке. Чужая она мне, а кажется будто родная.

– Вот именно, кажется. Терпеть их не могу.

Из автобуса вышла учительница. Как показалось Борису, она будто выплыла из автобуса.

– Ух, ты! – только и сказал Иван.

Учительница словно плыла по полю к речке. Борис неожиданно подумал, что она словно вышла из картин знаменитых художников эпохи Возрождения. Молодая женщина была среднего роста, платье шоколадного цвета подчеркивало полноватую

фигуру. Наполовину прикрытые выпирающие груди казалось, готовы в любую минуту совершенно оголиться.

– Вот это красавица, – прошептал Иван.

Учительница прошла мимо рыбаков. На круглом, смугловатом лице оказались довольно большие глаза под цвет спелых вишен. Тонкие и черные брови приподнялись, образуя на чистом лбу тонкую морщинку. Борис, не отрываясь, смотрел на возникшее чудо в образе молодой женщины. Сочные губы у женщины дрогнули. Она улыбнулась. В её глазах он заметил хитринку. Борис понял, что она всё поняла по взглядам двух рыбаков. Конечно, она привыкла к этим взглядам многих мужчин.

– Рыбачим? – спросила она. Борис еле уловил этот голос. Он неожиданно подумал, что возможно, вот так говорят феи, ангелы, богини. – А я вот привезла детей из своего класса. Сентябрь. Какое изумительное время!

У Бориса, кажется, отнялся язык, ноги приросли к земле. Он отвел взгляд от женщины. Он ещё не знал, почему, но он назвал её вишенкой. Какая же она вишенка, она настоящая Даная из эпохи Возрождения! Но слово вишенка начало сверлить его мозг, и уже не мог это слово выкинуть из своей головы.

За то, Иван не растерялся. Он забежал вокруг красавицы.

– Время удивительное! – воскликнул Иван. Странно, но голос его неожиданно не стал похожим на голос Ивана. Он резко изменился. Борис бы назвал этот голос так, елеино, бархатно-медовый. – Я вот рыбку решил половить. Я вас потом угощу. Я вот решил товарища пригласить приехать на это место. Вон она моя машина. Ради вас застолье организую. Вы потом подходите откусать рыбки.

Вишенка чуть слышно хмыкнула. Видимо, она уже привыкла к этим сдавленным мужским голосам. Ай, да, Иван! Он был готов стелиться перед красавицей.

А Вишенка мельком бросила взгляд на Бориса, и он тут же отвернулся. Лицо его неожиданно словно жаром обдало. Он отошел от костра поближе к берегу. Он наладил свою удочку, забросил в воду. Он не видел, что было за его спиной. Он слышал удаляющийся приторно-радостный голос Ивана. Значит,

Вишенка уходила. Оно и должно так быть. Она ответственная за свой шумный класс.

К Борису подбежали мальчишки. Они чуть в воду не лезли. Один мальчик спросил:

– А рыба здесь есть?

– Должна быть. Если есть речка, то должна быть и рыба.

– А как вас звать?

– Дядя Боря.

– Дядя Боря, а дядя Боря, дайте мне порыбачить? – закричал один.

– И я хочу рыбку поймать! – закричал ещё один.

– Я тоже хочу рыбку поймать!

– Почему ты? Мне дайте, дядя Коля, рыбку поймать!

– Мне!

– Мне!

Борис поднял пустую удочку. Сообщил:

– Вот видите, рыбка вашего шума испугалась. Давайте вместе удить. Моему товарищу пока не до рыбалки, я кому-то из вас вручу эту удочку. Только прошу не шуметь. А которая у меня удочка, то мы будем все поочередно рыбачить. Так, что вы будете ловить рыбку. Договорились. Только должна быть тишина.

Борис видел, как Вишенка подошла к стайке девочек, и что-то стала им говорить. А девочки рвали цветы, и громко смеялись. Иван так и крутился вокруг Вишенки. Борис заметил, как она периодически бросала взгляды в сторону мальчишек. Оно и понятно. Мало ли куда попадут эти сорванцы.

Круглолицый шофер подошел к рыбакам.

– Твой друг-то не дремлет. Только он зря старается. Она настоящая кремень. Не такие мужики об неё зубы ломали.

Борис молчал. Он и так понял Вишенку по её первому взгляду. Неужели Иван это не заметил? В таком возрасте пора уж понимать женские взгляды. Борис не обращал внимания на вертящегося вокруг учительницы Ивана. Борис увлекся рыбалкой с ребятами. А вот когда поймали первого хариуса, раздался радостный визг мальчишек.

– Подождите, пацаны, подождите, сейчас начнется клев, – старался их перекричать Борис. – Прошу не шуметь. Только не шуметь. Вы распугаете всю рыбу.

И тут он услышал голос Вишенки.

– Что здесь случилось? Господи, что случилось?

Борис не стал смотреть на учительницу, он помогал одному мальчишке забрасывать удочку.

– Не топи её, не топи, – говорил он. – Пускай её над водой. Над водой води! Да не так! Веди её, веди! Ура! Ещё один попался! Поздравляю!

Мальчишки прыгали вокруг Бориса.

– А я-то думала, что случилось! – говорила Вишенка.

– Что может случиться? – громко ответил Борис. – У нас самый жор начался. Пожалуйста, не мешайте нам!

– Борька, ты чо совсем с этими пацанами спятил? – закричал Иван. – Ты всегда такой был! В детство ударился?

Потом он затишил голос.

– Вы, Верочка, не обращайтесь на него внимание. Он такой и есть. Немного у него того... С кем связался. Я тут бутылочку красненького прихватил.

И тут Борис услышал голос учительницы совсем рядом.

– Вас Борис звать? Строгое имя. А я могу поймать рыбу?

Борис повернул голову, и встретился с взглядом Вишенки. В них было любопытство, и больше ничего.

Иван бросился к одному из мальчиков, и вырвал у него удочку.

– Вера Ивановна, пожалуйста, ловите рыбку. Я вам покажу, как правильно подсекать хариуса. Я, как знал, взял удочки для вас!

Мальчишки притихли. Вера Ивановна строго взглянула на Ивана, и сказала:

– Как вы можете? Это ведь дети. Пусть ловят рыбку. Я, как посмотрю, всё здесь ваше. Речка, думаю, тоже ваша?

– Чо вы? Чо вы? Речка общественная. Пусть ловят. Мне не жалко. Раз вы не хотите рыбачить, так и не надо.

В это время из автобуса выбралась ещё одна дама лет сорока, круглолицая, дородная, и с ухватистыми руками.

– Вера Ивановна! – закричала она зычным голосом, каким кричали работницы на железной дороге по забиванию костылей. Борис ещё на зоне видел и слышал таких путейцев. Бригада заключенных женщин работала недалеко от бригады, где трудился Борис. – Я здесь всё наладила! Потом этих короедов можно покормить!

Иван замер. Теперь он смотрел на дородную женщину. Потом сказал:

– Настоящий гвардеец. Гвардейка.

Вера Ивановна ещё сильнее сдвинула брови.

– Она вам как раз подходит.

Иван замахал руками.

– Чо вы! Чо вы! Это же! Гром, а не женщина.

Дородная закричала:

– Витька! Геть до меня! Собери стол. Кому я сказала!

Проходя мимо Ивана, он сказал:

– Одним ударом Варька зашибет тебя. Она бывало, на дороге с одного удара костыль забивала.

Борис заметил за Вишенкой, что ей не понравилось, как кричала женщина, и отвечал шофер.

Мальчишки так и крутились вокруг Бориса. Иван подошел к Борису.

– А ну, пацаны, уступите дорогу старшим.

Он отобрал удочку у мальчишки.

– Вера Ивановна, попробуйте закинуть удочку! У вас это получится. Я вам покажу, как надо рыбачить.

Вишенка продолжала хмуриться. Она ответила:

– Зачем вы отобрали удочку у Вити? Меня не надо учить. Я с детства рядом с Ангарой жила. В семье у нас все рыбаки были.

– О, я не знал! Тогда я согласен быть вашим учеником.

– Поздновато. Вы лучше со своим неразговорчивым товарищем порыбачьте. Вы ведь на рыбалку приехали? Так рыбачьте.

– Ну вот, вы и обиделись, – продолжал говорить сдавленным голосом Иван. Борис подумал, зачем так менять голос? Говори с любым человеком своим естественным голосом. Он давно заметил, что многие девушки, женщины, как говорится, «клюют» на такие ласковые голоса. Интересно, а Вишенка обратит внима-

ние на подделывающийся голос дамского соблазнителя? Вроде незаметно. Но, женщины, народ непредсказуемый. От них всего можно ожидать. Если мужчина действует напролом, так его создала природа, то женщина знает множество уловок покорить сердце мужчины. Борис подумал, а вот Вишенка не соблазнится на сдавленный голос Ивана.

Как назло рыба не клевала. Мальчишкам надоело толкаться у речки. Они побежали к кустарникам смородинника. И только один мальчишка остался с удочкой. Он внимательно следил, чтобы поплавок постоянно двигался над водой. Мальчик сказал:

– Расшумелись тут. Разогнали всю рыбу.

Борис стоял рядом с мальчиком. Он тоже следил за поплавком. Он не смотрел на Вишенку, но он чувствовал её присутствие. Она была почти рядом. Иван тоже пытался наладить рыбалку, но у него почему-то не получалось. Он явно нервничал. Возможно, он не ожидал, что так ответит учительница.

– Надо бы попробовать пойти за вон тот поворот, – сказала Вишенка.

– А чо там лучше? Какая разница? – ответил Иван.

– Я не вам сказала. А сказала вашему хмуromу товарищу, – тихо ответила она.

– Из него рыбак, как из меня космонавт, – быстро ответил Иван. – Да он и не рыбачит. Пацан пробует.

– С вами обеими бесполезно разговаривать, – резко ответила она. Потом закричала: – Варвара Петровна, налаживайте стол! Детей кормить пора!

И тут только Борис повернул голову, чтобы посмотреть на Вишенку. Лицо его продолжало пылать огнем. Взгляды их встретились. Почти рядом он увидел её огромные глаза, курносый носик, легкий румянец на круглом личике, на левой щечке ямочка. Неожиданно он подумал, что таких красивых губ он никогда не видел.

Во взгляде он заметил чуть заметную хитринку и понятливость. Вдруг ему стало стыдно за то, что она поняла его растерянность при её прямом взгляде. В таких случаях женщина всегда смотрит прямо в глаза мужчине. Этот взгляд длится не

более двух, трех секунд. Для женщины это достаточно. Но и он успел разглядеть лицо Вишенки. Она развернулась и пошла к автобусу. А Борису хотелось крикнуть, позвать её, остановить. Но он не закричал, а только промычал. В горле образовался комок. Ноги налились такой тяжестью, что он не мог даже сдвинуться с места. Борис подумал, что это было? С ним такого ещё никогда не было. Непонятное для него чувство. Что это с ним?

Кто-то дергал его за куртку. Кто? Он еле оторвал взгляд от удаляющейся от него Вишенки, и решил посмотреть, кто это его дергал?

– Дядя Боря, а дядя Боря, – говорил мальчик. – Отсюда вся рыбка ушла. Разогнали рыбку.

– Иди, мальчик к столу. Потом, всё потом.

Мальчик бросил удочку и побежал к столу, вокруг которого уже собирались все дети.

Иван стоял от Бориса в отдалении. Он не пошел догонять Вишенку. Возможно, она что-то ответила назойливому ухажеру. И сдавленный голос не помог. Он вернулся к Борису.

– Цаца, мать её за ногу, – проворчал Иван своим прежним голосом. – Ставит из себя чёрт знает кого. Видали мы таких недотрог. Давай, Борька, лучше дернем по маленькой. Ты, кажись, там бутылек прихватил? А чо она мне ту громадину хотела подсунуть? Была у меня такая стерва. Чуть чо не так, бьет в глаз. Не надо мне её.

И тут к Борису вернулся голос.

– Чего ты так на неё взъелся? Послала?

– Да. Отвяжись, сказала она мне.

– Ну и правильно.

– А чо правильно-то, чо правильно? Я с ней культурно вел беседу. Антилигенция чёртова.

– Ты перед ней распинался сильно.

– А как с такой разговаривать? Я ведь культурно, вежливо вел себя. Женщины любят, когда с ними так ласково говорить, как я. Опыт безошибочный имею.

– Может, надо было голос поменять, – сказал Борис.

– Зачем? Я завсегда так заговаривал с женщинами. Промашек не было.

– Не было говоришь? Ты говорил с женщинами уже готовыми пойти на твой голосок. На такие голоса идут, как правило, распушенные женщины.

– Ты знаешь, Борька, все женщины, начиная от Евы, от природы развратные. И в обратном меня никто не переубедит. Твоя Нинка такая, да и моя не лучше. Все они одинаковые.

– Сравнил тоже, – повысил голос Борис. – А эта женщина настоящая Богиня. Она не такая.

Иван внимательно посмотрел на Бориса, помолчал немного и ответил:

– Всё ясноенько. С первого взгляда втюрился. А я смотрю, всё ты при ней молчал. Отворачивался. Ясноенько. Втюрился. И у тебя ничо не выйдет. Кремень баба.

– Тогда, Иван, я тебя не пойму. Только что говорил, что все женщины не такие, как надо, а другие. Как тебя понять?

– Понимай, как хочешь. А ну тебя. Давай лучше посидим за стопариком. Все они одинаковы. Ладно, так и быть, попробую под очередной синяк подкатить к поварихе Варьке. Вон она ходит, как задницей крутит. С этой дамой можно и голос не менять. Она и без голоса меня подпустит. Я знаю с такими бабами об чем речь вести. Опыт есть. Давай пропустим по маленькой, да я пойду к поварихе.

– Пей один. Там в машине найдешь сумку. А я пройду с удочкой за поворот.

Иван засеменял к машине, а Борис взял удочку и пошел к повороту. Оглянулся, чтобы посмотреть на шумных ребятишек. Они толклись вокруг складного стола, и что-то ели.

В стороне стояла Вишенка. Она смотрела в сторону Бориса. Может ему это показалось? Мало ли куда можно смотреть? Природа здесь красивая, ещё нетронутая человеком. А как бы ему хотелось, чтобы вот так стоять рядом с Вишенкой, и молча любоваться природой.

Он, как заворуженный стоял так, как ему показалось очень долго, пока его не толкнул Иван.

– Любуешься? Ну, любуйся. А я выпил. Немного тебе оставил. Пойду к Варьке, а вдруг не ударит. Передать привет твоей красавице?

– Я тебе так передам, что и про Варвару забудешь! – резко ответил Борис.

– Ладно, ладно, не передам. Это я пошутил. Пошел я для удара под глаз.

И он медленно, но уверенно пошел к автобусу, а Борис к повороту речки.

Отсюда можно было видеть автобус. Но все люди слились в серую массу.

Он сел на давно зачем-то спиленное дерево. У самых ног торопилась Коршуниха.

– Куда ты родимая торопишься? – прошептал он. – На свою погибель спешишь. Ничего хорошего там для тебя нет. Даже рыба там не водится.

Он подумал, а до каких границ в этой речке, достигает рыба? В нескольких километрах отсюда сточная вода с обогатительной фабрики сделала своё подлое дело. Возможно, там даже последние микробы погибли.

Борис подсек хариуса. За губу поймал. Освободил его от крючка. Хариус бился в его руках, потом вдруг затих. Борис смотрел на рыбу, увидел его глаза. Ему показалась в круглых глазах мольбу. Он даже увидел, как выкатилась слеза из левого глаза. Какое-то наваждение. Хариус учащенно открывал рот, и Борису казалось, что он что-то говорил.

Борис опустил руку в воду и разжал кулак. Хариус на какое-то время задержался в его руке, потом нырнул, остановился, махнул хвостом, словно благодарил и прощался с чудным человеком, и скрылся среди камней.

Борис оставил удочку. Он ещё не понимал, что делал. Зачем он отпустил рыбу? Зачем? Он этого не знал, и не находил ответа. Он сидел на дереве, и смотрел в воду. На дне он видел камни, темно-зеленую траву, которая пыталась оторваться от дна и унести с водой к пропащему месту. В этот момент он не мог понять себя. Возможно, из-за того, что он постоянно стал думать о Вишенке. Он пытался вспомнить строки из какого-нибудь стихотворения, чтобы не думать о ней. Но он путался, и вроде даже стал нервничать. Он старался не смотреть в сторону автобуса. Он просто сидел, и смотрел в воду. Неожиданно там ему

показались какие-то непонятные видения, в виде плавающих птиц. Откуда они здесь, успел подумать он. Из глубины к нему приближались чьи-то огромные глаза. Они заполнили всё пространство. В них играли и прыгали искрящиеся огоньки.

Тут он почувствовал, как кто-то сел рядом.

– Посидим рядком, да поговорим ладком, – услышал он с хрипотцой голос. С краю бревна сидел пожилой мужчина. На нем старенький козушок, шапка-ушанка. Рано он её одел, успел подумать Борис. Неопределенного цвета штаны заправлены в ичиги. Рядом, у ног замусоленная котомка. Кустистая борода седая, как и усы. Косматые и тоже белые брови прикрывали небесного цвета глаза. Взгляд у деда был изучающий и с хитринкой.

– Рыбачим? – спросил дед.

– Сам не знаю, что я здесь делаю, – неожиданно вот так ответил Борис. Он и сам не понял, зачем так ответил. – Природой люблюсь.

– Всё есть природа.

– В каком смысле? – не понял Борис.

– Всё вокруг природа, и ты есть часть природы.

– Любопытно, – быстро ответил Борис. – Я об этом думал.

– Если смотреть в одну точку, многое можно увидеть.

– Я в воду смотрел, и кое-какие видения видел, – ответил Борис.

– А в глаза смотрел рыбе? Что там видел?

Борис даже удивился.

– Откуда знаешь?

– Ты в них видел слезы. Мне по должности положено многое знать, – тихо ответил дед.

– Кто ты? – спросил Борис.

– Я местный житель. Ты засмеешься. Я настоящий дух края Илимского. Обо мне много писал Юрий Стрелов. Читал, наверное? Я не фантастический дед. Я реальный дед. Я есть тоже часть природы. Не читал?

– Не довелось. Но такого не бывает. Хотя я верю в такое чудо. Но в основном нас окружают люди не во что не верующие, – вздохнул Борис. – Попробуй об этом скажи Ивану. Засмеет.

– Ты ведь меня не испугался. Ты поверил в меня. Он испугается, как и многие люди боятся и не верят в необычное. А ты ближе познакомься со Стреловым. Он тебе такого накрутит этот реальный фантаст, что у тебя голова кругом пойдет. А теперь к делу. Тебе как-то говорила бабка, что тебя ждет большая любовь. Это не простая бабка. Это дух Ангары. Моя мама, а я её сын. Тебя ждут большие испытания. Может, мы ещё с тобой встретимся и поговорим. Я ведь тоже со многими встречаюсь. Только люди думают, что они разговаривают с обыкновенным человеком в магазине, на остановке, с ягодником, грибником. А вот с тобой можно и откровенно поговорить. Ты меня и той бабки не испугался. Есть и такие люди...

Тут он услышал шум мотора, и голос Ивана:

– Борис, уехала твоя ненаглядная! Плевала она на тебя!

Кажется, Борис задремал. Рядом с ним никого не было. Он встал и стал осматриваться. Никого. Какое-то наваждение. К нему подходил Иван.

– Ты чо это так? – спросил Иван. – Да уехала она. Все уехали. А Варька тоже послала меня куда подальше.

– Каким ты голосом говорил? – спросил Борис. Он думал о наваждении. Конечно, всё это ему показалось. Просто он задремал. А вот то, что Вишенка уехала, что-то кольнуло у самого сердца. Кругом всё показалось ему серым.

– Каким голосом? – спросил Иван. – Каким. Обыкновенным. Это с той учительницей надо говорить нежным голоском. Глядишь и клюнет. Голосом надо уметь руководить. Голос для меня, что твой хороший инструмент. А с такими, как Варька, надо болтать обыкновенным голосом. Чой-то у меня сегодня кругом прокол. А ты чо это хариуса не поймал?

– Сдался мне твой хариус, – грубо ответил Борис.

– Ясенько. Уехала, чо теперь страдать? Она не для нас с тобой. Кто мы для неё? Так. Серость одна. Ей подавай культурного антилигена. Давай-ка я похожу по бережку, да рыбку половлю. Чо мы этова без рыбы-то поедем домой. Наловим. Засолим. Да малосоленую рыбку, да со стопочкой. Одно удовольствие. А ты сядь, да приведи свои мозги в порядок. Нечего страдать из-за пустышки.

Иван пошел вдоль берега. Вскоре он вообще скрылся за поворотом.

Тишина. Только чуть слышно, как на перекате журчала речка.

Уехала Вишенка. На Бориса навалилась тоска, хоть вой. Странно. Он её никогда не видел. Если бы видел, то он бы её запомнил. Увидит ли он её ещё? Господи, как плохо Борису. Он не садился, он стал ходить вдоль речки. Он не находил себе места. Такого с ним никогда не было. За свои двадцать восемь лет он никогда не страдал так о ком-то, как вот сейчас. И зачем так переживать? Конечно, она замужем. Такая красавица не может жить одна. Кто-то есть у неё. Странно. А почему шофер сказал, что многие мужики об неё зубы сломали? А почему не сломать зубы? Такие женщины, о каких говорил Иван, ловятся на сдавленные голоса, даже если они замужние, распущенные. Это, как хариус, ловятся, на пустую мушку, так и такие женщины. А потом, что их ловить, если они ждут такого «рыбака». Борис навидался таких особ. А тех мачех, которых он прутом наказывал, и читал им лекции, все они именно такие. И если особа говорит, что она все-таки женщина, то она уже готова послушать ласковые речи мужчины. Как правило, такие женщины не только одинокие, но они готовые на разврат. Женщина, которая много лет была одинокой, то ей весьма трудно завести семью. Если она выходит замуж, через какое-то время она начинает капризничать, бывает постоянно недовольная мужем. Начинается нервотрепка. Она разбалованная вниманием и развратом временными мужчинами. Она привыкла, чтобы мужчина постоянно говорил ей медовые, ласковые слова, чаще обнимал, и был регулярный секс. Бывшие одинокие женщины болезненно воспринимают не внимание мужа. Ей плевать на то, что муж занят на работе, или просто он временно устал быть постоянным любовником. Ведь он уже не постоянный любовник. Он пришел навсегда. Наивный муж. А если ещё у этого мужа умерла жена, или развелся, и на его руках остался ребенок? Можно только представить судьбу этого ребенка. А у этой одинокой, и развратной особы тоже есть дитя? Естественно, всё внимание только ему. Должно быть внимание к особе, и к её ребенку. Такова природа одиноких женщин. И обо

всем этом подумал Борис. А то, что показывают в кино, и пишут в книгах – голое враньё. А ещё говорят, вот, мол, у него осталось двое детей, и у неё двое детей. Сошлись. И живут хорошо. А кто-нибудь проверял, как живут дети отца? Борис поездил по стране, и хорошо изучил вот эту сторону жизни скрытую от глаз людей болтающих о том, что, как хорошо живется в такой семье. Он на своей шкуре испытал такую жизнь. Вот и взялся Борис за прут тальниковый. Всех таких мачех не накажешь. Их много в каждом городе. В конце концов, такая особа, как правило, заводит молодого производителя. А потом, и вообще расходится с мужем. Она решает лучше жить одной, но свободной. И нужных любовников тоже много. Подарки, цветы, медовые речи, и бурная ночь. Взять от любовника всё до предела. А от мужа, что возьмешь? Придет с работы усталый, нажрется и спать. Порой и про ласки забудет. А её развращенный любовниками организм требует ночных оргий. А тут ещё бродит по квартире ребенок мужа. Тут такая злоба возьмет, так руки и чешутся отхлестать этого чужого отпрыска. Нет, лучше жить в одиночестве. Хоть другой раз и не поймает любовника, но он всё равно придет. И таких особ тянет только на разных производителей. Один, как говорится, надоедает. Любовник всё меньше уделяет внимание, реже произносятся медовые речи.

Ходил он по берегу речки, и вот так рассуждал. Имел ли он право так думать о Вишенке? Ведь он её совершенно не знал. Борис ещё давно поклялся, что никогда не женится на одинокой женщине. Он их хорошо изучил. И учить его не надо. Учебников по этому вопросу нет. Борис сам свой учебник создал. В любой момент может прочитать лекцию по такому сложному вопросу. Были у него такие любовницы на одну ночь. Он их понимал, что он им нужен только на время. Как-то он задержался у одной одинокой дамы. Через неделю, как и должно, быть, она начала капризничать. Всё, что не сделает Борис в её квартире, всё не так. Просто он надоел ей. Хотя он и был парень в добром здравии в постели, но ей он, как производитель уже не нужен. Как-то он увидел её на соседней улице. Она стояла с мужчиной. Они ласково друг другу улыбались. Вечером он ушел на вокзал, чтобы уехать из этого города.

Подумал он так, и стал успокаиваться. А вдруг и эта учительница такая же? Просто она здесь увидела не тех мужчин, которые ей нужны. Вот бы ещё раз встретиться с ней? Но почему ему так больно на душе? Что его так мучает? Он вспомнил слова бабушки, вспомнил слова странного деда о большой и светлой любви, и опять подумал о Вишенки. А если любовь на этом свете? Просто её придумали поэты, писатели. Он понимал, что любви на одну ночь не бывает. А какая она, эта любовь? Встречал ли Борис настоящую любовь? Он стал перебирать свои встречи с девушками, женщинами, которые были старше и опытнее его, и ни на одной не остановился. Значит, у него ещё не было любви. А то, что он вдруг обратил внимание на молодую учительницу, то это не любовь. Просто его завлекла её красота и фигура. Вот и всё. Надо успокоиться. Надо.

Он взглянул на небо. По нему плыли облака, готовые окатить его дождем. А вот упали первые капли. Возможно, эти капли, вот эти черные тучи, набухшие водой, неожиданно появившийся ветер из распада совершенно успокоили Бориса.

Он замурлыкал мелодию из песни о крейсере «Варяг». Просто она в этот момент пришла ему на ум.

К нему бежал Иван. Молодец Иван. Пока он тут рассуждал, и бродил по берегу, Иван натаскал рыбы.

– Борька, я двенадцать хариусов надергал! Смотри, какие жирные, да здоровые! Чичас я их тут же распотрошу.

Он сбегал к машине за ножом, и стал потрошить рыбу.

– Дождь ишо не разошелся. Ничо. Чичас я их быстро оприходуую. А ты всё по училке страдаешь? Зря. Она не наша.

Борис сел в машину, и стал ждать Ивана. Через какое-то время Иван пришел с котелком.

– Всё. Рыба на засолку готова. Чичас погодь. Я её тут же засолю.

Он всё делал быстро и основательно. Был хороший опыт настоящего рыбака.

Он сбегал к речке помыть руки.

Пришел он довольный собой.

– Ну вот, рыбка готова. Да, Борис, оно и видно, ты не рыбац. Рыбу обделывают на месте. И солить надо уметь. Здесь все нуж-

ны специи для правильной засолки. Что я и сделал. Будет у тебя ишо баба. Поверь мне. Лучше этой училки. Надо бабу выбирать по проще. Может, она училась, училась и переучилась. С такими бы не надо связываться. А в общем-то, как я посмотрел, она слишком молодая для переучки.

– Я уже о ней не думаю, – ответил Борис. – Поехали домой.

Неожиданные встречи

Борис продолжал ремонтировать машины. Жил в гараже.

На пороге гаража стояла Нина, его бывшая сожительница.

Стояла и молчала.

– Что это ты вдруг явилась? – спросил он.

– Посмотреть нельзя?

– Не обязательно.

– Ушел, и даже не придешь проведывать нас. Дочка всё о тебе спрашивает.

– Скажи ей правду, но только не ври.

– Я задолжала за квартиру за три месяца, – сказала Нина.

– А причем тут я?

– Помоги.

– Почему задолжала? Я, например, регулярно платил. А ты почему задолжала? Квартира твоя. Причем тут я? С какого боку тебе буду помогать? Гуляла, наверное, вот и всё прогуляла. Как в той басни, так пойди и попляши.

– Издеваешься? – спросила она, и всхлипнула.

– Иди отсюда! – резко ответил он.

– Ты всегда был жестокий ко мне, – всхлипывала она.

– Я повторяю, иди отсюда. А завтра подходи к трем часам дня к конторе.

Она тут же перестала плакать, и ответила:

– Я ведь знала, что ты поможешь. Ты хороший человек, добрый.

– Твои бабки на той скамеечке обо мне говорят? – спросил он, прислушиваясь к работающему мотору.

– А ну их этих бабок. Сплошные сплетницы.

– Чего же вы, женщины слушаете их?

– Так вот, слушаем.

– Иди, иди отсюда, и не мешай работать.

Нина ушла. Неожиданно, Борису стало жалко её. Но вернуться к ней он никогда не посмеет. Дело не в глупой гордости. А может и в гордости. Кто ответит? Но унижаться он не будет. Если он вернется, то просто он сам себя унизит. И потом, она ведь не жена ему, а просто была сожительница. Какое же мерзкое это слово – сожительница. Так же, как слово мачеха.

Пришел дядя Коля.

– Сейчас пригонят машину из Братска. Посмотришь.

– А в Братске мастерских нет?

– Есть, конечно, есть. Они отдыхать ездили на Байкал. Дорогой у них что-то случилось. На тракторишке её сейчас при-тащат.

– Ну, этого, пусть пригоняют. Понюхаем.

– Твоё слово понюхаем, уже многие знают. А может, подошло бы слово послушаем?

– Какое уж есть, – ответил Борис.

Через час колесный трактор подогнал крутую машину. Борис давно заметил, что в таком маленьком городишке всё больше стало появляться таких машин. А всё говорят, что бедно живем. Порой через улицу невозможно быстро пройти. Машины любых марок почти потоком бегут по улицам, особенно по центральной. За последние годы началась настоящая машиномания.

Шофер, а может хозяин машины лет сорока, маленький, толстенький и вертлявый мужичок так и бегал по гаражу. Да и говорил быстро, будто захлебываясь. Нет, это не хозяин. Конечно, не хозяин. Скорее всего, это личный шофер. Они все такие, послушные, подхалимные. Об них хозяин ноги вытрет, а они улыбаются. В лицо гадость про него скажет, а в ответ он улыбается. Борис терпеть не мог такую породу человека.

– Ядрена вещь, катались ведь там, и ничего. А потом поехали домой, ядрена вещь, начало что-то барахлить в нутрях. Вроде ничо, а потом чо. Заглохли, ядрена вещь, у Хребтовой. Ты, парень, мне передали, парень с головой. Слушай, давай к нам в Братск. Устроим, как надо. Чо тебе, ядрена вещь, здесь толкать-

ся? В деньгах купаться будешь при твоих золотых руках. Мы ишо с тобой покумекаем. С хозяином потолкую. Он не прочь тебя взять. А ишо мне передали, чо ты, ядрена вещь, в гараже живешь. С такой-то головой и с такими руками? Не смехи. Давай к нам. Как ты на это смотришь?

– Понюхаем. Как-то уж я здесь привык.

– А там к деньгам привыкнешь. Хозяин идет.

В гараж медленно, по-хозяйски вошел парень лет двадцати пяти, мордатый, с глазами наглыми и навывате. На нем тонкий, кожаный плащ небрежно расстегнутый. Алая рубашка плотно облегла солидный живот. На толстой шее золотая цепочка с крестом. В золоте Борис разбирался. Такой хомяк пустышку не будет носить на своей мощной шее. Модные остроносые туфли тоже обрамлены очень тонкой золотой цепочкой. Сейчас такие туфли, как и крутые машины, стали, тоже изредка появляться.

Парень солидно откашлялся и спросил у личного шофера, который преданно, как маленькая собачка, стоял перед хозяином.

– Как скоро этот механик отладит машину? Мне нет времени долго ждать. Брось ему на лапу, как знаешь.

– Конечно, Игорь Николаевич, – быстро ответил шофер. Он повернулся к Борису, но так умело, чтобы и от хозяина не отвернуться. Только так могут стоять профессиональные подхалимы.

– Когда, мужик, машину отладишь? Хозяину некогда ждать?

– Бегите оба к своему хозяину, и доложите, что когда сделаю, тогда и сделаю.

Шофер начал чихать и кашлять. Хомяк, так решил называть хозяина шофера, напрягся и спросил у шофера:

– Слушай, Прыщ, про кого так этот полудебил выразился?

Прыщ ещё раз чихнул, и ответил:

– Леший ево, ядрена вещь, знает?

– А ты спрости его.

– Слушай, мужик, в натуре, а ты чо имел ввиду? – спросил

Прыщ.

Борис не отвечал. Он заканчивал работу.

Хозяин совершенно напрягся, лицо его побагровело. Он закричал:

– Мать его за ногу, этого полудебила! Ответь, Прыщ, почему он молчит? Скажи ему, что я быстро его заставлю говорить!

– Слушай, мужик, – прохрипел Прыщ, – отвечай, када тебя спрашивают? Почему молчишь?

Борис решил ответить.

– Есть такая народная мудрость. Когда я ем, то я глух и нем. Когда я кушаю, то никого не слушаю. Так и вот в этой работе с мотором. Одинаковая мудрость. Принимай, Прыщ, работу. Год будешь ездить и ничего, а может и больше. Бегите оба к хозяину и доложите.

Борис отошел от машины, и стал мыть руки в ведре.

– Он смеется надо мной? – зло спросил хозяин. – Он думает, что машину сделал, так и носяру к верху? Брось ему на чай, этому полудебилу.

Прыщ подбежал к Борису, вынул из кармана купюру в пятьсот рублей, и подал Борису.

– Бери. Но ты оскорбил моего хозяина, а он этого не прощает.

– Какого хозяина? – спросил Борис, вытирая руки ветошью.

– Он где-то ходит, значит, он не слышал наш разговор.

– Да он перед тобой, ядрена вещь! – завизжал Прыщ.

– Ты что ли, хозяин? – спросил Борис, и ткнул пальцем в Прыща, – или вон тот хомяк? Не смешите. Пусть сам хозяин и рассчитается со мной. Чего это он шпану мне подсылает? Вам самое место у параши. Я навидался таких шнырей у параши.

Прыщ стоял рядом с Борисом. И он только ему знакомым движением вынул у него кошель из кармана куртки.

– Пятисотку возьми обратно, – продолжал говорить Борис. – А вот тебе твой лапотник. Не бывал ещё там? Так чего пузыришься?

Прыщ опешил. Он взял кошель, и оглянулся на хозяина. Тот так изогнулся, что готов броситься на Бориса.

– Вот это номер, ядрена вещь! – воскликнул Прыщ. – Вот это ловкость! Я даже глазом не успел моргнуть, а лапотник уже у него. Как так? Впервые такое вижу.

Хозяин стал выпрямляться. Борис заметил на лице хозяина удивление. Конечно, он поверил словам Прыща. Что предпри-

мет хозяин, предположить невозможно. Но, то, что Борис удивил их обоих, то это факт.

И вот Борис услышал обращенные к нему слова хозяина:

– Ты, парень, этово, тово, бери сколько надо. Нам за такую работу не жалко. Я о тебе, как о хорошем мастере, наслышан. Я хозяин этого балбеса. Ты уж извиняй меня за непонимание. Ну и ты тоже тово, понимаешь, начал тут пузыриться, да выступать. Между нами должно быть понимание. Надо всё делать по понятиям. В общем-то, тебе место в Братске. Хорошо покумекай, да и к нам рвани. Чего тебе здесь в гараже жить? Ты явный не мужик. Это и понятно. Имешь свою гордость. Но здесь непонятка получилась. С нами-то надо быть понятнее. Бывают наши пацаны нервные, не поймут твою непонятку, за волюну возьмутся. Бери сколько надо.

– Да нет, не возьму. Мне дядя Коля заплатит.

– Ну, как хочешь.

Они уехали. А Борис подумал вот о чем. Почему он не взял деньги? Он и на это не мог ответить. Грязные деньги? А какие он деньги щипал в магазинах из карманов зажиточных товарищей, брал деньги, драгоценности у мачех, которых наказывал тальниковым прутом? Ведь они, скорее всего, были грязными. Когда он вытащил кошель у Прыща, и когда возвращал деньги, почему-то в этот момент он ясно представил перед собой Вишенку. Чтобы она сказала на всё это? Он только представил её лицо, с поднятыми бровями, и тоненькую морщинку на лбу. Ну и что? Мало ли, что ему покажется? Здесь они были втроем. Он, бывший вор, и разумеется они современные воры. И рядом никого не было. И все трое поняли друг друга. Грязные деньги? Нет, он зря их не взял. Какая разница, какие деньги? А ему ещё надо помочь Нинке расплатиться с долгами за квартиру. Зря не взял. Зря. Он даже немного расстроился. Честного фраера из себя только что корчил. Он не какой-нибудь фраер, он настоящий бывший вор. А теперь он кто? Механик по машинам. Но ведь вот эти современные господа признали его за своего товарища в воровском деле. И в этот момент ему это не понравилось. Он лег на диван, чтобы хоть немного отдохнуть. Работа механика по машинам ему нра-

вилась. Когда он возился с моторами или с другими деталями, то он не ощущал время. Иногда его останавливал дядя Коля.

– Отдохни, змей ты этакий. Работа не уйдет от тебя.

Он лежал на диване, когда в гараж пришел дядя Коля.

– Вот это новость! Впервые вижу классного мастера отдыхающего. Мне уже доложили. Зачем от денег отказался? Он не понял тебя. Что с тобой? Ты ведь всегда брал деньги за работу, и это правильно. А тут что же случилось? Какая тебя муха укусила?

– Муха меня не кусала. Я даже не могу ответить, почему не взял.

– Но какая-то причина была? – тихо спросил дядя Коля. – В чем дело?

– Подумал в тот момент о грязных деньгах.

– Вот в чем дело. Ясно.

– Понимаешь, дядя Коля, я беру деньги за хорошую работу. И эти деньги приносят мне работяги, начальники, даже бизнесмены. И все они по-разному мне платят. Я на них не в обиде. Сколько дают, столько и беру. Это, смотря у кого, сколько бывает денег. Работы-то у всех разные, значит, и заработки у всех разные. Бывает, что и ничего не беру. А эти другие.

– Ясененько. Понял. Ну, это твое дело. Главный-то ничего, нормальный человек. Правда, с гонором, но это его дело. А вот этот Прыщ, мужик дохлый. Настоящий прыщ на теле человека. Зачем он его только держит у себя?

– Ясно зачем. Понимаешь, дядя Коля, почти все начальники держат у своей ноги вот таких профессиональных подхалимов. Они услужливы.

– Не каждый начальник. Я не такой, – быстро ответил дядя Коля.

– Все вы одинаковые. Пойми, дядя Коля, подхалимы бывают разные. Вот этот явный подхалим, а есть скрытные товарищи.

– Ну и, как скрытного товарища обнаружить? – тихо спросил дядя Коля.

– Сложно. Весьма сложно. Но обнаружить можно. Этот товарищ, где нужно поддакнет, а в нужном месте промолчит. Он чувствует нужный для него момент, где необходимо, где нужно начальнику подсказать, и чтобы не промахнуться. Он, как хоро-

ший рыбак, знает, когда сделать подсечку. Он знает каждую струну своего начальника, где её надо тронуть, да чтобы не во время не загремела, а то ведь и самому можно загреметь с работы. Он чётко знает, где надо улыбнуться, где надо вместе с начальником немного и нахмуриться. Если начальник громко вдруг над чем-то засмеялся, то этот товарищ не позволит громко смеяться, он может позволить себе немного хихикнуть. Но немного так улыбаться надо почти всегда. На вид он предан начальнику, всё для него сделает, не подведет. Но, если этот товарищ почувствует, что его шеф где-то промахнулся, и может полететь с кресла, то этот товарищ делает вид, что он поддерживает его. Делает вид. А сам ищет отходные пути. И откуда дует ветер, он потихоньку прощупывает туда тропку, чтобы в любой момент предать своего хозяина. Кстати, эти товарищи без совести, стыда и без жалости. Они только улыбаются, но они жестокие. Именно вот эти скрытные подхалимы самые опасные. А этот Прыщ не опасен. Он весь со своей подхалимностью на виду. И в любой момент может предать своего благодетеля. Начальник это знает. И держит его, как раба.

– Ну, ты настоящий философ, – улыбнулся дядя Коля.

– Возможно, от природы я такой. Просто я чувствую человека, как вот этот мотор. Человек ведь тоже тот же мотор.

– Меня тоже чувствуешь?

– Ты, дядя Коля добрый и доверчивый человек. Тебя обмануть в один присест можно. Мне так кажется, что многие твои подчиненные пользуются этим. В Братске не удержался. Я уверен, что и здесь ты не сработаться. Менять характер? Вряд ли тебе это поможет.

Дядя Коля нахмурился.

– А если я обижусь на тебя?

– Мне плевать на эту обиду. То, что я знаю, то и говорю. В какие края, дядя Коля пойдешь?

– Твоё какое дело? – резко ответил дядя Коля. – Здесь ты не угадал. Меня окружают нормальные люди. Преданные своей работе. Личного шофера у меня нет. Я сам вожу машину. К зиме тебе дадут общежитие. А здесь у меня будут делать ремонт.

И он ушел. Обиделся мужик. Можно было это не говорить дяде Коле. Но Борис хотел, как лучше. Ремонт гаража? Странно.

Его ещё прошлым летом оштукатурили и покрасили. Гараж выглядел, как хорошая, ухоженная квартира. Всё понятно. Значит, Борису надо искать новое жильё. Искать немедленно.

В три часа дня он пошел в контору, чтобы уплатить долг за квартиру. Надо Нине помочь.

Путь к конторе пролегал мимо скамеечки, на которой сидели вечные бабули. Как всегда их было пять.

– О, Борис, давненько тебя не было! – воскликнула первая бабка. Борис не знал их всех имена, он называл их цифрами.

– Хи-хи-хис, – хихикнула вторая бабка. – Брезговат нас. Он человек, а все для него букашки.

– Ну, чо ты Авдотья Сидоровна, он мужик деловой. Трудится всё. Нинке вон пошел за квартиру платить. Молодец, – ответила третья бабка.

– Как соленый огурец, – сказала четвертая бабка. – Говорят, Николай Иванович, попросил тебя из гаража? Какой он нехороший. Разве так можно. Живет человек в гараже, ну и пусть себе живет.

– Я и то думаю, пусть живет. В зимовье, что ли ему идти? В наш-то век идти в тайгу. А там, говорят, медведи ходят, – сказала пятая бабка.

– Так, Николай Иванович, гонит его, бедненького и несчастненького, – чуть не всхлипнула первая бабка.

– Так вот, гонит родненького. Кому он помешал? Никому не помешал, – с печалью в голосе ответила пятая бабка.

– С Иваном на рыбалку ездили. Там можно было присмотреть избенку. Там стоит такая избенка, ещё построенная до войны геологами, – сообщила третья бабка.

Борис стоял у скамейки. Будто неведомая сила остановила его возле этих бабок. Казалось, он даже не мог сдвинуться с места.

– Вы, бабки, кажется, всё в этом мире знаете? – прохрипел он. У него даже голос изменился. Он чувствовал, что слабеет, силы покидали его. В этот момент он думал, как бы вырваться из этого колдовского круга?

– А он на учительницу запал, – хихикнула вторая бабка. Всё ясно. Они выпытали обо всем у Ивана. Зря он так поступил. Не хорошо. О таких вещах нельзя откровенничать с женщинами.

– Это Верочка-то? – вкрадчиво спросила четвертая бабка. – Не по его зубам. Эта цаца всем мужикам только головы морочит.

– И не говори, – ответила пятая бабка. – Чую, Иван к ней подкатывается. Этот гусь чего доброго охмурит молодуху, как пить дать охмурит.

Не выдержал Борис. До каких пор они могут так вот безнаказанно издеваться над людьми? Уже добрались к молодой учительнице. Ивана туда приплели. Борис набрал воздуха, оторвал правую ногу от земли, потом левую. Шагнул от них на два шага и резко ответил:

– Слушайте вы, сидящие денно и ночью на этой мерзкой скамейке, которая уже пропиталась вашей злобой на людей. Только и способные мыть косточки людям. Всё не успокойтесь, не остепенитесь? Сплетницы горячие! Нет в вас совести и стыда! Учительница-то чем вам помешала? Вы сначала на себя посмотрите со стороны. Змеиное отродье! Не стыдно? От этой скамейки уже нормальные люди шарахаются!

Высказал он это быстро и громко. И тут же подумал, зачем он это говорил?

А вот пока он говорил, бабки то вскакивали, то садились. А вот когда он, пошатываясь, пошел от них, они и начали кричать. Нет смысла упоминать бабок по цифрам.

– Как ты посмел, упырь недорезанный!

– Он нас оскорбил, честных тружениц!

– Мы на него жалобу такую состряпаем, что все ахнут.

– Мы ему всё припомним!

– Все слышали, люди добрые, как этот недоделок обозвал нас не культурными словами! А мы самые культурные, интеллигентные женщины! А он нас всяко осрамил!

– Уголовник! Бич! Бомж! Нигде не работает, а деньги имеет! Надо разоблачить тунеядца!

Борис ускорил шаги. В конторе он рассчитался с Ниниными долгами. Обрато он пошел другой дорогой.

У магазина «Торговый центр» он неожиданно увидел учительницу Веру. Она тоже увидела его, и на её лице появилась улыбка. Они сблизались. У Бориса всё внутри пело. Он не чувствовал под собой ног.

И вот в этот момент к Вере подошел хозяин Игорь Николаевич. Борис остановился в метрах трех от них. Возможно, хозяин давно знает Веру. Она остановилась. В руках у неё две сумки.

– Разрешите, Верочка, я вам помогу донести сумки до моей машины.

– Не разрешаю, – ответила она.

Но он взял сумки за ручки и потянул к себе. Она ручки не отпускала.

– Прекратите, – сказала она. – Я хорошо сама донесу. Не надо мне помощников.

– Я не помощник, – засмеялся он. – Какой же я помощник, я хочу стать вашим другом!

– Другом говорите? Так друзья не поступают.

– Вы не пожалеете, если я стану вашим другом, – говорил он, не отпуская ручек.

– Отпустите сейчас же! – повысила она голос.

– А если не отпущу? – спросил он.

– Не волнуйтесь, кричать не буду. Я просто оставлю эти сумки вам. Вам они нужны, вот и возьмете их себе.

– Какая же вы недотрога. Я ведь всё равно своего добьюсь. Я упрямый.

– А я ещё упрямей.

– Да брось, кочевряжиться! – повысил он голос. – Знаем мы вас вот таких недотрог! Это вы с виду такие, хмурые да деловые. И ты, как все недотрога!

Хозяин Игорь Николаевич, стоял к нему спиной. Для него Борис, просто мастер по машинам. Из-за его спины Борис иногда видел лицо Веры. Оно было суровым. В глазах твердая решимость – не сдаваться наглому господину. Не мог Борис стоять в стороне, когда оскорбляли беззащитную женщину, тем более любимую.

Борис похлопал хозяина по плечу.

– Слушай, господин хороший, ты не понял, что девушка не нуждается в твоей помощи. Неужели не ясно?

Игорь Николаевич даже вздрогнул. Он выпустил ручки. И Вера поставила сумки на асфальт.

Хозяин не повернулся к Борису, а он только повернул голову так, чтобы увидеть того, кто его потревожил. Так делают люди, которые относятся к такому собеседнику с презрением.

– А, механик по моторам? Так иди и делай моторы. Мы здесь без плебееобразных товарищей обойдемся. Не сердя меня, механик.

И он снова хотел сделать попытку поднять сумки. В этот момент Борис увидел лицо Веры. Она смотрела на Бориса. В глазах её он увидел, а может ему показалось, восхищение.

– Прекратите безобразничать, – резко ответила она хозяину.

– Я же вам уже сказал, отпустите сумки, – сказал Борис. На этот раз хозяин выпрямился, и развернулся к Борису. Он, как понял Борис, специально громко сообщил:

– Ты на что нарываешься? Ты же настоящий бомж! А бомж не имеет никаких прав! Ты на кого пасть разинул бичара! Живешь в гараже? Вот и живи. А то ведь и оттуда тебя выгонят. И пойдешь жить на свалку.

– Зачем вы так обзываетесь? – спросила у хозяина Вера. – Значит, так надо ему жить. Это его собственная жизнь.

– Это что же получается? Бомжу уважение, а честному труженнику от ворот поворот? Ну, механик, смотри. Я ведь не посмотрю, что ты хороший механик и классный щипач. Сам виноват. А вы, дамочка, береги свои карманы. За милую душу обчистит.

Зачем он так? Если Игорь Николаевич вор с государственным уклоном, то он не должен так говорить о другом воре при простом народе. Это не по понятиям. Тем более этот хозяин жил в Братске, и был он один из крупных бизнесменов. Вот его бы надо было, как следует пощипать, чтобы не обворовывал государство и не обманывал народ.

Хозяин пошел к своей машине. Там суетился Прыщ. Он всё порывался пойти к своему хозяину, но не решался.

Вера подняла сумки, и только теперь сказала:

– Спасибо. Я бы сама с ним поговорила. А вы всё теперь для себя испортили. Он человек мстительный.

– Знаю, – ответил Борис. – Сейчас так, чем богаче в нашей стране становится человек, тем он мстительнее. А мне терять просто нечего. Разрешите поднести сумки?

– Спасибо. Я сама справлюсь. Я всегда сама справляюсь со своими разными проблемами.

Она очаровательно улыбнулась, и продолжила путь. Он понял, что и его Вера, как говорят «отшила». Почему-то в этот момент ему стало стыдно. Он чувствовал, что лицо его пылало огнем. Что с ним такое происходит? Он смотрел ей вслед, и не мог сдвинуться с места. Он с силой потер лицо, тряхнул головой, и сдвинулся с места. Встречи, которые сегодня произошли, не радовали Бориса. Что ещё сегодня его ждет? Он чувствовал, что это ещё не всё. Это только начало.

Он походил по городу, посидел на скамеечке у памятника академику Янгелю, и решил пойти в гараж. Там его ждал человек. Он немного знал его. Работал в конторе у дяди Коли.

– Пришел, бедолага, – сказал он. – Был приказ выселить тебя. В твоих услугах больше никто не нуждается.

– В чем дело? – спросил Борис. – Дядя Коля знает?

– Дядя Коля? А. Ну, да, конечно, знает. Это его приказ.

– Так, что я такого сделал?

– Ты не догадываешься? – тихо спросил человек, и стал оглядываться. – Капнули на тебя. Больше я ничего не знаю. Кому-то ты крепко помешал.

– Уже догадался.

– Собери свои вещи, и давай потихоньку дергай.

– Долго нищему собраться? Только подпоясаться.

Борис прошел вдоль гаражей, и вышел к лесу. Куда идти он не знал. Деньги у него пока ещё есть. Он сел на пенек, и стал думать, что делать дальше. Пойти к Александру Дмитриевичу? Возле его дома сидят вечные бабки. Поблизости нет зимовья. Он мог бы заготовить дров, и можно даже зиму в нем прожить.

День для него не закончился просто так.

Борис пошел в город. Он решил пойти на вокзал. Здесь его ничто не удерживало. Куда ехать он ещё не знал. Странно, но образ Веры, которую он назвал Вишенкой, не отпускал его. Он будто удерживал его.

Только что подошел поезд Москва-Тында. Решение возникло мгновенно. Он поедет до Лены. А там видно будет. Такие билеты были.

Он вышел из вокзала и встретился с Иваном.

– Борис? А я жду электричку. На дачу еду к другу. Слушай, Борис, там на тебя эти бабки телегу составили в милицию. Ну, никак не успокоятся. Будто ты всяко обозвал их, бить их начал. Твоя Нинка тоже подписалась. Срок тебе очередной светит. Бежать тебе надо.

– А Нинке-то, зачем на меня кляузничать? Теперь кто ей за квартиру платить будет? Ну, что за народ такой? В Якутию уезжаю. А там, куда ещё дальше.

– Ну, и правильно. Тебя сильно поддерживает Александр Дмитриевич. Он за тебя агитирует и на чем свет стоит, ругает того твоего хозяина, где ты в гараже работал. Не мог заступиться за тебя. Тоже подписи за тебя Александр Дмитриевич собирает. Не уезжал бы. И я за тебя подпишусь.

– Пойми, Иван, бабкам поверят. Женским слезам поверят. Мне не поверят. Я там был. Мне нет веры. Я хорошо знаю психологию одиноких оскорбленных женщин. Прощай, Иван. Россия велика. Бродяге есть, где скрыться. Россия только и может помочь мне. Я только ей верю. А в людей я начинаю веру терять.

– Но мы все тоже Россия, – возразил Иван.

– На её теле тоже есть большие придатки, в виде этих бабулей.

Наваждение

Борис уезжал из города, который на какое-то время приютил его. Что-то беспокоило его, и в тоже время тянуло в эту дорогу. Он ещё никогда не ощущал противоречивого состояния перед отъездом из любых городов, в которых он побывал. Для него это было незнакомое состояние. Не мог понять, что это с ним?

Он сошел на станции Лена. На такси он доехал до порта Осетрова. Зачем он сюда приехал? Он не знал. Просто сел в такси и поехал.

В гостинице мест не было. Он вышел на берег Лены. У костра сидело три мужика.

– Не помешает вам странник?

– Проходи, если не шутишь, – ответил один.

- На электричку опоздал? – спросил второй.
- Вы правы. Везде опоздал.
- Мудро, – ответил третий. – Значит, ты наш, везде опоздавший.
- Вы не опоздавшие. Вы, возможно, местные, а я блукаю по земле нашей, а пристанища не вижу пока, – ответил Борис.
- Видимо, крепко тебя подперло, – сказал первый.
- Бывало и хуже. Закалился.
- Значит, бродяжничаешь?
- Выходит, что бродяжничаю.
- Выпить, у нас ничего нет. Просто вот сюда приходим и сидим.
- Понимаю.
- Нет, странник, тебе этого не понять.
- Возле воды хорошо. Она как бы нас успокаивает. Здесь хорошо. Представляешь величие этой реки где-то там, внизу, и приятно становится, что мы где-то живем почти в верхнем её начале.
- Мечты приходят? – спросил Борис.
- Завтра утром теплоход «Попов» отходит до Бодайбо. Сел бы вот так и по Лене-матушке до Бодайбо.
- А кто вам мешает?
- Ты счастливый. Одинокий волк. У нас троих семьи. Жены, дети.
- А разве это плохо? Семья. Жена. Дети, – ответил Борис и вздохнул. Он сел на песок. – А у меня вот ни семьи, ни детей. Ничего и никого нет. Вы правы. Одинокий волчара. Вроде наладится жизнь, а потом раз, и прокол. Это я вам должен завидовать. Вы счастливые люди. Скажу честно, ничего хорошего в моей жизни нет. Не завидуйте.
- А чо тогда ты бродяжничаешь? Остановись. Какая профессия-то?
- Механик я по моторам, и вообще по любым машинам. Мужики переглянулись.
- Слушай, парень, а давай к нам, в нашу мастерскую. Нам как раз такие спецы нужны.

– Спасибо, мужики, но пока мне надо отсюда удалиться по-дальше. А там видно будет.

– А что ты натворил? Вроде на бандита не похож.

И Борису пришлось рассказать о том, как он работал в гараже, и о бабках, и о хозяине-бизнесмене поведаль.

Мужики поохали и согласились, чтобы он скрылся подальше.

– В Бодайбо тебя искать не станут, – сказал один мужик. – А потом приезжай к нам.

Они сообщили ему свои адреса. Жили в одном доме.

– Спасибо, мужики, – встал он. – Обязательно вернусь. Надоест им меня искать. Дело-то плёвое, но ведь стыдно. Из-за каких-то бабок, и набитого кошелья марать свою судьбу? Вот в чем было бы мне обидно.

– Бабки-то ладно, а тот бизнесмен будет похлеще твоих бабок, – сказал второй мужик. – Вот посмотришь, всё забудется.

И Борис пошел покупать билет на теплоход, который отходит завтра. Конечно, он мог бы и не ехать. Но он не понимал себя. Ему вдруг захотелось попасть на этот теплоход, хоть вой.

Билет он купил, и пошел к костру. Мужиков здесь не было. Он посидел у потухающего костра, и пошел на пристань.

Ночью к нему подошел дежурный.

– Что это вы здесь собрались ночь коротать?

– В гостинице нет мест. Я уже узнавал.

– А как ваши документы в порядке? И куда путь держите?

Дежурный проверил паспорт, билет на теплоход.

– Ладно, ложись, да поспи. Чо сидеть-то? Вон там тоже четверо ждут теплоход. Туристический последний рейс. Часть в гостиницу устроились, А вот этим бедолагам мест не оказалось.

Борис лег на лавку. Что с ним происходит? Он мог бы в Осетрове остаться. Зачем ему этот теплоход? Зачем? Что он потерял в этом Бодайбо? Незнакомый для него город золотодобытчиков. Борис навидался этого золота на всю жизнь. Он всегда думал вот о чем. Что в этом металле? Столько жизней загублено из-за крошек этого желтого металла! И потом, он вспомнил этих трех мужиков. Счастливые они. Есть теплые квартиры, жены, дети, постоянная работа. Зачем им мечтать о том, о чем не надо

бы и думать-то. Может они Борису позавидовали, за его свободу? Не надо бы Борису завидовать. Это он должен завидовать этим трем мужикам. Будет ли и у него такая теплая и устроенная жизнь? Нет, всё-таки, какое-то наваждение с этой поездкой. А ведь в эту поездку его натолкнули бабки и тот хозяин. Если бы не они, то Борис бы продолжал работать в гараже. Значит, судьбе надо было сделать так, как и получилось. Но зачем? Какой смысл? Борису даже стало любопытно. А что будет дальше? Куда его забросит судьба? И зачем она так с ним играет? Ответа не находил.

Утром он поднялся на теплоход. В каюте с ним оказался парень, крепкий и огненно-рыжий.

– Гриха я, – отозвался он на вопрос Бориса.

– Золото добываешь?

– Не-а. Из Черемхова я. Захотелось реку Лену повидать.

– Вот те раз. Так я тоже в Черемхово родился и жил на улице Желябова.

– А я на треугольнике. Улица Красная.

– Мы с тобой из Черемхова. Такой же горластый, как и я. А зачем оттуда рванул?

– Дела. Сразу всё и не расскажешь.

– Ну и ладно. В Якутии был. Я шахтер. В отпуске я.

– Ну и как в Якутии? Повидал? – спросил Борис.

– Повидал, – осклабился он. – Доволен. Ух, красота! До Якутска до самого побывал на туристическом теплоходе. А чичас вот решил на Бодайбо посмотреть. Я на Лене столбы видел. Красота!

– Мне, кажется, в Черемхове можно жить, – ответил Борис.
– Что вам дома-то не сидится? Всё куда-то вас тянет. Везде одинаково.

Григорий удивленно посмотрел на Бориса.

– Да, ты чо, паря? Чо? Позавидовал? Красота кругом. А чо у нас в Черемхове? Чо? Нет той красоты, какую здесь я увидел.

– Ты вот этой красоте удивился?

Григорий даже рот раскрыл.

– Как не удивиться? Ты чо? Красота.

– Да так. Не знаю, и всё так. У вас и вечные мачехи есть? Жаль, что не посетил ещё какую-нибудь деревеньку. Сожалею. Там тоже есть мачехи.

Григорий широко заулыбался.

– Ну, паря, ты меня удивил. Зачем тебе деревня? Ну, ты дал, паря!

– А ты меня удивил тем, что из Черемхово поехал на Лену. Так что мы с тобой, Григорий, оба друг другом удивились.

– И не говори, друг ты мой сердешный. Оба удивились. Но деревню не знать? Это уж совсем не тово! Как же так? У меня родственники жили в деревне Стрелова. Я в детстве там на молоке вырос. Ты вот чо, паря. Я вижу, ты парень толковый, не бандит какой-нибудь с большой дороги, приезжай к нам в Черемхово. С начальством договорюсь. Я тебе, друг сердешный всё покажу. Чо хоть умеешь делать-то?

Борис стал ему рассказывать о своей любимой работе с механизмами. Григорий наводил вопросы, конечно, проверял Бориса, а вдруг наврал. Потом нахмурился. Хлопнул мощными ладонями по своим коленям и сказал:

– Вот чо, паря, хватит тебе таскаться по белу свету. Тебя уже ничем не удивить в этом мире. Ты этово, как ево, тово, возвращайся в Черемхово, нечево блукать по свету. Я тебе адрес дам, и ты ко мне приходи. Места всем хватит. У нас с Полинкой-то в собственном доме три комнаты, трое ребятишек уже настрогал. У меня есть, и дача на берегу Ангары. Проживем. На разрез пойдешь механиком. Я с начальством договорюсь. Поможешь с дровами заготовить. Есть у нас вдовушки. Бросай всё и кати на свою родину.

Весь день он никуда не ходил. Лежал на диване, или смотрел в окно.

Когда солнце чуть коснулось горы, и стало постепенно темнеть, Борис вышел прогуляться по палубе. Он шел к носовой части теплохода. Бывало, когда он бывал на теплоходах, то любил смотреть, как вода уходит под нос корабля. Он мог так долго смотреть на воду. Просто так смотреть, и ни о чем не думать.

В носовой части было три скамейки. С правой стороны сидел человек. Борис не обратил на него внимание. Возможно, такой же человек, как и он, любитель посидеть вот так в одиночестве.

И вдруг этот человек заговорил:

– Какое чудо вода. У меня такое сложилось впечатление, будто нос теплохода врезается в студеною массу, и разрезает её. Вы, гражданин, не заметили такое чудо?

От этого голоса внутри Бориса словно образовался комок, и он подкатил к горлу. Он узнал этот голос. Из тысяч голосов он узнал бы его в многоликой толпе. Это был голос Вишенки. Этого не может быть! Именно эту фразу он и хотел воскликнуть. Полное наваждение! Как она оказалась с ним на одном теплоходе?! Как? Это невероятно. Сейчас он подойдет к ней, а это другой человек. Иногда её образ мучил его. Вот и сейчас он подойдет, а её нет. Как исчезали образы неведомой бабки, и странного деда.

Борис не видел её лица. Надо было что-то говорить. Он сглотнул слюну, и прохрипел:

– Я того же мнения. Странное ощущение.

Женщина немного помолчала, а потом сказала:

– Странно. Мне ваш голос почему-то знаком? Мы встречались?

– Мне ваш голос тоже кое-кого напомнил, – быстро ответил Борис.

Он повернулся к ней, а она к нему. Но лица он не видел. Одно он понял. Это была Вишенка!

Борис встал. В ногах он чувствовал слабость. Он шагнул навстречу к ней, а она к нему. Она!

Теперь он четко видел её лицо. Она улыбалась. Господи, подумал он, что это за улыбка?! Он никогда не встречал людей с такой улыбкой. От неё можно сойти с ума. Если бы он видел свое лицо со стороны. Надо держаться, промелькнула мысль, надо держаться.

– Вы? – спросила она. В голосе удивление и радость. – Как вы попали сюда? Это сказка? Наваждение? Как?

Он немного помолчал, потому что он не мог сглотнуть подкатившийся сухой комок к горлу. Потом всё-таки, выдавил:

– Так вот. Этого, как его, образовался.

– Но, как?! У меня сейчас сложилось такое впечатление, будто вы следите за мной. Хотя, что я говорю. Как?

– Просто стечение обстоятельств, – с силой выдавил он.

– А подробнее?

– Подробнее. Всё так сложно.

– А вы постарайтесь объяснить, а потом я расскажу о том, как я сюда попала.

– Я даже не знаю. Может вам про всё услышать не интересно.

– Но такое чудо, какое произошло с нами сейчас, это весьма интересно. Давайте так. Сядем на скамеечку, и вы подробненько объясните мне. Для меня всё интересно. А давайте я сама предложу вам больше не выкать. Мы с тобой уже порядком знаем друг о друге. А вот, как нас судьба свела на этом чудном теплоходе, это очень интересно.

Он немного рассказал о бабках, о том, где он жил, и о последней встрече с хозяином.

– Вот так я и появился на этом теплоходе.

– Я кое-что знаю о тебе. Вот только не знаю про то, как этот гусь назвал тебя вором. Что-то на тебя не похоже.

Она неожиданно рассмеялась.

– Я думаю, что ты здесь не обчистишь меня?

Борис отвернулся. Зачем она так?

– Вот и обиделся, рыцарь печального образа. Пошутила я. Пошутила. Ты другой.

И вдруг, Борьке не захотелось придумывать себе какую-то другую судьбу. Никакой он не рыцарь! Он был обыкновенным вором. Он должен, просто обязан всё рассказать, кто он на самом деле. А потом пусть решает, что с ним делать дальше. Впервые в своей жизни он начал откровенничать перед женщиной. Он твердо знал, что с женщинами не стоит ничем делиться. И ещё он знал, если хочешь, чтобы все знали о твоей тайне, поделись тайной с женщиной. Через какое-то время все будут знать об этом.

Странное чувство овладело Борисом. Он неожиданно не понял себя. Или он потерял бдительность, или ещё в нем возникло такое непонятное для него чувство, как недержание речи.

Он даже вспомнил свое горькое детство, злую мачеху, ну и так далее. И про прутья не забыл, про свои моральные речи, о ровстве.

Он говорил быстро, почти захлебываясь. Он чувствовал на своем лице её мягкие и теплые руки. И в этот момент ему было так хорошо, как было хорошо, когда его ласкала его родная мама в далеком детстве. Больше он никогда не ощущал такую нежную и откровенную ласку. Она гладила его голову. И её теплое и нежное лицо прикослось к его холодным и небритым щекам. Сколько длилось, это безумное наваждение он не знал.

Изредка до его слуха доходили её нежные слова:

– Господи, как же тебя трепала жизнь! Разве такое возможно одному человеку пережить? Маленький, потерявшийся ребенок в лесу. Некому тебя пожалеть и обогреть...

Кажется, и он шептал что-то непонятное, безумное...

– Вишенка моя, любовь моя единственная! Я столько лет пробивался к тебе, и вот я тебя нашел! Не уходи. Мне без тебя крышка. Ты всё для меня, моя Вишенка...

Борис не знал, сколько это сладостное безумие длилось. Он даже не знал, какое сейчас время суток. Он всё потерял. Просто он не знал, что с ним сейчас происходит. Такое с ним случилось впервые в жизни. И ещё он знал, даже короткое счастливое мгновение в его судьбе быстро улетучивается. Оно долго возле него не пасется. И он пытался продлить это мгновение.

Она встала.

– Не уходи, – сказал он.

– Не уйду. Я пойду в номер. Потом приходи ко мне. Мне надо побыть одной. Всё так навалилось на меня, что я и не знаю, что и делать. Какое-то наваждение.

Она ушла, а он продолжал сидеть. Он ещё не мог пережить сладостное мгновение, прикосновение молодой женщины. Ему просто не верилось в такое чудо. Этого не должно быть. Но ведь всё такое произошло. Что делать дальше он не знал. И вдруг ему стало стыдно. Что он тут наболтал Вишенке? А вдруг она одумается от неожиданного наваждения? И даже будет смеяться над его откровенностью. Ведь он никогда так не откровенничал с женщинами, а тут взял и разболтался.

Стало прохладно. Борис встал, и пошел в свой номер. Григорий уже спал. Часы показывали два часа ночи. Он сел на свой диван, но спать ему не хотелось.

В дверь постучали. Он открыл дверь, и увидел Вишенку. Она взяла его за руку и, молча, повела по коридору. Странное и необычное чувство овладело Борисом. Он шел послушно, как собачка за своей хозяйкой. В голове будто туман. Она завела его в свою каюту. Она была здесь одна.

Что произошло дальше, он смутно соображал. В лунном свете он увидел нагую Данаю. Он трогал её упругое тело, видел перед собой её груди, и прижимался к ним. Её теплые губы вцепились в его губы, а дальнейшие действия её страстного тела доводили Бориса до бессознательного состояния. Он, как голодный зверь то и дело, кажется бесконечно, бросался и бросался в объятия этой горячей и неутомимой красавицы.

Рассвет их застал в объятиях.

Она встала. Он лежал на спине опустошенный и ослабевший, но безумно счастливый.

Потом пришла Вера.

– Ну, что, отчаянный любовник? Пора вставать и убираться. Я вчера вечером договорилась с соседкой по второму дивану. Она переночевала в другом месте. В таком деле мы женщины лучше вас мужиков, понимаем друг друга.

Она строго смотрела на него. Что-то скребнуло у него внутри. Почему она так сказала? Убираться? Зачем так? Почему? Он стал оправдывать её. Конечно, сейчас придет соседка по каюте. И будет как-то неудобно увидеть мужчину в постели.

Борис быстро встал, оделся. Подошел к Вере, обнял её за талию. И тут он увидел её глаза. Как всегда большие, напоминающие спелые вишни. Но в них уже не было любви. Там было полное безразличие. Он попытался поцеловать её, но она отвела рукой его лицо.

– Хватит. Хорошего помаленьку. Иди, а то рассержусь. Нужен будешь, позову.

На ослабевших ногах он вышел в коридор. Куда идти он не знал. Что это было? Что только что было? Что произошло? Как так можно? Как так случилось, что он потерял бдительность? Он

всегда знал свои правила. Никогда не доверял женщине свои секреты, так же, как никогда с ними не спорил. Он просто от любви ослеп. А может, она просто решила испытать его любовь? Надо проверить. Женщины ведь очень загадочные существа. Борис даже стал успокаиваться. А ещё его покорило слово, что он будет нужен, и тогда она позовет его. Он, значит, собачка? Нет, Верочка, хоть она и решила испытать его, но этому не бывает. На зов пальчиком он не пойдёт.

Григорий валялся на диване, и мурлыкал какую-то мелодию.

– О, Борис! А я весь в думах! Куда, думаю, ты смылся? Скоро прибудем в Бодайбо. Думал я тут, долго думал. Ты, однако, прав, паря. Прав. Лучше моего города не сыскать. Поедем со мной. Там тебе невестушку сосватаем. Они так и ждут таких мужиков, как ты. Наши бабы преданные мужику, не то разные там вертихвостки. Давай к нам.

– Я и то думаю, – тихо ответил Борис. Слова Веры ну ни как не улетучивались из его головы. Они, как шпильки ворочались в голове, и кололи его до боли в висках.

– Эк, тебя, братец, как тебя сбубенило-то? Чой так?

– Всё сложно, Григорий, всё сложно в этом запутанном мире.

Теплоход подходил к пристани Бодайбо. Борис и Григорий вышли на палубу.

И тут к Борису подошла Вера, взяла его за руку и отвела в сторону от толпившихся людей к выходу.

– Ты меня, Борис, извини. Я с тобой утром невежливо поступила. Не могла иначе. Ты мне просто понравился. Я, всё-таки, женщина. Ты меня прутом за эти слова отстегаешь? Но я не мачеха. Пока у меня нет детей.

Сказала она так, и нежно улыбнулась.

– Но я, же к тебе...

Она прервала его.

– Ты меня послушай. Я еду к мужу.

– Ты почему мне об этом не сказала? – возмутился он. – У меня есть железное правило. Никогда не сближаться с замужней женщиной. Ты, значит, обманула меня! Тогда кто ты после этого? Кто?

– Ты перебиваешь меня.

– Но и ты меня перебиваешь!

– Но я, всё-таки, женщина!

– Какая ты после всего этого женщина? – ответил он. Возмущение, что он так был, нагло обманут, потрясло его. – Как ты могла? Так ведь нельзя? Это бесчеловечно. У тебя же есть муж!

– Послушай и не перебивай. Мы с ним вместе учились в институте. Потом мы поженились. Мы жили в Черемхове. Он изменил мне. Я не могу прощать измену. Я чувствую, что ты не такой, может, из-за этого я увлеклась тобой. Я уехала сюда. А его посадили в тюрьму. Он работал на базе. В общем, за какую-то крупную махинацию его посадили. Отбывал срок в Бодайбо. Теперь вот освободили. Он позвонил мне, чтобы я приехала. И мы вместе решим, что делать дальше?

– Почему он не приехал? – спросил Борис.

– У него подписка не покидать город. Его не полностью освободили. Вот я еду к нему. И мы вместе решим, что делать дальше?

– Вера, ты поступила не честно со своим мужем. Для тебя мало прута.

В Борисе, словно что-то оборвалось внутри. В нем возникло такое чувство, словно он что-то украл нехорошее и подлое. Такое чувство в нем возникло впервые в жизни. Он был в полной растерянности.

– Ты не сердись на меня, – прошептала она. – Я не обманывала тебя. Нет, не обманывала. У меня в действительности к тебе появилось чувство. По-моему, даже что-то большее...

– А во мне что-то треснуло, – прошептал он. – Иди к своему мужу. Иди. Прощай.

– До свидания, – прошептала она, и нежно и светло улыбнулась. Он увидел, как в её глазах появились слезы. – Вот увидишь, что всё будет хорошо. Мы встретимся с тобой, в нашем городе Черемхове.

Но слова и слезы не тронули Бориса. Он только сказал:

– Прощай.

Борис развернулся и пошел в носовую часть теплохода.

Последнее, что он услышал.

– Вернись. Я тебе многое, что хочу сказать. Вернись.

Больше он не слышал её голоса. Заглушали голоса пассажиров толпившихся у выхода.

Теплоход причалил к пристани. И народ повалил на берег. Борис смотрел на движущийся поток, и на душе его была тоска по одиночеству, которая никогда не покидала его. Лучше он будет вечно одиноким, чем обманутым так низко и подло женщиной, которую он полюбил чистой и откровенной любовью.

Он увидел её. В коричневом плаще она отличалась от всех пассажиров. Вот к ней подошел молодой и крепкий парень. Они обнялись, поцеловались, и пошли в город. Она шла с ним рядом под ручку, и всё оглядывалась. Потом скрылись за домами. Ну, вот и всё.

С берега закричал Григорий:

– Борька, ты жди меня! Я тут оглянусь, как здесь, да и вернусь.

Теплоход отчалил от пристани и понесся по быстрому течению Витима к Лене. В каюте они опять оказались с Григорием.

Казалось, ничего не радовало Бориса. Григорий ничем не мог развеселить своего нового друга.

Это был последний рейс теплохода. Неожиданно он причалил к крутому берегу.

– Что это тут такое? – спросил у матроса Григорий.

– Последних геологов забираем. Каждый год их в одно время берем на борт.

Борис, ещё не зная, что он делает, сошел по трапу на берег. Два геолога завязывали какие-то сумки.

– Долго здесь стоять будем? – спросил Борис у геологов.

– Там ещё шесть мужиков. Ящики вот все загрузим и всё. Ты далеко не уходи. Он и без сигнала уйдет. Чего тут сигналить-то? Кроме нас на сотни километров ни души. Глушь. Тайга.

Борис вошел в тайгу. Сразу же на траве он увидел кедровую шишку. Поднял её. Надо набрать шишек, да угостить Гришку, подумал он. Он двигался по тайге, собирая шишки в подол куртки. Кажется, хватит. И он решил пойти к теплоходу.

На месте его не оказалось. Борис увидел его далеко на изгибе реки. И вот он скрылся.

* * *

Человек сидел совершенно один на берегу, и смотрел в почерневшие волны Витима. Дождь с первым снегом падал на согнутую спину, и струйки воды казались человеку почему-то солеными.

Где-то далеко прогремел выстрел, но человек не обратил на это внимание. Человек что-то шептал. И если бы ветер мог передать отдельные слова, то можно было услышать:

– Гришка, дорогой друг, я хочу в Черемхово. Мне одиноко. Мне холодно. Найди меня, друг.

Дождь и снег падали на согнутую спину человека, а капли дождя были теплыми и солеными.

Вдали опять прогремел выстрел...

Содержание

О книге	3
От автора	4
Запах гребешков	
Светочка	7
Евлашиха и царевна	11
Радости и печали	21
В старом доме	34
На базаре	40
Пакостники	46
Запах гребешков	52
Противостояние	54
Нам хотелось накормить всех	61
Прощание	64
На улице детства	70
Один на темном берегу	
От автора	71
Замкнутый круг	74
Начало новой жизни	97
Вишенка	108
Неожиданные встречи	125
Наваждение	137

Юрий Стрелов

А МЫ ИЗ ЧЕРЕМХОВО

Повести

Отпечатано в типографии «Оттиск». Лицензия ЛР № 066064 от 10.08.1998.

Подписано в печать 04.09.2013 г. Формат 60/84/16.

Усл. печ. л. 8,7. Уч.-изд. л. 10,1. Бумага офсетная. Печать трафаретная.

Тираж 200 экз. Заказ № 237.

664025 г. Иркутск, ул. 5-й Армии, 26. Тел.: 34-32-34, 241-242.

E-mail: ottisk@irkmail.ru. www.ottisk-irk.ru